

РУССКАЯ РЕЧЬ 1981

ЯНВАРЬ Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ФЕВРАЛЬ

В номере:

Навстречу XXVI съезду КПСС

Ф. П. Филин. На рубеже новой пятилетки	3
И. Ф. Протченко. Язык нерасторжимого братства	11
Н. Г. Мпхайловская. Русский язык и литература пародов СССР	18
Т. Г. Юрчук. «Я русский стих слагаю Украине...»	24

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. И. Горшков. Язык поэзии — язык жизни	31
А. Н. Кожин. Слово сердца во славу Родины (замечки о советской поэзии)	38
<i>К 150-летию со дня рождения Н. С. Лескова</i>	
З. К. Тарлапов. Волшебник слова	45
О. Е. Майорова. Особенности стиля рассказов-воспоминаний Н. С. Лескова	51
<i>К 145-летию Н. А. Добролюбова</i>	
Е. А. Василевская. «Какой светильник разума угас!»	55

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

А. Н. Лесков. Жизнь Николая Лескова (отрывки)	62
---	----

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Л. В. Зубова, А. Д. Сыщиков. Бесценный клад	66
---	----

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

Н. Н. Кохтев. «Форма речи — простая, понятная»	70
--	----

КУЛЬТУРА РЕЧИ

В. П. Даниленко, Л. И. Скворцов. Терминология и норма	77
Т. С. Коготкова. Как обратиться к родителям (об автоматизме речи)	83

ЯЗЫК ПРЕССЫ

Г. С. Шалимова. Выражая мир кадрами 88

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. П. Вомперский, М. В. Ломоносов и его роль в изучении русского языка 94

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Николай Николаевич Прокопович (1901—1972) 99

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

П. И. Ивинский. Русский язык в Польше 103

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

П. П. Саблина, М. И. Сахаровская. «Книга о Луне и всех планетах небесных» 109

Г. К. Валеев. «Наши вичи едят одни калачи» 116

Н. Х. Низаметдинова. О стиле произведений Максима Грека 122

НА КАРТЕ РОДИНЫ

М. В. Горбачевский, В. Ю. Дукельский. Ростов Великий 128

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Е. П. Ходакова. Отъявленная красавица 134

В. К. Юношева. Тупей, тупейный 138

В. А. Филатов. Падь и распадок 142

Н. В. Таранов. «Песенное дерево» 147

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий 153

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Все ли написанное произносится? Калач; Чебурашка 156

Кроссворд 152

На обложке: Рисунок Б. Захарова

НА РУБЕЖЕ НОВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Коммунисты, все советские люди с огромным воодушевлением готовятся к очередному, XXVI съезду КПСС.

Съезды Коммунистической партии — четкие ориентиры на каждом очередном этапе нашего движения вперед по пути к коммунизму. В осуществлении величественных задач строительства коммунизма огромная роль принадлежит науке. В СССР сейчас имеется 1.300.000 научных работников, или 1/4 всех ученых планеты.

Большинство научных разработок создаются научными коллективами. Среди них успешно трудится и коллектив Института русского языка АН СССР — главного и единственного в своем роде центра советской и мировой русистики. Этот Институт как особое исследовательское учреждение был создан в 1944 году — в грозное время Великой Отечественной войны. Первым его директором был один из крупнейших русистов академик С. П. Обнорский — ученик знаменитого академика А. А. Шахматова.

Наука о русском языке, как языке великой русской нации, средстве межнационального общения народов СССР и одном из мировых языков, занимает видное место в развитии языкознания. Русский язык бесконечно богат по своей структуре и своим функциям, он имеет длительную и сложную историю, поэтому аспекты его исследования неисчерпаемы.

За годы своего существования Институт опубликовал сотни книг, которые во многом определили развитие науки о русском языке, оказали большое воздействие на преподавание русского языка у нас в стране и за рубежом, способствовали повышению речевой культуры широких кругов населения. Институт русского языка был и остается

важнейшим центром подготовки высококвалифицированных специалистов по русистике.

Главная особенность этого учреждения — подготовка капитальных трудов, которые требуют огромных затрат труда и не могут быть созданы где-либо в другом месте, а также координация работы по повышению уровня владения русским языком как средством межнационального общения и участие в некоторых важных международных лингвистических предприятиях. Разумеется, одновременно готовятся и печатаются индивидуальные монографии, посвященные самым разнообразным темам общего и частного характера, издаются различного рода сборники статей.

Готовясь к предстоящему съезду, мы подводим итоги работы, проделанной после XXV съезда КПСС, разрабатываем планы на новую пятилетку.

В краткой статье невозможно рассказать о всех темах, над которыми будут работать сотрудники Института в одиннадцатой пятилетке, поэтому мы ограничимся сжатой характеристикой наших основных исследовательских направлений.

Наиболее заметных и общественно значимых успехов мы достигли в лексикографии, то есть описании словарного состава русского языка, начиная с древнейших его истоков и кончая нашим временем. Генеральная линия русской лексикографии — собрать «под одну крышу» в виде разных словарей все слова, их значения и их употребления, лексические особенности всех разновидностей русского языка в его современном состоянии и в прошлом, которые окажутся доступными лексикографам. Полное собрание русского лексикона будет иметь огромное значение для науки. Задача эта архитрудная, но в принципе выполнимая, пусть даже не в скором будущем. Для успешного ее выполнения нужны дальнейшая разработка проблем теории лексикологии и лексикографии, пополнение существующих и создание новых картотек.

В новом пятилетии будет продолжаться подготовка нового издания (дополненного и улучшенного) нашего главного лексикографического труда — семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка», включающего в себя словарный состав от Пушкина до наших дней. В нем будут учтены значительные изменения, происшедшие в лексике за последние десятилетия, проверены и в необходимых случаях обновлены иллюстрации — цитаты из литературных источников. Должно начаться пе-

чатание первых томов словаря, причем мы рассчитываем на заметное увеличение его тиража. Первое его издание (1948—1965) было напечатано в незначительном количестве экземпляров, и словарь, едва выйдя в свет, стал библиографической редкостью. Практически он недоступен не только для широких кругов читателей, но и для многих писателей и даже для большинства лингвистов-русистов. Между тем, ведь это главное словарное пособие по русскому литературному языку, которое в 1970 году было удостоено Ленинской премии.

В 1981 году в издательстве «Русский язык» выйдет в свет первый том четырехтомного «Словаря русского языка» — тоже второго, значительно переработанного издания, по объему своему приближающегося к известному словарю под редакцией Д. Н. Ушакова, до сих пор не потерявшему своего значения, но во многом уже устаревшему как по своему словнику, так и по лексикографическому уровню. Публикация второго издания академического четырехтомного словаря в новом пятилетии будет завершена. Будут продолжаться также переиздания наиболее доступного для широкой публики однетомного словаря С. И. Ожегова.

Большим вкладом в культуру русского народа и всех народов нашей страны, в мировую культуру явится «Словарь языка В. И. Ленина», в котором будут собраны и объяснены все нарицательные слова, имеющиеся в полном собрании сочинений классика марксизма-ленинизма, основателя нашей партии и Советского государства. За последние годы были разработаны теоретические принципы этого словаря, создавалась картотека, состоящая из карточек-текстов, показывающих употребление ленинских слов и выражений («лингвистическая лениниана»), работа над которой завершается. В основной картотеке оказалось около двух миллионов карточек-текстов. Теперь мы приступаем к созданию текста самого словаря.

Кроме толковых словарей имеются и многие другие типы лексиконов. Из них следует назвать словари, предназначенные для повышения культуры речи широких масс населения: по существу заново составленный орфоэпический словарь (словарь литературного произношения и ударения); новое, переработанное и дополненное издание «Орфографического словаря русского языка» и «Опыт нормативно-стилистического словаря».

Несомненный интерес представит также «Словарь новых слов современного русского литературного языка», в который войдут взятые из современных газет и журналов слова, по разным причинам не попавшие в современные толковые словари.

Современный русский язык — это не только литературный язык, в нем имеются также и другие виды речи, среди которых важное место занимают местные говоры — богатейший и незаменимый источник сведений для истории русского народа и его предков. Местные говоры в их совокупности содержат в себе огромное количество слов, не свойственных литературному языку. Записи этих слов начались в XVIII веке, десятки тысяч их имеются в знаменитом словаре В. И. Даля и многих других печатных и рукописных словарях. Особенный размах эта работа приобрела в советскую эпоху. Чтобы это богатейшее наследство стало доступным, решено было подготовить и опубликовать сводный «Словарь русских народных говоров». В 1980 году вышел в свет 16-й выпуск словаря, а в годы одиннадцатой пятилетки выйдет еще пять выпусков. К концу публикации словаря в нем будет не менее 180 тысяч слов — гораздо больше, чем диалектизмов в словаре В. И. Даля.

Институт будет продолжать также работу над капитальными историческими словарями, такими, как «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» (вышли в свет выпуски на слова *а — *gyžati, в 1981—1985 годах выйдет еще пять выпусков); «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (опубликовано семь выпусков, будет напечатано еще пять выпусков); «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.» и «Словарь русского языка XVIII в.». «Когда эти словари будут завершены (в двенадцатой пятилетке), в распоряжении науки окажутся богатейшие словарные материалы, начиная с дописменных праславянских времен и кончая нашим временем. В результате этой многолетней кропотливой работы будет создана база для новых открытий, значение которых сейчас даже трудно предугадать.

Когда мы говорим о словарях, не следует забывать о словарных картотеках, которые сами по себе имеют большую научную и культурную ценность. Основание академической словарной картотеке положил в 1886 году академик Я. К. Грот, но до революции картотека росла очень медленно, так и не достигнув миллиона карточек. Бурный рост количества наших картотек начался с 50-х

годов XX века, продолжается и теперь. В настоящее время в Институте хранится свыше пятнадцати миллионов словарных карточек. Число их заметно увеличится в новой пятилетке. Картотеки эти уникальны и представляют собой национальное богатство страны, к которому нужно относиться с исключительной бережливостью. Они являются материальной базой всяких словарей и любых лексикологических исследований, пособий и учебников.

Учеными Института очень многое сделано по части изучения грамматического строя русского языка в его современном состоянии и в его историческом прошлом. В 1952—1954 годах была опубликована первая в нынешнем столетии двухтомная академическая грамматика русского языка — наиболее авторитетный труд в этой области, оказавший заметное влияние на различные грамматические пособия у нас и за рубежом. В 1980 году вышла в свет новая (также двухтомная) академическая грамматика, основывающаяся на богатой картотеке, учитывающая достижения грамматической теории последних десятилетий. Ряд ее положений окажется дискуссионным (а серьезные дискуссии пойдут только на пользу нашей науке), но позитивная роль этой большой работы будет сказываться долгое время. Во всяком случае третья академическая грамматика русского языка появится не ранее начала будущего столетия. Но к ней нужно готовиться уже теперь. В новом пятилетии намечается подготовить такие работы, как «Слово и грамматические законы языка» (в двух книгах), «Синтаксис текста. Типология структур, средства связи» (в трех книгах), «Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект» (в двух книгах), «Грамматические исследования. Взаимодействие единиц разных уровней» (также в двух книгах) и др. В истекшей пятилетке был опубликован двухтомный «Исторический синтаксис русского языка», в ближайшие годы выйдет в свет «Историческая морфология русского языка» (в двух томах). В перспективе намечается создание исторической фонетики и исторической лексикологии. И в этих важнейших областях нашей науки, как и в лексикографии, совершенно отчетливо прослеживается тенденция к обобщению всех наших знаний о русском языке в его современном состоянии и в его истории.

Русский язык, как уже было сказано выше, представлен различными разновидностями (литературный язык, внелитературное просторечие, местные говоры, професси-

ональные и иные жаргоны). Конечно, в центре внимания стоит литературный язык, как главное средство общения в нашу эпоху высокой цивилизации. Немало уже сделано в изучении литературных норм (недавно напечатаны книги «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник», «Нормы современного русского литературного языка», «Изменение норм русского литературного языка», «Вариантность слова и языковая норма», «Теоретические основы культуры речи», «Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты» и ряд других). Эта работа будет продолжаться. В одиннадцатой пятилетке будут подготовлены труды «Развитие русского литературного языка и его норм в эпоху НТР», «Стилистика русского языка», «Очерки истории поэтического языка XX века» (в пяти книгах) и некоторые другие работы.

Много нерешенного еще остается в истории русского литературного языка. В течение длительного времени велись и ведутся споры, каково происхождение нашего литературного языка, как он развивался в допушкинское время. До сих пор распространены мнения, что он иноземного происхождения (древнеболгарского и даже французского), что не соответствует действительности. На эти вопросы даются ответы в готовящейся к изданию книге «Истоки и судьбы русского литературного языка». Развертывается работа над трехтомной академической «Историей русского литературного языка», которая подготавливается впервые в истории науки о русском языке.

Очень важной является разработка проблем диалектологии, так как без широкого и глубокого изучения народных говоров невозможно представить историю русского языка и русского народа, его близкородственных и иных соседей. В новом пятилетии будет осуществляться публикация «Диалектологического атласа русского языка», в котором найдут свое отражение особенности говоров территории древнего расселения русского народа. В собирании материалов для этого труда в течение последних десятилетий принимали участие почти все кафедры русского языка филологических факультетов вузов РСФСР, сотни ученых, педагогов, аспирантов и студентов.

Институт русского языка является центром большого международного диалектологического мероприятия — впервые создаваемого «Общеславянского лингвистического атласа», на картах которого найдут свое отображение

особенности всех славянских языков и диалектов на территории Европы, имеющих, как известно, одно общее происхождение (в отдаленные дописьменные времена был один праславянский язык, из которого после его распада образовались отдельные славянские языки). Началась публикация этого атласа. В новом пятилетии предполагается издать пять его выпусков (всего их будет примерно двадцать).

Западноевропейские лингвисты предложили создать грандиозный «Лингвистический атлас Европы», в котором будут описаны и географически изображены важнейшие явления всех языков нашего континента, родственных и неродственных. На Институт русского языка возложена обязанность быть координирующим центром по сбору материала и его обработке в Советском Союзе. Работа над ЛАЕ уже началась и будет продолжаться в одиннадцатом пятилетии.

Не менее важным источником для построения истории русского языка является богатейшая древнерусская письменность, дошедшая до нас начиная с XI века, а также письменность великорусской эпохи (с XIV века). Чтобы сохранившиеся письменные памятники были широко доступны историкам русского языка, необходима строго научная их публикация, которая удовлетворяла бы взыскательным требованиям лингвистов и всех специалистов, профессионально заинтересованных в правильном понимании нашего письменного наследия. В Институте вырос высококвалифицированный коллектив ученых, уже издавших ряд важных письменных памятников. В новом пятилетии предполагается готовить к печати «Книгу Козьмы Индикоплова», «Памятники южновеликорусского наречия. XVI век», «Московскую деловую и бытовую письменность XVI в.», «Памятники деловой письменности Тульского края. XVI век» и др. Наши сотрудники принимают участие в коллективном издании знаменитого «Изборника Святослава 1073 г.» («Изборник 1076 г.» нами уже напечатан).

Важную роль играет русский язык как средство межнационального общения. Наша политика в этой области очень ясна: всячески способствуя процветанию и свободному развитию языков всех народностей СССР, больших и малых, оказывать помощь в добровольном изучении и освоении русского языка как языка братства и дружбы многонационального населения нашей страны. Вопрос этот обсуждался в директивных органах, на заседаниях прези-

диума АН СССР, на многих конференциях и заседаниях. Было, в частности, решено создать во всех академических учреждениях союзных республик отделы, секторы, группы и иные организации, которые должны заняться подготовкой высококачественных учебников, учебных пособий и иных книг, необходимых для преподавания русского языка в национальных вузах, школах, во всех звеньях народного образования. На Институт русского языка возложена обязанность быть координационным центром, оказывать всемерную помощь национальным кадрам русистов. Нами подготовлен сводный перспективный план работы в этой области, включающий в себя свыше семидесяти тем. План этот будет реализоваться языковедами Москвы и Ленинграда, филологическими центрами союзных республик.

Желание многонационального населения нашей страны владеть русским языком как средством межнационального общения неодолимо. Об этом убедительно свидетельствуют данные последних переписей населения СССР. Если по переписи населения 1970 года русским языком (включая самих русских) свободно владело 183,7 миллиона человек (76% населения всей страны), то в 1979 году свободно владеющих русским языком оказалось 214,8 миллиона человек (81% всех граждан СССР). Наш интернациональный долг — помочь ускорению распространения русского языка, повышению культуры владения им, добиться того, чтобы у нас сформировалось устойчивое и гармоничное всеобщее двуязычие, при котором каждый гражданин нерусской национальности, сохраняя и оберегая свой родной язык, свободно владел бы и русским языком как средством межнационального общения и одним из мировых языков.

Таковы в общих чертах главные направления научных исследований Института русского языка АН СССР на одиннадцатую пятилетку.

*Директор Института русского языка АН СССР
член-корреспондент АН СССР
Ф. П. ФИЛИН*

ЯЗЫК НЕРАСТОРЖИМОГО БРАТСТВА

ы, советские люди, являемся гражданами крупнейшего многонационального государства. По подсчетам специалистов, на необозримых просторах нашей Родины живет около 130 наций и народностей со своими особыми языками. Все языки развиваются у нас в условиях равноправия. И русский язык в дружной семье других языков является равным среди равных.

СССР — первая в мире многонациональная страна, где нет насильственно навязываемого всем проживающим в ней народам государственного языка.

Необходимо подчеркнуть, что хотя большая роль русского языка во взаимном общении народов СССР общепризнана и его по праву называют языком нерасторжимого братства, дружбы, сотрудничества и сплочения советских людей, — он не является обязательным государственным языком СССР.

Основатель Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин решительно выступал против того, чтобы русский язык насильственно навязывался другим народам. Он говорил: «...мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*» (Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 24, с. 295).

Это указание Владимира Ильича неукоснительно выполняется. В Программе КПСС подчеркнуто, что Комму-

нистическая партия ставит своей задачей «обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков».

Советские люди воспитаны в глубоком уважении к каждому народу, к каждому языку. Как показывает исторический опыт, — в любом многонациональном государстве возникает неизбежная потребность выбора одного из наиболее развитых и распространенных языков этой страны на роль языка межнационального общения. В. И. Ленин в статье «Либералы и демократы в вопросе о языках» указывал, что в многонациональной стране «потребности экономического оборота сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм...» (Т. 23, с. 424—425).

В. И. Ленин видел в русском языке средство распространения революционных идей, богатств русской и мировой культуры; он считал, что этот язык обогатит литературу других населяющих нашу страну народов и «даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям...» (Т. 24, с. 294).

Роль языка межнационального общения была предназначена русскому языку самой историей. Русский язык, как мы знаем, является родным языком более половины населения СССР.

Украинцы и белорусы, составляющие около 52-х миллионов человек, в той или иной степени владеют русским языком, близкородственным как украинскому, так и белорусскому языкам.

Великий русский народ сыграл авангардную роль в освобождении народов СССР от царизма и оказал братскую помощь в политическом, экономическом и культурном развитии национальных республик.

В выдвижении русского языка в качестве языка межнационального общения большое значение имели исторически сложившиеся традиции, огромная роль русской культуры, науки в развитии других народов нашей страны.

Мы знаем, что русский язык был средством общения

народов и в дореволюционной России. Такие крупнейшие представители национальной культуры и науки прошлого — ученые, мыслители, писатели, педагоги, просветители-демократы, — как Ахундов в Азербайджане, Налбандян в Армении, Чавчавадзе, Церетели, Гогешвили в Грузии, Кунанбаев в Казахстане, Кемине, Молланепес в Туркмении, Токтогул Сатылганов в Киргизии, Шевченко и Франко на Украине, Лучина в Белоруссии, Райнис в Латвии, Жемайте в Литве, Крейцвальд в Эстонии, Фуркат, Муками, Саттархан в Узбекистане, Тукай в Татарии и многие другие выдающиеся деятели призывали свои народы изучать русский язык. Так, узбекский ученый, поэт-демократ Закирджан Фуркат писал: «Если русский народ предлагает нам изучать его язык и грамоту, то он не желает нам зла. Наоборот, он хочет, чтобы наша страна процветала, чтобы население благоденствовало».

Другой страстный поборник русской культуры и русского языка Исхаххан писал в 1912 году: «Первейшая необходимость для нас, туркестанцев, — это русский язык... Само собой разумеется, что знать его крайне необходимо для нужд людей».

Казахский акын Абай, обращаясь к своему народу, говорил: «Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру. Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык — на мир откроются и твои глаза».

Убедительные слова первых просветителей-пропагандистов русского языка в массах будили интерес к языку и культуре русского народа, способствовали укреплению дружеских связей русского народа с другими нациями и народностями. В дореволюционной России народные массы были беспарны и почти сплошь неграмотны. До революции в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и Киргизии неграмотное население составляло 98—99%; еще ниже был процент грамотности у народов Крайнего Севера. Даже начальная школа редко встречалась на окраинах страны, не говоря уже о средних и высших учебных заведениях.

Как видим, молодой Советской власти досталось тяжелое наследие; предстояла гигантская работа по ликвидации неграмотности, по развитию школьной системы. На пути решения этих задач стояло много трудностей. Кроме почти сплошной безграмотности, от царской России было унаследовано и очень запущенное языковое «хозяйство»:

в самом деле, из 130 народов страны только 20 имели более или менее разработанную письменность.

Несмотря на это, в СССР в сравнительно короткий срок были решены важнейшие задачи культурной революции.

Огромная научно-исследовательская и организаторская работа, проведенная в 20—30 годы русскими учеными совместно с учеными национальных районов при поддержке партийных и советских органов на местах, оказалась весьма плодотворной. О масштабах этой работы говорит такой факт: при Советской власти впервые получили письменность на родном языке около 50 ранее бесписьменных народов; подобных примеров в языковом строительстве, в последующем бурном развитии просвещения и культуры некогда отсталых народов не знает предшествующая история человечества. Ясно, что в одиночку ни одна национальная окраина России не могла бы справиться с решением столь грандиозных задач подъема просвещения и культуры. Это стало возможным только в результате победы Октября и осуществления ленинской национальной политики в условиях дружбы и сотрудничества народов. В короткие сроки была ликвидирована неграмотность и малограмотность; была налажена подготовка учителей; постоянно расширялась сеть различных курсов, начальных и средних школ, средних специальных, а затем и высших учебных заведений. Это в свою очередь позволило обеспечить широкую подготовку национальных кадров для местных государственных органов и учреждений культуры, а также инженерно-технических работников. Этап за этапом осуществлялся подъем народного образования: уже в 1930—1931 учебном году вводится всеобщее обязательное начальное образование, в послевоенные годы — обязательное восьмилетнее образование, в годы десятой пятилетки — всеобщее обязательное десятилетнее образование.

В развитии массового, повсеместного просвещения и культуры народов Советской страны выдающуюся роль сыграл ранее и продолжает играть в наши дни великий русский язык, язык Ломоносова и Пушкина, Гоголя и Толстого, Горького и Маяковского. На этом языке созданы и стали известны всему миру бессмертные труды Владимира Ильича Ленина. Все это убедительно подтверждает, что высокая роль русского языка исторически глубоко закономерна и обусловлена всем ходом жизни.

Многонациональное население нашей страны добровольно и целеустремленно осваивает русский язык, пользуется им наряду со своим родным языком.

Поэт Семен Данилов так объясняет соотношение своего родного, якутского, и русского языков:

Новых слов порою не хватает
Мне в родном богатом языке.
Если слог мой поисками скован
(Сколько новых дел, событий, чувств!),
Обращаюсь к русскому я слову,
У него я новому учусь...
Я ко всем наукам ключ имею,
Я со всей Вселенною знаком —
Это потому, что я владею
Русским всеохватным языком.

Развитие двуязычия у нерусского населения Советского Союза, так же как и развитие двуязычия у русских, которые проживают в национальных районах, имеет важное социальное значение для практического применения в общественно-политической, научной и культурной жизни. Оно содействует также и активному международному сотрудничеству. Вот почему свободное владение русским языком приобрело характер настоящей жизненной необходимости для всех советских людей.

Двуязычие, то есть владение родным и русским языками, способствует более успешному усвоению основ различных наук, лучшей подготовленности к прохождению службы в Советской Армии, дает возможность учиться в любом учебном заведении и трудиться в той или иной сфере деятельности в любом районе нашей страны. Двуязычие способствует достижению высокого уровня коммунистического воспитания подрастающего поколения.

Многонациональная советская школа играет первостепенную роль в решении задачи обучения учащихся родному языку и приобщения молодого поколения к богатствам русского языка.

Вопрос о выборе языка обучения, о порядке изучения родного и русского языка решается по-разному в зависимости от специфических условий тех или иных национальных районов, с учетом традиций и особенностей местного характера. Однако в последние годы можно отметить устойчивую тенденцию изучать русский язык с

первого класса средней школы. Кроме того с учетом опыта, уже накопленного в ряде союзных республик, разработаны типовые программы и методические рекомендации по обучению детей в национальных дошкольных учреждениях наряду с родным и русскому языку.

В целом можно сказать, что национально-языковые отношения в нашей стране обеспечивают расцвет социалистических наций и их постепенное сближение.

Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии следующим образом охарактеризовал этот процесс: «В истекшие годы под руководством партии были сделаны новые шаги по пути всестороннего развития каждой из братских советских республик, по пути дальнейшего постепенного сближения наций и народностей нашей страны. Это сближение происходит в условиях внимательного учета национальных особенностей, развития социалистических национальных культур. Постоянный учет как общих интересов всего нашего Союза, так и интересов каждой из образующих его республик — такова суть политики партии в этом вопросе».

Оживленные и разносторонние связи между народами СССР во всех областях жизни находят отражение в процессах взаимодействия и взаимообогащения языков. Взаимодействие языков — это всевозможные разновидности взаимовлияния двух и более языков и их диалектов. Это и заимствования каким-нибудь одним языком различных языковых фактов из других языков. Так, например, из русского языка все другие национальные языки берут большое количество слов и выражений, фразеологизмов. Через русский язык они обогащаются интернациональной общественно-политической, научной и технической терминологией. Вместе с тем русский язык и сам подвергался раньше и подвергается теперь воздействию этих языков, в первую очередь в отношении словарного состава и фразеологии.

Так, скажем, из украинского языка в русский в разное время вошли слова: *хутор, борщ, вареники, дивчина, девчата, хлопец, кожух, хата-лаборатория, косовица* и многие другие. Довольно разнообразны тюркские заимствования: *аксакал, чайхана, базар, караул, арык, кишлак, изюм, урюк, курган* и другие. В процессе контактов, интенсивных связей в русский язык вошли заимствования и из других языков: финно-угорских, кавказских, иранских и т. д.

Проблема взаимообогащения языков является новой проблемой, выдвинутой советским языкознанием, и вытекающей из марксистско-ленинской философской концепции, согласно которой каждый народ вносит свой посильный вклад в развитие сфер деятельности человека. К. Маркс писал: «Всякая нация может и должна учиться у других» (Маркс К. Капитал. Т. 1. Предисловие к первому изданию. М.: Госполитиздат, 1950, с. 7).

Современный русский литературный язык неотделим от социалистической экономики, политики, науки и культуры, от процесса дальнейшей консолидации советского народа — новой исторической общности людей.

В наши дни русский язык поистине становится интернациональным. И это обязывает нас высоко держать знамя русского языка. Все мы — для кого русский язык дорог — несем ответственность за его чистоту, правильность, точность и выразительность.

Учите русский —
 годы кряду,
 С душой,
 с усердием,
 с умом!
 Вас ждет великая награда,
 и та награда — в нем самом.

Узбекский поэт Сабир Абдулла

Писатель Алексей Николаевич Толстой называл русский язык величайшим достижением общечеловеческой языковой культуры. Он предсказывал, что «русский язык должен стать мировым языком. Настанет время (и оно не за горами), — русский язык начнут изучать по всем меридианам земного шара».

Это предсказание писателя сбылось. Из года в год возрастает тяга к изучению русского языка за рубежом. В числе шести языков (наряду с английским, французским, испанским, китайским, арабским) русский язык признан официальным языком ООН.

В знаменательные дни, когда берет начало новая XI пятилетка, в преддверии большого события — XXVI съезда КПСС всем нам хочется пожелать, чтобы русским языком овладевало все большее и большее число людей как в СССР, так и во всем мире.

И. Ф. ПРОТЧЕНКО

**Русский
язык
и
литература
народов
СССР**

КАЖДЫЙ период развития языка характеризуется конкретными чертами, касающимися его распространения, употребления и применения в обществе. В условиях развитого социалистического общества русский язык стал средством межнационального общения народов, населяющих Советский Союз.

Понятие межнационального общения, наряду с другими, включает два очень важных признака. Во-первых, общение — это и устная, и письменная форма использования языка в самых разных ситуациях. Тем самым общение — это непременно речь (диалог, монолог, устный разговор, беседа; письменный текст любого назначения и т. д.). Во-вторых, определение межнациональное имеет в виду языковую среду, состоящую из людей, для которых русский язык не родной. Таким образом, при межнациональном общении контакт устанавливается не обязательно между «русским» и «нерусским» (как носителями двух разных родных языков), но и между представителями различных национальностей.

Именно как язык межнационального общения русский язык приобретает все большее значение в сфере советской художественной литературы. В этой области важное место занимают переводы на

русский язык лучших произведений прозы и поэзии, созданных авторами разных республик и национальностей. Не случайно проблемы перевода — в первую очередь на русский язык — серьезно обсуждались на шестом Всесоюзном съезде писателей, проходившем в 1976 году в Москве. «Все большую и большую роль в нашей культурной и творческой жизни играют переводы, — говорил белорусский писатель Максим Танк. — Благодаря переводам на русский язык сегодня многонациональная папша литература во всем своем буином расцвете, разнообразии форм и тематическом богатстве и единой идейной направленности выходит на широкую всесоюзную и мировую арену». Та же мысль прозвучала в выступлении азербайджанского писателя Имрана Касумова: «Книгами, книгами и еще раз книгами писатель ответствен перед обществом, и сейчас нет и не может быть книги «местного» значения: пишется ли она в столице или в высокогорной деревушке на Памире, в Таллине или в Тбилиси, если это хорошая книга, она посредством могучего русского языка выходит на бескрайние просторы Отчизны, перешагивает через ее пограничные линии, становится боевой единицей в передовом литературном движении мира».

Вместе с тем художественные переводы необходимо отражают и стилевые искания переводчика, и лингвистические склонности самого автора. Текст перевода все же не прямо, а опосредованно соотнесен с языковой индивидуальностью автора. В связи с этим весьма существенным представляется замечание писателя С. А. Баруздина: «Каждый переводимый ныне советский писатель, пишущий не на русском языке, знает русский язык как свой второй родной язык, и он несет не меньшую ответственность за перевод, чем переводчик».

Ныне Союз писателей СССР насчитывает свыше 8.100 членов. Он объединяет авторов, пишущих на 76 языках народов Советского Союза. Это активная творческая сила, способствующая растущему значению русского языка в области духовной культуры, ибо каждое талантливое произведение, созданное на любом языке, путем перевода на русский становится достоянием всех народов нашей страны.

Русский перевод непосредственно участвует в процессе взаимовлияния национальных литератур, так как ознакомление с книгами национальных авторов доступно каждому советскому писателю. Об этом хорошо сказал

калмыцкий поэт Давид Кугультинов: «Я познаю через русский язык мир сегодняшнего дня, культуру, достижения человеческой мысли во всех ее сферах. Без него я был бы нем... Если бы я был лишен того, что сделали для меня мои собраты-писатели, мне не удалось бы стать литератором, которого можно назвать современным. Без этого и Кайсын Кулиев не был бы Кулиевым, и Мустай Карим — Каримом, и Бажан — Бажаном. Без Твардовского, Тихонова, Дудина, Егора Исаева. Каждый из нас не стал бы тем, кто он есть, если бы мы не пользовались открытиями друг друга».

*

Основа бурного расцвета всех национальных литератур Советского Союза закладывалась в послеоктябрьский период. Народы, до революции даже не имевшие своей письменности, и народы, художественные традиции которых исчисляются тысячелетием, дали стране больших писателей, создающих талантливые произведения социалистического реализма. Вот что писал основоположник современной таджикской литературы Садриддин Айни: «Мой век — век революции. Он значительнее всех предыдущих веков. Я хотел служить своему веку и своему народу пером... Однако руководствоваться только нашей классической прозой было недостаточно. Новая действительность требовала реалистического подхода к жизни и литературе. Надо было учиться. Моим первым учителем был М. Горький, а я стал его верным учеником».

И сегодня с именем Горького творческие достижения национальных литератур связывают писатели Белоруссии, Казахстана, Татарии, Литвы и других республик. Еще в 1934 году, выступая на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, Горький говорил: «Прежде распыленная литература всех наших народностей выступает как единое целое перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам революционных литераторов». За прошедшие 46 лет связи между национальными литературами развились и упрочились. Большая советская литература росла и мужала при неуклонной и постоянной реализации ленинской национальной политики, которую проводила партия.

Взаимоотношения между национальными литературами далеко не исчерпываются влиянием русской литерату-

ры. Очень существенные стороны литературного процесса отмечает поэт Роберт Рождественский: «Что же касается взаимного влияния наших национальных литератур, то оно, конечно, существовало, существует и будет существовать... Нас это только радует. И если уж говорить о влиянии, то, на наш взгляд, сегодня более характерна не «русификация» национальных писателей, а, если можно так выразиться, «гамзатизация» молодой русской поэзии и «айтматизация» молодой (да и не только молодой) русской прозы. Это тоже факт советской литературы. Но, повторяю, факт радостный». В настоящее время взаимодействие национальных литератур отражает формирование общей художественной культуры при развитом социализме.

Особое значение приобретают талантливые и самобытные произведения национальных писателей, созданные на русском языке (или переведенные самими авторами на русский язык). Это явление литературного творчества носит название художественного билингвизма.

Художественный билингвизм, имевший место и в давние времена в различных странах Запада и Востока, в зависимости от конкретных исторических общественных, экономических и культурных условий приобретал свои особенности и имел свои характерные черты. К писателям-билингвам XIX века относятся, например, такие виднейшие художники слова, как Тарас Шевченко и Коста Хетагуров, творившие и на родных языках — украинском и осетинском — и на русском языке.

На современном этапе развития советской литературы художественный билингвизм получил значительное распространение. В разных республиках Советского Союза трудятся писатели — представители разных народов, для которых русский язык стал формой и способом выражения их творческой индивидуальности. В материалах подборки «Язык единства, равноправия, братства» (Простор, 1978, № 10) отмечалось: «новое явление (т. е. художественный билингвизм.— Н. М.) в многонациональной советской литературе доказало свою жизненность. Сейчас точнее, пожалуй, говорить не об одной группе русскоязычных национальных писателей, а о целом ряде таких групп в разных национальных республиках, бесспорно играющих заметную роль в текущем литературном процессе» (Павел Косенко. Проблемы молодой прозы).

Но дело, конечно, не только и не столько в общем количественном росте писателей, творящих на родном и русском языках. Уровень литературы создается не массовостью, а талантом. Самым важным и знаменательным является тот факт, что талантливые произведения многих таких авторов передают подлинно национальное своеобразие и своими тематическими и сюжетными особенностями, и тем мироощущением и мирозерцанием, которые выражаются средствами русского языка.

В докладе XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Талантливое произведение литературы или искусства — это национальное достояние. Мы хорошо знаем, что художественное слово, переливы красок, выразительность камня, гармония звуков вдохновляют современников и передают потомкам память сердца и души о нашем поколении, о нашем времени, его тревожениях и свершениях».

Оставаясь глубоко национальным по духу, не порывая с традициями родной литературы и творчески используя фольклор своего народа, писатели-билингвы создают произведения, обогащающие национальную литературу и одновременно расширяющие диапазон русского языка. Здесь уместно привести высказывание Тихона Захаровича Семушкина, чей известный роман «Алитет уходит в горы» впервые открыл для широкого читателя мир далекой Чукотки. В беседе с Юрием Рытхэу, бывшим в то время студентом Ленинградского университета, Т. З. Семушкин сказал: «Как бы я ни старался проникнуть в сокровенное нутро чукчи, в его самые тонкие психологические оттенки, я выше своих возможностей прыгнуть не могу... Поэтому я с таким нетерпением жду появления книги о чукчах, которую бы написал сам чукча» (цитируется по книге: Подзорова Н. Корни и побеги. Проза 60—70-х гг. М., 1979).

В произведениях национальных писателей, преломляясь через индивидуальный стиль, находит выражение внутренний мир того народа, который и породил этого писателя. Революционная энергия и вековая мудрость Чингиза Айтматова; щедрость народной фантазии Ювана Шесталова; суровая нежность Владимира Санги и глубокие, порой такие мучительные, раздумья Тимура Пулатова, проза которого звучит как древний чеканный восточный стих. А рядом — эпический размах Григория Ходжера и бескомпромиссность альтернативы повестей Василя Быкова. И многие другие...

Не несмотря на различия индивидуального стиля авторов, все же порой можно уловить тот эмоциональный настрой, который роднит писателей-билингвов одного народа.

Вот что говорил С. С. Смирнов о творчестве Василя Быкова: «Мне особенно хочется сказать о Василе Быкове, которому немало попадало и попадает от критики за сгущение красок, за острую горечь, которую всегда оставляют в душе человека его повести. Но те, кто прошел войну, знают — эта горечь сродни горькому запаху взрывчатки в еще свежей воронке, горечи дыма партизанского костра в лесу, горечи слез над могилами павших товарищей. Эта горечь не заглушает, а подчеркивает и усиливает глубокую человечность героев Быкова, их простое и ясное понимание высокого долга перед Родиной, их великую самоотверженность, то есть их подлинную гражданственность. Видимо, не случайно такой писатель родился на белорусской земле, суровой, опаленной огнем и пропитанной кровью, земле Брестской крепости и Хатыни, в республике партизан и подпольщиков, где пал каждый четвертый из живших до 22 июня 1941 года».

Страдания родной земли, навсегда запечатленные в творчестве Василя Быкова, определили также художественную манеру другого белорусского автора-билингва — Виктора Козько. Его повести «Високосный год», «Судный день» и другие исполнены неутраченной боли за минувшее и незабытое, но у Козько еще сильнее обостряется эта непреходящая горечь, так как он пишет не о борцах, а о жертвах войны — детях (см.: Русская речь, 1980, № 3).

Когда речь идет о взаимовлиянии внутри национальных литератур и между ними, имеются в виду не только характеристики по общности темы и сюжета, но и стилевые особенности, конструирующие художественные образы. В произведениях, русская языковая форма которых создана самим автором-билингвом, прослеживаются сходства, различия, видоизменения слова в его бесконечной многоликости художественного воплощения.

*

Таким образом, русский язык и в функции средства межнационального общения способствует взаимодействию литератур народов Советского Союза и формированию социалистической культуры в целом.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

«Я русский стих слагаю Украине...»

Поэтическая речь — высшее и наиболее сложное проявление общенародного языка. Для создания художественного образа, воплощающего замысел поэта, могут быть использованы различные языковые средства, с помощью которых авторы добиваются правдивого изображения действительности и эмоционального воздействия на читателя. Интересными языковыми особенностями отличаются стихи русских поэтов Украины, подчеркивающие близость двух братских народов и их языков.

Я слышу голос Украины близкий,
Люблю ее селеня, города.
Я тем горжусь, что давний друг мой — Рыльский —
Отзывчивый и милый, как всегда.
Здесь ярко солнце и здесь небо сине,
К словам Тараса с детства я привык.
Я русский стих слагаю Украине,—
Но мова Украины — мой язык!

Я. Городской. Слово о братстве

В созданных на Украине русских художественных произведениях советского периода широко употребляются элементы украинского языка, лексические, фонетические, художественно-

изобразительные и структурно-грамматические средства, которые служат для создания украинского территориально-языкового колорита, детализации реалистического украинского быта и пейзажа.

Русские поэты Украины (П. Г. Беспощадный, Л. Н. Вышеславский, Я. З. Городской, Б. И. Котляров, Б. Д. Паллийчук, Г. Н. Петников, Н. Н. Ушаков и другие) умело используют богатейшие изобразительные возможности украинского языка. Они мастерски вплетают в поэтическую канву своих произведений понятные русскому читателю украинские слова, образные сравнения, эпитеты, метафоры, свойственные фольклору инверсии: «Кто дал мне в дар Осенний плач лелек...» (Рядченко. Праздник); «Стоит он, свитку не запачкав, И думу добрую хранит» (Рядченко. Тарас в Канаде); «Я прильну к родным криницам — Чудодейственным ключам...» (Беспощадный. Донецкая степная).

Удивительно поэтичны синонимические пары, в которых русское слово-перевод и украинское слово являются экспрессивно окрашенными синонимами: «Встало солнце с заревым совочком Над шахтерским *озерцом-ставочком*» (Беспощадный. Веснянки).

Интересна проявляющаяся в последнее время тенденция вводить в текст не отдельные слова, а целые фразы и даже диалоги, которые необычайно выразительны в речи персонажей произведения. Действующие лица говорят по-украински, но их речь не затрудняет читателя, владеющего только русским языком. В образном и ярком стихотворении «Радуга», прославляющем труд кузнеца, автор сознательно усиливает мелодию родной речи, ее напевность и музыкальность через особенности языковой среды:

День ходит с переполненным ведром
над шелком зеленеющего хлеба.
Но почему, когда ударит гром
и накалится радуга в полнеба,
порою внуку бабка говорит,
к певучему прислушиваясь слову:
— Иванку, бачиш райдугу? Це дид
на добре людям викував пидкову.

И. Рядченко. Радуга

Тема Украины, украинского языка, интернационализма и дружбы русского и украинского народов пронизывает творчество русских поэтов Украины. Подчеркивая мело-

дичность украинской речи включением элементов и структурно-словесных комплексов родственного языка в речь героя, авторы увеличивают стилистический эффект, роль которого еще более возрастает с применением украинской графики:

Я помню у Карпат кремнистую дорогу,
там, раненный в бою, я услышал слова:
— Нічого, друже мій, здобудем перемогу,
бо з нами правда є, бо з нами є Москва!

В кривбасских рудниках, у вышек Борислава,
в распаханной степи у юного леска
о будущем гремит — простой и величавый —
всегда живой язык Шевченка и Франка.

Он мне поддержкой был в походе том суровом,
к звучанию его я с детских лет привык,
и хочется сказать всеильным русским словом,
что значит для меня украинский язык!

Л. Вышеславский. Мова

Говоря об особенностях поэтической речи на Украине, нельзя забывать о влиянии на нее украинского фольклора. Так, в стихах русских поэтов Украины очень широко используется песенная речь — строфы из популярных украинских народных песен, вкрапливаемых в ткань произведения.

Рассказывая о стойкости защитников Крыма и Севастополя, Б. Котляров слагает эпические по силе воздействия «Записи о Малой земле и о Большой». Органично вливается в повествование речь мужественных украинских моряков, придающая жизненную достоверность стихам:

...К дальнему краю
Как донеслась ты, песня родная?
Как долетели в Черное море
Тихие воды, ясные зори,
Степ та діброва? Ты ль, Украина,
Песнею кличешь верного сына?..
Кто-то струною тоненько тенькал..
«Сонце низенько, вечір близенько»..

Б. Котляров. Добрий океан

Народные украинские песни усиливают эмоциональное воздействие стихов, передавая тоску бойцов по родной земле, захваченной врагом, по родной речи, певучей, мяг-

кой в лиричной. Б. Котляров тонко чувствует ритм и мелодику украинского слова, сопоставляя мягкие лирические тона украинской народной песни с динамически-мужественными интонациями произведения:

Шел матрос в пехотинском строю,
Вызволял Украину свою...
Шел по дымному шляху к невесте,
А застал только эхо песни,
Что увезена звездною ноченькой,
Что рвалась сквозь вагон
заколоченный...

«Ой, далека, милий,
Дорога.
Не забуду, милий,
Нічого».

Там же

Поэт чутко прислушивается к звучанию народной речи и это делает стихи безыскусными, простыми и непосредственными, похожими на те фольклорные образцы, которым они следуют.

Украинская песня необязательно вкладывается в уста персонажей-украинцев. Часто, особенно в период Великой Отечественной войны, она становится всенародной. Вспомним стихотворение Я. Городского «Вокзал»:

«Розпрягайте, хлопці, коні!»
В каждом слышалось вагоне.
Пели правильно и в лад
Неукраинцы подряд.
Полночь. Вьюга. Не уснуть.
Хлопці, хлопці. В добру путь!

Автор переживает за хлопцев-бойцов, желает им победы и с помощью народной украинской песни подчеркивает сплоченность всего советского народа в битве за свободу Родины. Песенный фольклор выполняет здесь двойную функцию: является средством окраски художественного произведения в мягкие лирические тона и одновременно способствует созданию взволнованно-приподнятого состояния, соответствующего настроению бойцов, отправляющихся на фронт. По словам Г. П. Ижакевич, в военный период появилась совершенно новая семантико-стилистическая функция украинизмов в русском литературном языке, которая нашла свое наиболее выразительное проявление в поэтическом жанре.

Русские поэты хорошо знают и высоко ценят песни Украины. Обращаясь к неистощимым родникам фольклора, прислушиваясь к образной живой народной речи, они добиваются звучания своих произведений в тональности народных песен:

Как под вишней стройной, пышной да тенистой,
Встретилась девчонка с парнем гармонистом...

П. Беспощадный. «Как под вишней...»

Влияние украинского фольклора сказывается и в употреблении уменьшительно-ласкательных форм. Как отмечала Г. П. Ижакевич, «образование слов с уменьшительными суффиксами является одной из выразительных черт стилистической системы украинского национального языка в целом». В стихотворении «Твердыня» поэт Б. Палийчук, выражая свое отношение к происходящему, прибегает к использованию таких уменьшительно-ласкательных слов, которые подчеркивают и чувство нежности к детям-беженцам, и боль за них, и ненависть к врагам:

Идут *ребятки* ясноглазые,
На тонких *ножках* у ребят
Зеленкой густо *ранки* смазаны,
А то — *коленко* перевязано...

Для фольклора характерна вольность в постановке ударения в пределах фонетических норм народной речи. В поисках образного воплощения поэтической мысли Н. Ушаков прибегает к свойственной произведениям устного народного творчества ломке ритма, которая возникает при обыгрывании ударения:

Заприметили цыгана
те патру́ли-патрули́.
Поздно ночью,
утром рано
фона́ —
риками
извели.

Лирическую напевность и текучесть придают стихам типичные для фольклора акцентные формы. Привлечением народных оборотов речи достигается непринужденность разговорных интонаций в стихах. В произведениях на бытовую тематику закономерно музыкально-ритмическое перенесение ударения на предлог. Приведем примеры

из стихотворений Б. Котлярова: «Полетели шарики За сады и за реку» (Капли); «Знамя по ветру положится у открытого окна» (На ветру сады); «Я верну их — ночи славные — Я их на сердце таю» (Бывший берег); «Люди выйдут, люди встретятся, Вместе по снегу пойдут» (Иней); или из стихотворений Б. Палийчука: «Здесь, на поле этом...» (Эхо); «Качалось на небе ночном..?» «Тихонько на воду легли» (Днепр).

Инструментовка стиха колеблющимся ударением придает ему особую эмоциональность и своеобразный песенный ритм.

Мгновенья эти и чудны и чудны,—
на небе все не так, как на земле...

Л. Вышеславский. Воздушный рейс

Ритмической находкой фольклорной комбинации ударения является исполненное экспрессии и поэтичности сочетание вариантных форм у Л. Вышеславского:

Снега... Снега...

Разлившиеся снеги...

Свежайшая, густая пелена...

Л. Вышеславский. Домик у опушки

Интересно также отметить использование русскими поэтами Украины слов и форм, ранее бытовавших в русском языке и ушедших из него в пассивный запас, но сохранившихся в украинском. Неожиданной свежестью и новизной веет от таких возвращенных к жизни слов, как *пролески* (подснежники), *паморок* (обморок), *ворог*, *ожеледь* (гололедица) и др. Например: «И весь огонь на эти ели обрушил ворог с высоты» (Вышеславский. Высота Алексея Чумака); «И вдруг все наплывает сразу: подстрочники весны, Ручьи, сиротки-пролески» (Петников. Щеглы); «Навалилась горем ожеледь. Стало сердце страшно тяжелеть» (Вышеславский. Ожеледь). Эти слова обогащают лексику русской поэзии на Украине, несут в себе заряд эмоциональности, лиричности. Сюда можно отнести ряд слов, обозначенных в толковых словарях пометами «устаревшее», «народно-поэтическое». Например: *добрый воин*, *приветный*, *друзи*, *песнопевцы* (Беспощадный); *думка*, *доля*, *очи*, *вражий*, *непокой* (Котляров); *сиротина*, *ворог*, *тяжкая походка*, *шеломы-каска*, *тяжкая година*, *подмога*, *студеный* (Палийчук). Кроме устаревших народно-поэтических слов, привносящих в контекст оттен-

ки лиризма, торжественности, русские поэты Украины часто применяют лексику пассивного запаса, просторечную, с негативной окраской. Такие слова употребляются для характеристики отрицательных персонажей, для создания разговорно-просторечного стиля, например, у П. Беспощадного: *лиходей, мастак, рубать* и другие.

Нелитературные акцентные варианты могут применяться или для характеристики языка персонажей, или для создания сниженного стиля. Особенно оправданно употребление нелитературных вариантов ударения в сатирических произведениях. Так, в стихотворении «Родник» Б. Котляров удачно использовал прием саморазоблачения персонажа путем введения в его прямую речь распространенных нелитературных ударений. Гротескное нагромождение речевых ошибок создает комический эффект:

Где свой обогатить язык,
Запасы слов, оттенки речи?...
О! Мной давно уже замечен
Живой языковой родник!..
Он может все переиначить —
Оттенки, фразы и слова.
Как скажет: «Разрешите нáчать»
Потом: «людя́м пужны́ средствá».
Еще добавит: «совреме́нный»
И «падо́ указать о том...»
Летят все правила, законы,
Разрушенные «родником».

Там, где русское слово звучит рядом с украинским, возникает необходимость четкого разграничения двух литературных языков, установления литературной нормы и ее вариантов, с одной стороны, и отклонений от нее — с другой. В условиях двуязычной среды необходимо добиваться чистоты употребления обоих языков, высокой культуры как украинской, так и русской речи. Украинский языковой колорит вносит напевную лирическую струю в поэзию, приближает ее к лучшим образцам живой народной речи. Русский литературный язык на Украине, отражая богатейшее влияние фольклора, вбирает в себя множество новых элементов и деталей, которые выразительно звучат там, где они необходимы и уместны, где они служат для раскрытия смысла или усиления образности поэтической речи.

Т. Г. ЮРЧУК
Ровно

Со времен Пушкина язык художественной литературы развивается по пути все большего обобщения самых различных разновидностей русского языка. Это относится как к языку прозы, так и к языку поэзии. Необычайно расширил рамки «поэтического языка» Н. А. Некрасов. Гигантский шаг в этом направлении был сделан В. В. Маяковским. Одна из характерных черт языка советской поэзии — свободное использование словесных рядов, связанных не только с литературной и народно-песенной традицией, но и со всеми сферами официального и бытового общения. Широкий языковой, в частности, лексико-фразеологический диапазон естествен для поэзии, правдиво и глубоко отражающей жизнь.

Когда говорится о творчестве того или иного выдающегося писателя, всегда подчеркивается, что язык его произведений богат. При этом имеется в виду разнообразие лексики и фразеологии, типов словосочетаний и предложений, умелое использование синонимии и антонимии, сравнений и метафор и т. п. Все это действительно свидетельствует о языковом богатстве. Но, пожалуй, наиболее ярко свидетельствует о нем отражение в художественном тексте всего многообразия существующих в языке разновидностей, именуемых обычно стилями. Следует подчеркнуть, что речь идет именно об отражении тех или иных стилей, а не об их присутствии как таковых. Реально присутствуют в художественном тексте не сами по себе различные «исхудожественные» стили, а типичные для этих стилей «словесные ряды». Термин *словесные ряды*,

ЯЗЫК
ПОЭЗИИ —
ЯЗЫК
ЖИЗНИ

употребляемый В. В. Виноградовым, не следует понимать узко, то есть как собственно лексические ряды, но вообще как ряды тех или иных языковых явлений.

Разнообразие и сложное переплетение словесных рядов отличают поэзию А. Т. Твардовского. Герои Твардовского, как и сам поэт, до конца преданы Родине, они целиком и полностью «в ответе за Россию». Особенно явственно выступает оно в эпических произведениях этого выдающегося мастера слова. Яркий пример — поэма «За далью — даль» (Твардовский А. Т. Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. М., 1978), которая обращена к будущему, это гимн Советской Родине. Чувство общности личной судьбы поэта с судьбами миллионов людей, составляющих великий парод, пронизывает ткань этого многопланового, многотемного и многокрасочного произведения.

Сюжетное движение главы «На Ангаре» определяется последовательностью описываемых событий. Композиционный строй, «динамическое развертывание словесных рядов в сложном единстве целого» формируется изменением «точек видения», различными воплощениями, разными «лика́ми» образа автора. Значительность, масштабность происходящего раскрываются не только в изображаемых фактах, явлениях, деяниях, но и в раздумьях по поводу происходящего. Глава, как и вся поэма, написана от первого лица, но значительная роль принадлежит и «объективированному» повествованию, которое часто переходит в повествование и рассуждение, организуемое точкой зрения коллективного героя — народа, совершающего трудовой подвиг. Этот подвиг показан в разных проявлениях, разных гранях и соответственно — с помощью различных словесных рядов.

Глубокие народные корни имеет осмысление труда на благо народа как праздника. Первоначально эта тема дается в «бытовом» плане:

С утра, с утра
В этот день воскресный,
Во что горазд принаряжен,
И городской народ и местный,
И свой на стройке и безвестный,
Забрав подруг своих и жен
С детьми, — на праздник необычный
Теснился, точно в ГУМ столичный,
Ломился грудью, чтоб места
Занять поближе у моста.

Однако тут же происходит переосмысление темы праздника как события общественного, гражданского:

И в самый полдень, как ни жарок,
Не убывал людской напор.
И пестр, и ярмарочно ярк,
И вместе строг был этот сбор.

.
Но в этом сборе
Невольно каждый брал в расчет,
Что тут народ —
Не на футболе,
Что праздник — праздник, да не тот.

В конце главы тема «труд — праздник» обобщается в авторской оценке высокого патетического звучания:

Тот час рассветный, небывалый,
Тот праздник дерзкого труда
Я не забуду никогда...

Ведущей и определяющей весь языковой строй главы (как и всей поэмы) является народная языковая стихия, в мастерской поэтической обработке не утратившая своей разговорной непосредственности и живости:

То был порыв души артельной,
Самозабвенный, нераздельный, —
В нем все слилось — ни дать ни взять;
И удаль русская мирская,
И с ней повадка заводская,
И строя воинского стать,
И глазомер, и счет бесспорный,
И сметка делу наперед.

Сибиряки!
Молва не врет, —
Хоть с бору, с сосенки народ,
Хоть сборный он, зато отборный,
Орел-народ!
Как в свой черед
Плечом надежным подопрет, —
Не подведет!

Характерно, что народно-разговорные словесные ряды служат не только средством «бытописания», но и средством выражения общественно значимых, подчеркнута великих идей. Это можно

наблюдать как в приведенном отрывке, так и в следующих далее строках:

Сибиряками

Охотно все они звались,
Хоть различались языками,
Разрезом глаз и складом лиц.

.
Тут были: дальний украинец
И житель ближних мест — бурят,
Казах, латыш и кабардинец,
И гуще прочих — *старший брат*.

В подобных случаях народно-разговорные языковые средства переплетаются и взаимодействуют с выражениями, которые могут быть квалифицированы как публицистические:

Но все теперь как будто дивом,
Своею нынешней судьбой,
Одним охвачены порывом,
В семье сравнялись трудовой,
В сыновней службе не лукавой,
Огнем учены бойцы.

Дальнейшее движение словесного ряда идет от публицистического к возвышенному, патетическому, как в его книжно-поэтическом, так и в фольклорно-песенном варианте. Оно связано с выдвиганием на первый план «я» лирического героя:

Гори вовеки негасимо
Тот добрый жар у нас в груди —
И все пам впору, все по силам,
Все по плечу, что впереди.
Немало жито-пережито,
Что хочешь будь и впредь со мной, —
Ты здесь — венец красы земной,
Моя опора и защита
И песнь моя —
Народ родной!

Праздник дерзкого труда предстает в главе «На Ангаре», как уже говорилось, в разных своих проявлениях, показывается в разных планах. Один из таких планов раскрывается в сравнении перекрытия Ангары с боем, сражением. Это сравнение последова-

тельно выдерживается на протяжении всего повествования. Отсюда — многочисленные словесные ряды «военного» характера. Ограничимся одним примером:

Слова команды прозвучали,
Один короткий взмах флажка —
И, точно танки РГК,
Двадцатитонные «минчане»,
Качнув бортами, как плечами,
С исходной, с грузом — на врага.

И ни мгновенья передышки —
За самосвалом — самосвал,
Чтоб в точку!
В душу!
Наповал!

Еще один план изображения перекрытия Ангары — план «производственно-технический», — также представлен специфическими словами и выражениями. Их роль в тексте столь же значительна, как и военной лексики и фразеологии. Эти ряды часто переплетаются. Например:

Тем часом мост махал флажками,
Не остывая, длился бой.
Вслед за кубами-сундуками
Пошел в отгрузку дикий камень,
Бетонный лом, кирпичный бой...

Уже бульдозеры, направив
На перемычку лемеха,
Пошли пахать песок и гравий,
На пей сближая берега.

Движение, динамика, преобразование словесных рядов, их переплетение, взаимопроникновение прослеживаются в главе «На Ангаре» очень наглядно. Это относится не только к смысловой стороне текста, но и к его эмоциональной окраске. Твардовский смело переходит от одного тона к другому, не боится соединять торжественное и повседневное, возвышенное и простое:

Все выше, словно по ступеням,
Шел торжества отрядный час.
Спецзавтрак был объявлен смене
И краткий праздничный приказ.

Уже народ подался с моста,
Гадая в простоте сердец,
По полтора ста или пб сто
На брата выйдет этот «снец»...

Это качество языка поэта хорошо охарактеризовал М. Исаковский: «А. Твардовский обладает удивительным, ... завидным даром разговаривать со своим читателем. Поэтическая речь Твардовского течет очень свободно, очень естественно, без всякого нажима... В то же время речь Твардовского на редкость точна, красочна, глубока и поэтична в самом высоком смысле».

Текст главы нередко строится в манере русской классической повествовательной поэзии, некоторые места напоминают строки из «Евгения Онегина»:

Тот час уже в окно стучался
Не без торжественных затей:
Съезжались гости и начальство
Различных рангов и статей...

А такого рода «онегинские» строки непосредственно сменяются выражениями подчеркнуто современными, связанными с официально-деловой и производственно-технической сферами:

Предположенья, слухи, толки,
Сужденья вольных знатоков
О недостатках подготовки,
О риске и перестраховке
И установке
От верхов.

Но и о том, как эти воды,
Подобно волжским и иным,
Уже не дар, а дань природы —
Войдут в назначенный режим...

Среди обилия и разнообразия словесных рядов, отражающих те или иные «нехудожественные» разновидности языка, относительно немного места занимают ряды собственно «художественные», образно-поэтические. Но это «немного» относится лишь к чисто количественной, внешней стороне. Что же касается композиционного строя текста, то их роль в его организации исключительно велика. Они открывают еще одну сторону изображаемого события, в прозрачной символике показывают трудовой подвиг

как основу светлого будущего:

Шутила зрелость, пела юность.
И, чистым пламенем горя,
С востока тихо развернулась
В треть неба дымная заря.

Над лесом кранов, эстакадой,
Над главной насыпью-горой,
Над юным городом по скату,
Над Ангарой,
Над Ангарой —
Заря,
Заря прошла, сгорая
При свете утренней поры,
И следом солнце красным краем —
Большое — вышло из горы.

Приведенные фрагментарные наблюдения не могут, конечно, дать полного представления об особенностях языкового строя одной из глав поэмы «За далью — даль». Они иллюстрируют лишь одну особенность — богатство, разнообразие словесных рядов, образующих языковую ткань главы. Это — черта, характерная для многих современных поэтических произведений, черта, отражающая неразрывную связь «поэтического языка» с «общим», «практическим» языком во всех его проявлениях.

*

На примере поэзии А. Т. Твардовского и, в частности, на примере поэмы «За далью — даль» прекрасно прослеживается то положение, что поэтический язык тем богаче, чем шире и правдивее отражает художественная литература жизнь, чем глубже ее идейное содержание. Н. Г. Чернышевский писал: «Только произведение, в котором воплощена истинная идея, бывает художественно, если форма совершенно соответствует идее». Идея великой преобразующей силы коммунистического труда нашла в поэзии А. Т. Твардовского совершенное художественное воплощение.

А. И. ГОРШКОВ

СЛОВО СЕРДЦА ВО СЛАВУ РОДИНЫ

Заметки
о советской поэзии

Величественное, героическое в жизни нашего народа в годы мирного труда и ратных испытаний находило и находит свое воплощение в советской литературе, в частности, в творчестве советских поэтов.

Как отмечал на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, в произведениях советской литературы «все чаще, а главное — глубже, находит отклик то основное, существенное, чем живет страна, что стало частью личных судеб советских людей».

Пафос невиданных преобразований в нашей стране воспевал еще в 20-е годы В. Маяковский в поэме «Хорошо!»:

Я с теми,
кто вышел
строить
и мечь,
в сплошной лихорадке
буден.

Отечество
славлю,
которое есть,
по трижды —
которое будет.

Великий Ленин и партия коммунистов как руководящая и направляющая сила нашего общества — всегда источник творческого горения поэтов нашей эпохи:

Хочу
сиять заставить заново
величественнейшее слово
«ПАРТИЯ»...

Партия и Ленин —
близнецы-братья —
кто более
матери-истории ценен?

Мы говорим Ленин,
 подразумеваем —
 партия,
мы говорим
 партия,
 подразумеваем —
 Ленин.

М а я к о в с к и й. Владимир Ильич Ленин

В советской поэзии восславляется политика дружбы и братства народов многонационального государства:

Родина слпла державной властью
Всех людей в единую семью.
Оттого и неделимо счастье,
Добытое смелыми в бою.

С у р к о в. Песня сердца

Очень важна в нашей литературе тема морали, нравственных исканий человека. Как заметил Л. И. Брежнев: «Заслуга наших писателей, художников в том, что они стремятся поддержать лучшие качества человека — его принципиальность, честность, глубину чувства, исходя при этом из незыблемых принципов нашей коммунистической нравственности» (Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 79).

Стихотворения многих поэтов пронизаны любовью к гуманистическому идеалу нашего общества, страстным зовом к борьбе за счастье людей Советской Отчизны:

В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:

 Отечество,
 Верность,
 Братство.

А есть еще:
 Совесьь,
 Честь...

Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали.
И это не просто слова!

Я ш и н.

«В несметном нашем богатстве...»

Слово сердца во славу нашей социалистической Родины — это песня о нашем современнике, о мудрой политике партии, ведущей советский народ к новым свершениям.

В данной статье обратимся к анализу творчества поэтессы Людмилы Татьяничевой, чье образное слово передает биение пульса времени, повествует о том, что близко и дорого советскому человеку.

Поэзия Людмилы Татьяничевой проникнута огромной любовью к своей земле, взрастившей под сенью Советской власти гордое племя строителей социализма:

Надеждой,
Любовью
И верой
Мне стала Советская власть.

«Не думая выйти в поэты...»

Лирический герой ее поэзии — наш современник, неутомимый труженик и патриот своей земли.

Любимая страна, Россия в поэзии Л. Татьяничевой — не абстрактные понятия, а конкретное, зримое представление — это и индустриальный облик новых городов, и чарующие краски родной природы.

Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал.
Как девочки,
Сосны босые
Сбегают с заснеженных скал.

.
Но главная сила Урала —
В чудесном искусстве труда.
Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.

Лаконизм и меткость словоупотребления — красноречивое выражение мастерства поэтессы. В стихотворении «О необычном» посредством обыгрывания созвучных слов воссоздается пафос героики трудовых свершений нашего народа.

Мы очень часто привыкаем
К тому, что создал наш народ.
Уже и спутников включаем
В свой повседневный обиход..
Да, мы считаем делом личным,
Чтоб становилось навсегда
Необычайное обычным,
Как хлеб,
Как воздух...

Любовь к земле, к родной природе, ко всему, что создано трудом и разумом советского человека,— все это выражено эмоциональными и образно-емкими словами.

Сравнения поэтессы отличаются точностью «вещной» характеристики. Они часто формируются на базе производственно-технических слов, дающих зримое представление о трудовой поступи современника:

Башенный кран, как ракета,
Чертит небо
Огромной стрелой.

Башенный кран

Года встают,
Как вышки буровые,
Что бредят нефтяною целиной.

Впервые

Л. Татьяничева широко использовала в своей поэзии слова и выражения, свойственные речевому общению трудовых, профессиональных коллективов. Термины из области физики, химии и других сфер познавательной деятельности, включаясь в семантико-стилистические связи и отношения в поэтическом тексте, становятся образными характеристиками различных бытовых проявлений. Так, например, творческое горение верно сравнивается с цепной реакцией:

И творчества
Реакция цепная
Стареть душой
Не даст нам никогда.

Опять весна

Удачно используются слова и выражения военно-деловой речи; в сближении со словами иной сферы общения они наполняются но-

вым осмыслением и передают различные оттенки образного освоения действительности. Например слова *мина, минер, минные поля, снаряд* и многие другие используются для изображения явлений мирной жизни:

От ржавых мин очищена земля.
Но, отступая, оставляют войны
Воспоминаний минные поля.
В людских сердцах лежат они незримо.
Их не найдет искуснейший минер.
В них скрыта боль о близких и любимых,
О муках,
Не забытых до сих пор.

Минные поля

Военные термины используются и в качестве образных сравнений:

Прошли сквозь молодость мою
Года тяжелые, как танки...

«Пусть не в меня...»

Как грозный дзот, стоит на поле боя
Уральский безымянный городок.

Город N

Слова военно-деловой речи способствуют как воссозданию беззаветного героизма советских людей в годы минувшей войны, так и выражению пафоса негодования в адрес оруженосцев «холодной войны»:

Песни о войне
Не устарели.
Их не время
Списывать в запас.
Враг нас держит
На прямом прицеле...

«Песни о войне...»

Эстетически обусловленное употребление слов общелитературного языка и слов, являющихся принадлежностью различных сфер профессионально-бытового общения, содействует формированию ярких и выразительных образов. Вот перед нами незабываемый образ — «руки березы» — символ вечной благодарности освободителям:

Враг отступал.
Но гарь атак
В тиши еще острее
казалась...
А возле вспененной
Реки...
Вздыхала белых две
Руки
Берега,
Что крестом не стала.

«Враг отступал...»

Или же образ «плачущих рук» как символ трудолюбия, самопожертвования, верности и стойкости солдатских матерей, жен, сестер, невест:

...Госпитальные няни
Полоскали белье...
С женских пальцев стекали,
Как горячие слезы,
На лету замерзающие
Капли воды...
Но вовек не забыть мне
Усталых, старательных,
Обожженных морозом
Плачущих рук.

Плачущие руки

Самые обыкновенные, общеупотребительные слова и выражения повседневного общения придают стихотворениям Л. Татьяничевой эмоциональную насыщенность, лиризм, взволнованность, и поэтому неудивительно, что некоторые поэтические строчки звучат как афоризмы:

Гордым — легче.
Гордые не плачут
Ни от ран,
Ни от душевной боли...
Это правда —
Гордым в жизни легче,
Только гордым сделаться —
Не просто.

Гордые

Меткое, емкое слово поэзии Л. Татьяничевой доставляет эстетическое наслаждение читателю. Но эти находки образного словоупотребления — результат неустанного творческого труда, рождающего искры поэтического мастерства и глубокой любви к слову как магическому кристаллу, хранящему следы деяний человеческих

Слова...
Как мало бережем мы их,
Их точный смысл,
Окраску,
Динамичность.
Иные их стремятся обезличить,
Как властелины
Подданных своих.
Но слово —
Не сгибается дугой.
Оно — кристалл,
Что отражен веками...

Прекраснейшее слово

Образное слово поэтессы Л. Татьяничевой, как и слово многоголосой советской поэзии, зовет нашего современника на новые свершения во славу Родины. Верность делу партии, делу борьбы за счастье народа вдохновляет виднейших мастеров художественного слова на новые творческие достижения. Лаконично, просто, но глубоко верно высказал то главное, во имя чего творит художник, А. Твардовский:

...чтоб жил и был всегда с народом,
чтоб видел все, что станет с ним.

За далью — даль

А. Н. КОЖИН

Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных возможностях лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли.

К. Г. Паустовский

К 150-летию
со дня рождения
Н. С. Лескова

Тонкий стилист и мастер слова, вышедший из гущи народной, Николай Семёнович Лесков глубоко знал и чувствовал народный язык, видел в нем неиссякаемый родник средств художественного выражения. «Я смело, даже, может быть, дерзко, думаю, что я знаю русского человека в самую его глубь, и не ставлю себе этого ни в какую заслугу. Я не изучал народа по разговорам с петербургскими извсзчиками, я вырос в народе на гостомельском выгоне, с казанком в руке...», — писал Лесков.

Язык Лескова народен не только в том, что он предстает как мощный поток, объемлющий все актуально значимые стихии национальной словесной культуры, но и в самой манере практического его использования, начиная от звукового оформления слова и кончая рисунком фразы. И все это не стилизаторство, которому бывают подвержены писатели, лишенные корней в народе, а настоящее искусство, вобравшее в себя лучшие и самобытные черты речевой культуры русского народа.

Одна из наиболее значительных черт Лескова-художника — это его умение проникнуть в сокровенные глубины слова, вскрыть его национально и исторически обусловленные смысловые и стилистические приращения, благодаря которым оно пред-

ВОЛШЕБНИК СЛОВА

ставляет собой не только «первозлемент» литературы, но и важнейшую характерологическую деталь при обрисовке того или иного социального сословия.

Вводя слово в художественный контекст, Лесков как бы срывает с него пелену обыденности, давая простор изобразительно-выразительным возможностям. Слова и обороты Лескова очень колоритны, емки и метки.

Речь его героев полностью гармонирует с их внутренней сущностью, выражает ее исключительно выпукло и наглядно. Поэтому, например, портретные характеристики, даваемые писателем, составляют монолитное целое с речевым самовыражением героев, они взаимно дополняют и восполняют друг друга. Вот каков портрет героини «Воктельницы» Домны Платоновны. Она «росту невысокого, и даже очень невысокого, а скорее совсем низенькая, но всем она показывается человеком крупным. Этот оптический обман происходит оттого, что Домна Платоновна, как говорят, впоперек себя шире, и чем вверх не доросла, тем вширь берет. Здоровьем она не хвалится, хотя никто ее больною не помнит и на вид она гора горою ходит; одна грудь так такое из себя представляет, что даже ужасно, а сама она, Домна Платоновна, все жалуется» (цитируется по изданию: Лесков Н. С. Собрание сочинений в 6-ти томах. М., 1973). В этой портретной зарисовке отчетливо проступает оппозиция *кажущегося* и *сущего* в героине. То же отнесется и к ее занятиям: «официально она точно была только кружевница», в действительности же «Домна Платоновна сватала, прискивала женихов невестам, невест женихам; находила покупателей на мебель, на надеванные дамские платья; отыскивала деньги под заклады и без закладов, ставила людей на места вкучно от губернских до дворнических и лакейских; заносила записочки в самые известные салоны и будуары, куда городская почта и подумать не смеет проникнуть, и приносила ответы от таких дам, от которых несет только крещенским холодом и благочестием». Образ жизни научил Домну Платоновну «лицом своим... владеть, как ей угодно.— Без этого,— говорила она,— никак в нашем деле и невозможно: надо виду не показывать, что ты Аланья или каналья».

Домна Платоновна как будто разборчива и даже претенциозна в речи: «Ни за что, бывало, она в гостиной не скажет, как другие, что „была, дескать, я во всенародной бане“, а выразится, что „имела я, сударь, счастье вчера быть в бестелесном маскараде“». Речевое поведение ее полностью зависит от ситуации в момент общения и степени социальной значимости собеседника: «Вообще была дама с обращением и, где следовало, умела задать тону своей образованностью». Речь Домны Платоновны, как за-

метил академик А. С. Орлов, «по-своему этикетна»: в разговоре с «полковницами» или купцами, которые «терпеть не могут не-образованных», она щегольнет исковерканным, но иностранцам словечком, чтобы произвести впечатление образованной женщины; обращаясь же к Леканиде Петровне, которую хочет «сзюютить» с кем-нибудь из ее «знакомых» полковников или купцов, она начинает поучать, присваивая себе право «бывалого» человека, и при этом не особенно заботясь о тональности речи. В общении с нейтральным человеком речь Домны Платоновны образна, идиоматична, размашиста, проста, удивительно выразительна и естественна. Строгая координация речи с поведением персонажа, обусловленным его социальным положением, — одна из основополагающих черт поэтики Лескова в целом.

Писатель, считая, что речь — это ключ к пониманию литературного персонажа, не любит представлять героев своих произведений и заставляет читателя самого прислушиваться и присматриваться к ним. Это не только выражение доверия к читателю. Здесь кроется один из коренных эстетических принципов Лескова: индивидуальность героя — в его речи, ибо речь достаточно полно характеризует человека со всех сторон: социальной, интеллектуальной, культурной, эстетической и т. д.

Так, наше знакомство с героиней «Полунощников» Марьей Мартыновной начинается с социально обоснованного речевого штампа: она называет свою младшую собеседницу Аичкой. Авторская ремарка поясняет, что *Аичка* — это ласкательная форма от *Раиса*, принятая в московском купечестве. Это слово художественно насыщено: оно сразу же вводит нас в купеческую среду. Если первое слово характеризует героиню с точки зрения социальных связей, то последующие штампы, употребляемые Марьей Мартыновной, дают ясное представление о ее личных «претензиях»: она хочет казаться образованной, своего рода «выдающейся». Для этого к месту и не к месту она вводит в свою речь где-то услышанные и понравившиеся ей словечки, которые для нее лишены смысла, но престижны, ими она гордится. Многочисленные слова и выражения, употребляемые ею, призваны показать, что у нее «ко всем решительно понятиям развитие очень большое», но которые объективно оборачиваются красноречивым подтверждением убогости ее образования и культуры. Например, *предпрятельный* (человек), *голованеры* (морские) — контаминация морского термина *галванер* и слова *голова*, *навкруг* (света), *напосудился*, в *трех волнениях* (быть), *докончательный* (скандал), *бюстра*, *бляярд*, *мускатеры* и т. д. Термины, терминологические выражения, устойчивые обороты, бытующие в общественной речевой практике, настолько непонятны Марье Мартыновне, что

желание воспроизвести их кончается каждый раз непременно искажением, насильственным сближением и отождествлением их с единственно доступной ей бытовой речью. Тем самым Лесков заставляет героиню саморазоблачаться. Это освобождает писателя от необходимости вводить в текст произведения авторские характеристики, отступления, комментарии, равно как и в лоб подаваемые признания самих героев. Таков один из важных путей, идя по которому Лесков добивается не только экономии речевых средств, но и наглядной убедительности образов. Не будь в речи героини искаженных слов, штампов, комических сближений, доходящих нередко до стихийных каламбуров, образ получился бы надуманным.

Н. С. Лесков — бытописатель. Его интересует личность как концентрированное выражение определенного типа нравов, представлений, традиций, отношений, то есть всего того, что свойственно определенной социальной среде. Поэтому его герои подчинены социально заданному типу поведения, и их речь социально обусловлена.

Слово у Лескова оформляется таким образом, чтобы оно было крепким, добротным и не терялось в ряду других. Оно не нуждается в контекстуальных подпорках, и в этом писатель полностью придерживается народной эстетики слова. Добиваясь максимальной смысловой самостоятельности каждой единицы речи, он прибегает к разным средствам, среди которых не последнее место принадлежит, например, аффиксальным образованиям, ориентированным на народное словопроизводство, ср.: «У нас на ту пору лошадь, знаешь, *охромела*...»; «Иду, сердце *захолонуло*, а все иду ближе» (Разбойник); «Потому что *не укупить* тут у мужика ничего»; «Надоело ей это *гостеванье* и *пьянство*»; «Большая она была *песельница*»; «Я этому *не причинна*» (Житие одной бабы); «Сонетка, которая все *вьюном* видась, а в руки не давалась, что-то вдруг будто *ручнеть* стала» (Леди Макбет Мценского уезда).

Широко привлекаются и безличные конструкции, в роли главного члена которых выступают безличные формы самых разных глаголов, по-народному выразительных и ясных: «Она с сердцов то *выругает* Григорья „сопатым“, то в дверь *пуньки* рукой, будто невзначай, *стукнет*, — а все нет того, чего ей *ждется*»; «*Попричилось* ему, что ли, что он *набрался*» (Житие одной бабы); конструкции с прямой речью, где слова автора обычно вставляются в середину прямой речи; сравнительные обороты с двумя сравнительными союзами (*словно как, словно будто* и под.), частыми в народном синтаксисе; инфинитивные предложения в составе сложного: «*Шапки на голове нет, волоса длинные, как быть, к примеру, у дьячка молодого...*» (Разбойник) и т. д.

Самобытны, художественно оправданы сочетания качественных прилагательных «положительной» и превосходной степени. Например, «*Красная-раскрасная*, поправила она, сидя на мерке, свалившуюся с плеча шубку и тихо пошла из амбара...»; «А что уж ненастоянный подлец, *прененастоянный-ненастоянный*» (Леди Макбет Мценского уезда). При этом форма превосходной степени может следовать за «положительной» (ср.: белый-пребелый, грузный-прегрузный, добрый-предобрый, длинный-предлинный, жирный-прежирный, засаленный-презасаленный, огромный-преогромный и т. д.) или наоборот, предшествовать ей: преподлый-подлый и т. п.

Эти прилагательные выполняют в художественной речи Лескова одну главную функцию: они обозначают признаки и качества, свойственные предметам в безотносительно высокой степени.

К тому же семантическому и художественно-стилистическому плану относятся и одиночные прилагательные с приставкой превосходной степени *пре-*. Например, *пребольшой, превежливый, превеликий, превеселый, прегордый, предобрый, предивный, презанимательный, преинтересный, прекрасный, преехидный, премилый, премудренный, преогромный, преотличный, препоганий, препрозрачный, преполезный, премягкий, пресердитый, престрашный, пресветлый, прехороший, пречистый, пречудный, преумный* и т. д. «Чай, ведь сам знаешь, наши кунчихи, как из дому вырвутся, на это дело *препробстые...*» (Воительница).

В употреблении подобных форм сказывается стремление писателя к сжатой, но выразительной речи. Он принципиально не приемлет развернутых описаний и обезличенной округлости фраз. В творчестве Лескова отдельное слово, его словообразовательная структура, внешне-звуковое оформление, семантические связи становятся важнейшим элементом эстетики писателя. Тем самым его слово оказывается семантически и эстетически нагруженным и индивидуализированным.

Особое место в работе Н. С. Лескова над оживлением языковых значений занимают приемы семантической переориентации слов и оборотов речи, объединяемые под общим названием народной, или ложной, этимологии. Таковы: *крылос* (вместо *клирос*), *кислярка, кислярская* (вместо *кизлярская*), *сталовер* (вместо *старовер*), *плакон* (вместо *флакон*) и др. В этих словах «вскрывается разница культурного уровня, сличение его речевого качества в употреблении менее просвещенного или необразованного слоя. При этом будто бы ошибочное слово свидетельствует то о плохом освоении чужой культурной ценности, то о недостатках и претенциозности самой этой „ценности“» (Орлов А. С. Язык русских писателей. М. — Л., 1948).

С какой бы стороны мы ни подошли к языку Н. С. Лескова, он открывает нам мир бесконечных возможностей русского слова, его красоту, мощь и гибкость. Великолепное знание языка во всем его реальном многообразии, глубокое проникновение в дух языка делает писателя большим мастером, творцом слова, в художественной практике которого язык народа сверкает новыми гранями, обнаруживая все новые жизненные силы и богатства. Однако это не просто любование родным словом. Главное в слове, по Лескову, — мысль, им выражаемая. И сама литература тоже «есть царство мысли». «Я люблю литературу как средство, которое дает мне возможность высказать все то, что я считаю за истину и за благо», — писал Лесков в письме к критику В. Протопопову в 1894 году. Средством же выражения истины является язык, который должен быть ясным, простым, соответствующим теме и идейно-художественному содержанию литературного произведения. В этом процессе языкового выражения истины лесковское слово выступает, с одной стороны, как содержание, поскольку оказывается закрепленным за определенной социальной средой со всеми ее атрибутами, а с другой, — как форма, которая должна приспособляться к содержанию, включающему в себя, в частности, верное воспроизведение жизни, воплощение в литературе общественных идеалов и т. д. Эта вторая особенность слова делает возможным творческое отношение к нему со стороны писателя, который может создавать новые языковые формы, обогащающие словесную культуру народа. Вот такому творческому началу и обязаны те лексико-грамматические, семантические и фразеологические окказионализмы, которые составляют одну из существенных сторон языка Н. С. Лескова.

Открыв широкий доступ в художественную литературу городскому просторечию, крестьянской речи, а также элементам социальных жаргонов, приняв в основу авторского повествования и разных сказовых форм русскую разговорную речь, Н. С. Лесков в немалой степени способствовал начатому еще А. С. Пушкиным процессу дальнейшей широкой демократизации русского литературного языка, включавшему в себя также и активную борьбу против ненужных заимствований из западно-европейских языков.

Художественный опыт писателя представляет собой великую школу целесообразного и целенаправленного использования народного языка во всем его разнообразии для решения задач идейно-эстетического плана. В этом и состоит главный секрет Лескова как волшебника слова.

З. К. ТАРЛАНОВ

Петрозаводск

Рисунок С. Гавриловой

Читателей Лескова обычно поражает колоритный язык его рассказов, хроник, повестей. Действительно, стилистическая манера этих произведений ощутимо оригинальна.

Необычный речевой строй — органичный компонент художественного мира писателя. Его самобытные герои предстают перед читателем в живом, заинтересованном изложении рассказчика, обладающего собственным своеобразным взглядом на мир. Нечто необычное, «пропущенное» через сознание нестереотипного человека — такова тематическая основа большинства лесковских произведений.

Значительное число созданий писателя представляет собой монолог героя, вспоминающего интересные события минувшего прошлого. Среди таких произведений — и лесковские шедевры: «Запечатленный ангел», «Владычный суд», «Кадетский монастырь», «Очарованный странник», «Захудалый род»... Тяга писателя к мемуарной форме (рассказам — воспоминаниям) закономерна. Он так писал по этому поводу: «...форма эта мне кажется очень удобной: она живее, ... истовее рисовки сценами...». В рассказах-воспоминаниях он видел противовес «неестественной форме романа, требующей закругления фабулы и сосре-

Особенности стиля рассказов- воспоми- наний Н.С.Лескова

доточности всего около главного центра». Художественная программа писателя: «Жизнь человека идет как развивающаяся со скалки хартия, и я ее просто и буду развивать лентою в предлагаемых мною событиях»,— открывает повесть «Детские годы», снабженную, между прочим, знаменательным и нередким у Лескова подзаголовком: «Из воспоминаний Меркула Праотцева». Воспоминания героя могут быть устными, и тогда разговорные конструкции и нелитературная лексика преобладают («Очарованный стражник»), а могут быть письменными, в этом случае явный перевес на стороне книжной стилистики («Захудалый род», «Детские годы»). «Воспоминания», таким образом, укладываются в произведения принципиально различного речевого строя. Эта форма позволяет кроме того вести «отрывочное», как говорил сам писатель, изложение: повествование основано на цепи сюжетно не связанных, как бы нанизанных на ассоциативную мысль рассказчика событий.

Непринужденное повествование рассказчика, его прямое слово соотносится с естественной, по мысли писателя, формой воспоминаний, где, как правило, доминирует речь одного рассказчика, а присутствие «голосов» автора и персонажей произведения создает богатейшие смысловые обертоны.

Слово основного рассказчика обычно отчуждено от авторского социальным и диалектным барьером, а поэтому речь его становится не только способом, но и объектом изображения: писателю важно показать не только что говорит человек, но и как он говорит. Лесковская манера создания образа очень точно охарактеризована Ю. Н. Тыняновым в статье «Иллюстрации»: «Русская речь с огромным разнообразием интонаций, с лукавой народной этимологией доведена у него до иллюзии героя: за речью чувствуются жесты, за жестами облик, почти осязаемый, но эта осязаемость неуловима, она сосредоточена в речевой артикуляции, как бы в концах губ».

Слово героя, являясь важнейшей характеристикой его личности, подвергается художественному анализу автора. Избегая прямых оценок и абсолютных приговоров, писатель в то же время недвусмысленно обнаруживает свое отношение к герою. Так героиня повести «Воительница» говорит: «— На свете я живу одной-одна, одною своею душенькой, ну а все-таки жизнь, для своего пропитания, веду самую прекратительную». А автор, будто замороженный оригинальными словечками Домны Платоновны, вторит ей: «отяготительные труды ее и ее прекратительная жизнь могли бы быть значительно облегчены без всякого ущерба ее прямым интересам; но никак она не могла воздержать свою хлопотливость». Автор как бы испытывает влияние речи героини, но сто-

ит внимательнее приглядеться — и видно, что за этими словами скрывается немалая доля иронии. Ведь в авторском контексте слова Домны Платоновны произнесены с недоверием, поставлена под сомнение ее искренность. Часто речь автора включает в себя слова персонажа, но при этом им придается новый, а порой и противоположный смысл.

Яркий пример лескоевской мемуаристики — «Печерские антики» — произведение, специально написанное для журнала «Киевская старина». «Это будет нечто вроде моих воспоминаний о киевских оригиналах 50-х годов», — так охарактеризовал писатель будущую повесть, в которой все построено на легендах и маловероятных, но оригинальных анекдотах. Как и в подлинных мемуарах, рассказ ведется от лица самого писателя, не скрывающегося на этот раз за маской колоритного повествователя и прямо сообщающего факты своей жизни. «Меня в литературе, — пишет он, — считают „орловцем“, но в Орле я только родился и провел мои детские годы, а затем в 1849 году переехал в Киев».

Герои «Печерских антиков» (большинство из них имеют реальные прототипы) излагают не только отдельные события, но и «ведут» целые главы повести. Рассказчик и автор разделены, последний иногда напоминает о своей независимости: вставляет замечания, как бы корректирующие речь героя, нередко подсмеивается над происходящим. В тот момент, когда отчаянного лгуна Кесаря Берлинского фантазия заносит на совершенно недостижимые высоты, автор намеренно буднично замечает: «По моему мнению, он был только храбрый и, вероятно, в свое время очень способный артиллерии полковник в отставке». Но в этом произведении, в отличие от «Воительницы», автор не просто цитирует своих героев: высказывания персонажа и автора порой сливаются, и через призму сознания последнего преподнесены все слова и мысли героя. Автор не прерывает повествования, не вклинивает свои комментарии в его речь, но с явным оценочным акцентом передает все, сказанное персонажем. В пределах одной фразы могут быть совмещены разные точки зрения, выражается отношение автора к герою или событию.

В рассказе о Кесаре Берлинском автор, не раз слушавший и самого Берлинского, и его истории в чужом пересказе, признается, что уже не в состоянии определить источник, следовательно, и достоверность многих сведений. Он поневоле попадает под власть рассказов Кесаря и — в определенной степени — под стереотип отношения к нему жителей Печерска. Своеобразная зависимость автора от мнения персонажей выражается преимущественно в том, что он дает слово «невидимым» героям — тем, кто в повести не действует, даже не называется по имени, а лишь рас-

сказывает и пересказывает истории о печерском Кесаре. Авторская речь как бы «пропущена» через сознание героев, через их отношение к изображаемому. Перед нами история с несколькими ее прочтениями, со множеством отношений к ней. Об одном из героев повести сказано: «Сюда его и привела под крыло печерского «Кесаря» громкая слава дел этого независимого и бесстрашного человека» — имя героя закавычено, будто произнесено чужими устами. В одной фразе совместились непосредственно-восторженное отношение к герою и ироническая усмешка автора. Таким образом, наряду с точкой зрения автора и героя-рассказчика в произведении Лескова могут прозвучать другие мнения и оценки.

Все эти разные позиции и взгляды могут совмещаться и сложно взаимодействовать не только на протяжении одного произведения, не только в пределах синтаксической конструкции, но и на пространстве одного слова. В повести «Полунощники» служанка Мартыновна передает слова брата своей хозяйки и за ее речью угадывается и первоначальный, неискаженный смысл его высказываний: «Нет, теперь такой постанов вопроса, что я в выдающемся роде расстроен...», или — «Это место общественное, тут пальтошников нет, а разная публика, и при ней популярные советники и интригантусы...». Перед нами — комбинация речи обоих героев, обмолвки служанки создают комический эффект, но позволяют в то же время реконструировать и мысли другого персонажа — брата хозяйки. Слово поэтому нередко перегружено в смысловом отношении — слишком много героев, явленных читателю, а часто неназванных, становятся «соавторами» писателя. Показательны в этом смысле слова, образованные по принципу народной этимологии. Так, слово *кляю*, которое произносит та же Мартыновна, объединяет в своем значении название марки шампанского (клик) и глагол *клякнуть*, *наклякаться*. На смысловую утяжеленность своих слов обращал внимание читателей сам Лесков. В примечании к «Полунощникам» он писал: «Слово „ожидания“ здесь употреблено в двух смыслах: а) как название учреждения, где ожидают, б) как само действие ожидания. В одном случае оно пишется с прописной буквы, в другом — со строчной».

Благодаря свободе повествования, к которой всегда тяготел Лесков и которая наиболее полное воплощение нашла в произведениях-воспоминаниях, смена рассказчиков естественна, а разнообразие их голосов помогает создать ощущение, к которому всегда стремится писатель — ощущение художественного мира, родственного реальной действительности.

О. Е. МАЙОРОВА

Рисунок Ю. Космынина

К 145-летию Н. А. Добролюбова

«КАКОЙ СВЕТИЛЬНИК РАЗУМА УГАС!»

Коротка и трагична была жизнь великого революционера-демократа Н. А. Добролюбова, оставившего неизгладимый след в истории русской литературы, критики, публицистики и в развитии русского литературного языка.

Н. А. Добролюбов родился 24 января 1836 года в Нижнем Новгороде. Внук деревенского дьякона и сын городского священника, он по традиции воспитывался сначала в духовном училище, а затем в семинарии. У его отца была хорошая библиотека: юноша рано познакомился с историей русской и зарубежной литературы, с историей культуры, с философией. Пребывание в семинарии перестало удовлетворять его, поэтому на предпоследнем курсе он покидает ее, переезжает в Петербург и поступает в Главный педагогический институт.

В дневнике Н. А. Добролюбова от 14 января 1857 года есть запись: «Хорошо еще, что я попал на благородные чистые убеждения. Что было бы из меня, если бы я не вышел из-под опеки церковной, державной и других властей?..» (Добролюбов Н. А. Дневники. Под ред. Валериана Полянского. М., 1932).

В Главном педагогическом институте Добролюбов сближается с выдающимся ученым И. И. Срезневским. Под его руководством он несколько лет работает над хроникой Георгия Амартола, овладевая строго научным методом исследования.

Еще учась в семинарии, Добролюбов собирал пословицы и поговорки нижегородского края. Хотя этот труд и не был опубликован, но фрагменты его были использованы Добролюбовым в его последующих статьях.

В институте Добролюбов сразу же становится вожаком передовой молодежи, образует так называемый добролюбовский кружок, объединявший демократически настроенных студентов. Вместе с товарищами он выписывает ряд передовых журналов, в горячих спорах выковывается его передовое мировоззрение. Последователь Белинского, Герцена и Чернышевского Н. А. Добролюбов ставит основной своей задачей борьбу за раскрепощение крестьян.

Одновременно Добролюбов пользуется большим авторитетом и в среде профессоров. Его глубокая теоретическая подготовка и знание языков выдвигают его в ряды передовых студентов. Он владел латинским, старогреческим, новогреческим языками, санскритом, немецким, английским, французским, итальянским и всеми славянскими языками в такой степени, что уже в 13-летнем возрасте делал переводы из Горация, а его студенческая работа «О Плавте и его значении в римской жизни» была отмечена в числе замечательнейших работ студентов в 1856—1857 гг.

Одновременно Добролюбов совершенно самостоятельно написал исследование «Собеседник любителей Российского слова», которое было вручено Н. Г. Чернышевскому одним из друзей Добролюбова. Чернышевский отметил большие достоинства работы, пригласил автора для беседы. С этого времени возникает и продолжается до конца жизни Добролюбова глубочайшая дружба двух передовых мыслителей.

По приглашению Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова он становится постоянным сотрудником «Современника» и руководителем одного из основных его отделов — отдела критики и библиографии.

Литературные недруги обвиняли Н. А. Добролюбова в эгоизме, сухости и черствости. Это не соответствовало действительности: Добролюбов был душевным и сердечным человеком, обладавшим незаурядной силой воли. В 18 лет студент Н. А. Добролюбов потерял мать, которая имела огромное влияние на формирование его личности, вскоре — и отца. Он остался с осиротевшими малолетними восьмью братьями и сестрами. Добролюбову пришлось, бегая по урокам, выполняя черновую корректорскую работу и другие обя-

занности литературного поденщика, заботиться об их обеспечении и образовании.

В таких тяжелых условиях проходили студенческие годы Добролюбова.

Однажды за «крамольное» стихотворение администрация института, косившаяся на Добролюбова за его вольномыслие, произвела у него обыск. В его бумагах были найдены сочинения А. И. Герцена, — факт вполне достаточный для того, чтобы быть исключенным из института. За Добролюбова вступились И. И. Срезневский и другие прогрессивно настроенные профессора. Администрации было нежелательно иметь пятно на институте, пользовавшемся большим авторитетом, и дело было закрыто, но Добролюбову снизили годовой балл за поведение и лишили его заслуженной золотой медали, невзирая на протесты И. И. Срезневского и других преподавателей института.

В эпоху нарастания революционной ситуации в России вслед за Белинским, Герценом и Чернышевским Добролюбов борется за идеи крестьянской революции, он остро ставит вопрос о народности литературы и о реализме. Номера «Современника» буквально вырывали друг у друга читатели, благодаря Добролюбовскому направлению в нем. Но имени Добролюбова они не знали. Свои статьи писатель подписывал только псевдонимами: Н. Бов, Н. Лайбов, Волгин, Н-ов, Н. А. Александрович, Андрей Критский, Н. Т-нов, Н. Турчинов, Конрад Лилиеншвагер, Яков Хам, Антон Капелькини, и даже близко знавшие Н. А. Добролюбова люди, например, любимый его преподаватель семинарии И. М. Сладкопевцев писал: «Я любовался этим живым словом, этой зрелой и новой мыслью, но мог ли я вообразить, что этот Бов — Добролюбов?» (Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1961).

Это был период, когда на историческую арену выдвинулась разночинная интеллигенция с ее передовыми взглядами и жадной борьбой.

Об этом времени писал Карл Маркс: «Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко в низах идет брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа» (К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. 1. М., 1967). Эту органическую связь своих идей с интересами народа сильно ощущал Н. А. Добролюбов, и его деятельность не могла не вызвать подозрений правящих кругов. Он сам отчетливо сознавал грозившую ему опасность: «Говорят, что мой путь смелой правды приведет меня когда-нибудь к гибели. Это очень возможно: но я сумею погибнуть не даром. Следовательно, в самой последней крайности будет со мной мое всегдашнее неотъемлемое утешение — что

я трудился и жил не без пользы» (Добролюбов Н. А. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1948).

Эти же мотивы звучат и в предсмертном его стихотворении:

Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен;
Но зато родному краю,
Верно, буду я известен.

«Милый друг, я умираю...»

«Ему было только двадцать пять лет. Но уже четыре года он стоял во главе русской литературы, [нет, не только русской литературы,— но во главе всего развития русской мысли],— писал в некрологе Н. Г. Чернышевский (Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. М., 1961).

Тяжелейшие условия жизни, неустанное горение на работе, работа о братьях и сестрах рано подорвали здоровье Н. А. Добролюбова, он скончался 17 ноября 1861 года.

Смерть Добролюбова всколыхнула всю прогрессивно-мыслящую Россию, и Некрасов отозвался на нее такими прочувствованными стихами:

Но слишком рано твой ударил час,
И вещее перо из рук упало,
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Памяти Добролюбова

Друзья и соратники Н. А. Добролюбова во главе с Н. Г. Чернышевским решили увековечить его память и издать его сочинения на средства журнала «Современник» под полным его именем. Н. Г. Чернышевский с помощью М. А. Антоновича активно принялся собирать материалы и успешно выполнил эту задачу. О темпах, которыми готовилось это издание, можно судить по тому, что в течение одного 1862 года были выпущены четыре тома. Первый том вышел 8 марта 1862 года, второй — в апреле этого же года, третий — в конце мая, и только четвертый том, выход которого задержался из-за ареста Чернышевского, был закончен М. А. Антоновичем и вышел в августе 1862 года.

Этот четырехтомник, созданный Н. Г. Чернышевским в память его гениального друга, разошелся очень быстро и способствовал росту популярности Н. А. Добролюбова.

В 1871 году вышло следующее издание сочинений Добролюбова, в 1876 — третье издание, в 1886 — четвертое. И эти, и все последующие издания выходили огромными тиражами и быстро рас-

купались. Имя Добролюбова стало знаменем всей революционно настроенной разночинной интеллигенции.

На рубеже 60—70-х годов XIX столетия идет процесс дальнейшей демократизации языка, наблюдается синтез книжного и разговорного языка, в литературу приходит разночинец, вырабатывается общественно-политическая, философская, экономическая, филологическая терминология.

«В связи с идеологической борьбой разных общественных групп происходит перераспределение функций между разными областями научной, профессиональной и технической терминологии» (Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938). Развиваются жанры критики и публицистики, научно-критические и научно-популярные стили.

Добролюбов глубоко понимал значение научно-популярного и публицистического стилей. Он боролся за общепонятность, доступность, прозрачность языка и за исторический подход к его изучению: «Развитие языка так тесно связано с историей народа, в народной поэзии так многое зависит от степени силы и изобразительности языка, что во многих местах необходимы будут замечания, относящиеся к истории языка»,— писал Н. А. Добролюбов в 1854 году в статье «О поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах».

Передовое мировоззрение Добролюбова, его исключительная одаренность, необыкновенно высокая филологическая подготовка позволили ему занять почетное место в истории русской литературы, критики и истории русского литературного языка. Он заботился о нормализации литературного языка, занимаясь вопросами фонетики, грамматики, этимологии, лексикологии и лексикографии, стилистики. В рецензиях на учебники он выступал против догматизма и формализма, отстаивая прогрессивные взгляды в воспитании и обучении.

Уже первые опубликованные в журнале «Современник» труды Н. А. Добролюбова «Собеседник любителей российского слова» и «Русская сатира в век Екатерины» являются замечательным вкладом в изучение литературы и языка XVIII века. В них Добролюбов выделяет имена Радищева, Новикова, Фонвизина и, несмотря на цензурные ограничения, делает ряд ценных критических замечаний и показывает значение сатиры.

Его последующие статьи и заметки о творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Шевченко, Фета, Тютчева, особенно Островского, Гончарова, Тургенева, Достоевского и других писателей, открыли новую страницу в истории русской литературы, критики и русского литературного языка. Статьи «Когда же придет настоящий день?», «Темное царство», «Луч света в темном царстве», «Что такое об-

ломовщина?», «Забитые люди» являются трудами, в которых дана целая система философских, общественно-политических, эстетических и филологических взглядов Н. А. Добролюбова.

Вторая половина XIX века в России характеризуется деятельностью Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена и Писарева, перед которыми стояла грандиозная задача создания цельной системы нового понимания и выражения законов развития философии, социологии, литературы, эстетики, языка с тем, чтобы дать в руки народа орудие борьбы за революционно-демократическое преобразование общества. Этот процесс вызвал к жизни дальнейшее развитие научно-критических и публицистических стилей: «Расширение и углубление национально-демократических основ русского литературного языка привело к широкой демократизации его», — отмечал В. В. Виноградов в «Очерках по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.».

В произведениях Добролюбова обилие политических, научно-технических, производственных терминов, которые употребляются как в прямом, так и в переносном значении, например, термины философские: *материализм, диалектика, дуализм*; экономические: *бюджет русской литературы*; естественно-научные и медицинские в синтезе с просторечием в переносном значении: *воздух самодурства, язва взяточничества* и др.

Велико значение Добролюбова в создании новых стилей. Исследователи его творчества отмечают, например, синтез научно-литературных стилей с просторечно-разговорными элементами *погасовка, подзатыльник, зажилить, замазать, содрать*.

Интересны и своеобразны эпитеты, которые придают фразеологизмам Добролюбова сатирическую направленность: *сатирико-политическая литература, поэзия с хромыми рифмами, поприще рифмованных преискурантов* и др.

Создавая общественно-политические, революционно-демократические, публицистические стили в условиях гнета царской цензуры, Добролюбов, так же как и многие его современники и предшественники, должен был выражаться иносказательно, пользоваться эзоповским языком. Такова, например, его статья «Когда же придет настоящий день?», которая заканчивается так: «Придет ли, наконец, этот день! И во всяком случае канун недалек от следующего за ночью дня». Слова и выражения *день, ночь, настоящий день, канун* и самое выражение *накануне* расшифровываются так: *день, настоящий день* — крестьянская революция; *ночь* — реакция, *канун* — канун революции.

Добролюбов иронически относился к языковедческой стряпне некоторых современных ему драматургов. Так, рецензируя пьесу писателя Е. Ф. Розена «Князь Курбский», он осуждал ее за неоп-

равданную смесь в ней древнерусских и современных слов и выражений.

Следуя за Белинским, Добролюбов упрекает поэта Бенедиктова в чрезмерной пышности тропов, что приводит к суррогату художественности, например:

Но огней потешных пиршественные ночи
Ярче там горели радостные очи
Русского народа; бой сердец довольных
Там гудел слышнее звонов колокольных.

Эти бенедиктовские сравнения *очей с фонарями и биения сердца с колокольным звоном* Добролюбову казались безобразными и фальшивыми.

Писатель расширял и углублял значение отдельных выражений. Например, слово *обломовщина* у Гончарова имело бытовое значение, а у Добролюбова — социально-политическое. По этому поводу он писал: «Слово это — обломовщина, оно служит ключом к разгадке многих явлений русской жизни, и оно придает роману Гончарова гораздо более общественное значение, нежели сколько имеют его все наши обличительные повести» (Добролюбов Н. А. Сочинения в 3-х томах. Т. 2. М., 1952).

Немеркнувшее значение трудов Добролюбова подчеркнул В. И. Ленин, который писал: «Две его статьи — одна о романе Гончарова «Обломов», другая о романе Тургенева «Накануне» — ударили как молния. Я, конечно, и до этого читал «Накануне», но вещь была прочитана рано, и я отнесся к ней по-ребячески. Добролюбов выбил из меня такой подход. Это произведение, как и «Обломов», я вновь перечитал, можно сказать, с подстрочными замечаниями Добролюбова. Из разбора «Обломова» он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа «Накануне» настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать!» (Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1967).

Н. А. Добролюбов оставил нам такое наследие, которое позволяло поставить имя писателя в один ряд с величайшими мыслителями и художниками слова. «Язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч», — писал В. И. Ленин.

Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

Рисунок Ю. Космынина

В литературе XIX века выделяется творчество Николая Семеновича Лескова, по словам А. М. Горького, «человека насквозь русского, тонко знающего русский язык и влюбленного в его красоту».

Горький считал Лескова «достойным встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров».

Очень интересны воспоминания сына писателя Андрея Николаевича Лескова «Жизнь Николая Лескова», в которых он широко пользовался хранимыми им семейными документами, «письмами, заметками и даже некоторыми не скупо рассыпанными в произведениях Лескова данными, но исключительно только такими из них, в которых автобиографическая суть ли в чем и ли в какой мере не подчинена беллетристическим требованиям и делам».

ЦАРСТВО МЫСЛИ

С большим, по сравнению со многими своими сверстниками, опозданием приобщившись к литературе, Лесков с первых же лет своего писательства отдался «служению ей» со всей силой и страстностью своего кипучего темперамента. Для него решительно ничто не могло иметь равного с литературою значения и цены. Все было ниже ее, «ибо в литературе есть *царство мысли*».

Правда, в особо горькие моменты он иногда сторяча и клял эту свою беззаветную ей преданность, но вслед за тем минуту спустя вновь говорил о ней не иначе как с любовным благоговением и вновь, как бы с еще большею силою, отдавался дальнейшему самоотверженному ей служению.

Неуважение к литературе его глубоко оскорбляло: «Какие хамы у нас в двор[янских] собраниях и думах: отчего ни Орел, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то один заговорил о портрете Тургенева, а недав-

В главе «Из семейной старины», например, рассказывает о происхождении фамилии писателя: «В некогда дремучих лесах, в восьмидесяти пяти верстах от губернского города Орла и в тридцати пяти от уездного Карачева, на скромной речке Колохве, текущей в не более знаменитую реку Павлю, терялось в полной безвестности ничем не замечательное село Лески».

В селе этом, из поколения в поколение, долгие годы священствовали представители семьи, пользовавшейся неплохой славой. По месту стойкого их сидения здесь сложилось и прозвище, по-позднейшему — фамилия: откуда, мол? да — из *Лесков!*

На литературной странице мы печатаем главы «Царство мысли» и «Великолепная книга» из книги «Жизнь Николая Лескова» (М., 1954).

по вслух читали статью «Новостей», где литературный хам «отделал Фета». Сколько пренебрежения к даровитости, и это среди огромного безлюдья!.. И газеты не дорожат своими людьми. Неужели Гаршин не стоил траурной каемки вокруг его трагического некролога?.. Зачем все известия о приезде «действительных стат[ских] советников» печатаются, а непристойным считается известить о приезде Чехова?».

Особенно яркое требование жертвенного служения литературе вылилось у него в торжественно-непреложном завете: «Кто не любит литературу до готовности принести ей в жертву свое благополучие, тот лучше сделает, если вовсе ее оставит, ибо „музы ревнивы“, а богема... ужасна!».

Перехожу к изложению некоторых мыслей Лескова, высказывавшихся им в *беседах* на те же темы у себя в кабинете в последние пять лет его жизни.

«Я даже представить себе не могу, как не могу представить себя человеком высокого роста, — чтобы сесть писать роман или повесть и не знать, что из этого выйдет и для чего я их пишу. Я, конечно, не знаю еще, удадутся ли они мне, но я знаю, *для чего* эта повесть, или роман, нужна и что я хочу ею сказать».

«Тем-то и дорога нам литература, что она живет идеями.... Такая она или сякая, но живет она все-таки ежедневно запросами о материях важных и не вознаграждает она себя за эту службу ни пенсиями, ни чинами, ни арендами. Бескорыстное это служение истине! Это и отличает писателя от всех прочих профессионалов. Как ни плох самый последний писатель, но он всю свою жизнь пишет о нравственности, а не деньги делает. Талантливый исправляет людей убеждением, чем он и дорог каждому мыслящему человеку».

Посетившим Лескова в конце ноября 1894 года В. В. Протопоповым записано такое его показание:

«Я люблю литературу как средство, которое дает мне возможность высказывать все то, что я считаю за истину и за благо; если я не могу этого сделать, я литературы уже не ценю: смотреть на нее как на искусство — не моя точка зрения... Я совершенно не понимаю принципа «искусство для искусства»: нет, искусство должно приносить пользу, — тогда только оно и имеет определенный смысл... Точно так же и в литературе: раз при помощи ее нельзя служить истине и добру, нечего и писать, надо бросить это занятие...».

И именно так: всегда и всех, успешно или тщетно, Лесков стремился «поворотить» к выше всего любезной его сердцу литературе, «к солнцу», «к царству мысли»!

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ КНИГА

Даже сравнительно в поздние годы, в годы бесспорного, широкого признания Лескова читателем, дело с критикой у него было в разладе.

«Расхвалить или раскатать», — говорил он, — это сколько угодно, но *разобрать* и особенно *внушить* — этого не возможно».

«Умных и даровитых писателей надо беречь, а не швырять их ими. А у нас не так. О нас Пушкин сказал: „Здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке“. Оттого их так и много».

Помимо общего негодования, во всех этих выражениях слышалась большая, чисто личная обида. За плечами был длинный «тернистый» путь тяжелого литературного труда. А сколько-нибудь удовлетворяющее литературное положение не приходило.

В шестидесятых годах Лесков задумывает самобытный роман — «без любовной интриги». Главные герои этого «романа» — обитатели «старогородской поповки». Замысел был нов, форма необычна, речь чеканна. С опубликованием его шел ряд тягучих и досадительнейших осложнений, замедлявших окончательное его завершение, вызывавших частичные перестроения, даже переименование «хроники». Наконец, преодолев неисчислимыя мытарства, весной 1872 года появляются «Соборяне». Работая над ними, автор писал: «Это, может быть, единственная моя вещь, которая найдет себе место в истории нашей литературы». Ему верилось, хотелось верить, что труд будет замечен, оценен, изменит многое...

Через полвека пришел суд Горького: «великолепная книга».

А тогда? Что дали эти «Соборяне» их творцу? Ничего, кроме разрозненных платонических восторгов читателей. А сколько возлагалось на них надежд! В уповании на успех этой многодельной работы Лесков писал: «Хочу на год спрятаться в Веве или еще лучше в Сорренто и что-нибудь «совершить» (как говорил Гоголь). Мне все кажется, что все, что я пишу, вовсе не то, что я хочу и могу написать, — могу, ибо ощущаю, что — «Жизнь хороша потому, что искусство прекрасно». Но все рухнуло: не помогла и велико-

лепная книга! Не дала возможности работать, «не коло-
тись лбом об стену»!

При том внимании, какое сейчас оказывается на роди-
не автора этой книги литературным дарованиям, все это
представляется прямо невероятным!

Итак, пришлось смириться и пережить еще одну горь-
кую пезадачу, новый неуспех или полууспех. И все-таки
Лесковым вновь создается нечто не бывалое ни до, ни
после: «Запечатленный ангел». Этот «ангел», по словам
его создателя, «вытачивался полгода», а принес опять
одни восторги отдельных ценителей.

Захворав от непрерывной цепи досаждений вообще и
«литературных терзательств» всего больше, Лесков в
1875 году едет за границу, в Париж и Мариенбад, поле-
чить свою много испытавшую печень. Начитавшись там
«всласть» вещей, на родину его не допускавшихся, он пе-
рестает молиться старым богам и делается «переверт-
нем». Он начинает *итти на своих ногах, без чужих помо-
чей*, освобождаясь от сызмальства привитых взглядов,
традиций, тенденций, от более поздних влияний и в
результате становясь все более и более *самим собою*.
К огорчению своих недавних благоприятелей «попятно-
го» направления он еще из Мариенбада пишет, что «не
написал бы «Соборян» так, как они написаны», но что
его влечет к себе образ «еретика Форносова». Он круто
меняет курс на «Мелочи архиерейской жизни», «Попов-
скую чехарду», «Заметки неизвестного», «Чортовых ку-
кол», «Полунощников», «Загон», «Зимний день» и только
посмертно опубликованный «Заячий ремиз»... И выдержан
был этот курс два десятка лет, до последнего дня, стойко
и неукротимо, даже яростно, невзирая ни на какие кары
и гонения, жертвенно, в меру жаркой любви к литерату-
ре и исповедания, что она должна *вести к лучшему*, спо-
собствуя очищению совести и уяснению понятий, спо-
способствующих освобождению общества от привычек, соз-
данных невежеством и самолюбием.

Лесков писал в ту пору, когда в русскую речь широкою волною
хлынула масса иностранных слов из переводных, популярно науч-
ных сочинений и когда «гарантия», «концессия», «субсидия»...
и прочие словечки, за которыми таились очень скверные понятия
и дела,— не могли не раздражать Лескова, человека насквозь рус-
ского, тонко знающего русский язык и влюбленного в его красоту.

М. Горький

БЕСЦЕННЫЙ КЛАД

Замечательные образцы живой народной речи северных говоров записаны научными сотрудниками, преподавателями, студентами-филологами Ленинградского университета. Более 15 лет работали они в диалектологических экспедициях, собирая материал для словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей — Ленинградской, Вологодской, Архангельской, Мурманской, Заонежья. В их руках оказался поистине бесценный клад — поэтические богатства нашего народа.

В метком образном слове великие писатели видели красоту русского языка. Но найти это единственно необходимое слово так непросто: «Десять лет замираний и криков я вместила в тихое слово», — говорит Анна Ахматова в стихотворении «Смятение». В каждом слове деревенских стариков — вся их жизнь: «Семнадцати годов замуж вышла — слезы горстями откидывала», «Я на веку и за телятами ходила, и за овцами — за одними только волками не ходила»; «Я уж во скольких смертях была — все меня не надо»; «До старости дожила — не знаю, до смерти доживу ли».

Непростая жизнь прожита стариками — голод, войны, самоотверженный труд, но полна эта жизнь той удивительной духовной красоты, которая угадывается и в отношении их к окружающей природе, в вышитом узоре, в песне, в метком слове. Не избалованные вниманием городских детей и внуков, они охотно вступают в общение с приезжими, рады поделиться запасами душевной доброты, мудрости: «На душе стоят слова, а сказать не могу»; «Старая уж я, никому не нужна, хоть собака съешь — крылья опали». Поют, переодевшись в нарядное, поют прекрасно, в одиночку и в многоголосье, заново переживая в песне свою жизнь: «Не могу петь — голос не бежит»; «С ней уж никак не

споем: поют — как по песку идут, нет голоса»; «Как тетя Шура пела — лес кололся».

Меткость речи, обусловленная глубоким знанием жизни, наблюдательностью и опытом, обнаруживается в таком высказывании: «Она сама себя в день семь раз не любит». Интересно, что современное понимание старых традиций тоже нередко оказывается образно выраженным: «В великий пост ходили попу грехи сдавать». А можно ли о совести сказать более верно и просто: «Ой, знай меру-то, не наводи слепого-то на пень».

Самые разнообразные средства художественной выразительности (поэтические тропы) мы находим в обычной бытовой речи. При этом совершенно очевидной оказывается неделимость формы и содержания. Например, эпитет сближает бытовую речь с художественной прозой: «Женка у него *просторна характером*, добродушна»; «Не складу сейчас песню-то, нету у меня *спелого голоса*»; «Она была не убогая, но *умок* у нее *легонький был*»; «Нетелиная *кожа* лучше всего: мягкая, *вежливая*»; «Я покрасила — все живое, не пройти».

Сравнение в народной речи характерно тем, что в нем оказывается отчетливо выраженным отношение говорящего к предмету словесного изображения — ирония, сожаление, любованье и т. п.: «Фуфайка мне большая, я в ней, *как муха в парусе*»; «Дом-то сто лет стоит, а не крянулся, *стоит, как колокол*»; «Дорога прямая, *как кнутом отхлестнута*»; «В городах живут *как столб со столбом* — ни здравствуй, ни прощай»; «Он спит, *как пропал*».

Метафора (употребление слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии) позволяет в сжатой, лаконичной форме дать образную картину действительности и выразить к ней свое отношение. Образ оказывается особенно впечатляющим, поэтическим: «Раньше на простых лодках ездили. Ветер поймаешь и едешь»; «Согнуться не могу — *пояница волком воет*»; «Ишь ты, *как глаза-то бросила*»; «Зашла в баню — *вдох закрывает*»; «Иной и учится, да в голове не *взянет*»; «Мишка живет хорошо — в деньгах *бродит*».

Острому народному уму свойственно соединенне противоречий, поэтому такая фигура речи, как оксюморон — соединение двух слов, понятий, противоре-

чащих друг другу по смыслу, встречается очень часто: «Муж у нее живой смертью умер: пропал да и все»; «Платье новое — не держала еще, ну да ладно, молоде буду — издержу».

Гипербола (заведомое преувеличение, усиливающее выразительность) чаще всего характеризуется иронией, юмором: «Я сплю до полусебя раздета»; «Мужики, бывало, как зыкнут — от звука лампа гаснет»; «Парень боевой — спит, дак без палки не ходи»; «Денег-то нет, а ехать надо, так домой хоть на вороне посылай, что денег нет».

Особое место в народной речи занимает глагол. Глагольное словообразование более свободно, чем в литературном языке: «Соседи проснулись, *запоказывались*»; «Обожди, у нас гости маленько *приуедут*»; «Бездельники они: вчера всей семьей вечерину *проглуповали*»; «Я-то *выпомнила* (забыла), что молоко у меня там стоит».

Характерно, что такие словосочетания появляются в речи естественно и легко — их не выделяют интонацией, не любят сказанным, не смотрят на собеседника, ожидая реакции на удачное слово. Они оказываются необходимыми, как архитектурная деталь постройки или деталь внутреннего убранства дома. Вероятно, ненормированность диалектной речи в значительной степени определяет творческое отношение говорящего к высказыванию; человек не боится нарушить норму необычным словом или словосочетанием, не опасается показаться странным, приведя неожиданное сравнение.

Перед нами образцы народной речи, основанной на конкретно-чувственном, а не на понятийном восприятии действительности, поэтому и обобщение в такой речи — художественно-образное, а не абстрактно-понятийное. Народ в своей речи, как и в традиционном искусстве, — не потребитель культуры, а ее создатель, творец. Умение хорошо говорить издавна и поныне ценится в деревне очень высоко: «Когда не говорит, скажут: у-у, какой утюг, баенный угол». Примечательно, что индивидуальные образные выражения на первый взгляд не легко отличить от устойчивых, фразеологических, сочетаний. Надежным признаком фразеологизма может служить только повторяемость сочетаний в речи разных людей. Такими устойчивыми сочетания-

ми являются, например, выражение *душу достать, добыть* (оживить, вернуть к жизни): «Утонул он, из воды вытащили, да душу достать не могли», поговорка *пропащая корова всегда дойная*. Сходство фактов речи (индивидуальные образования) и фактов языка (устойчивые сочетания) свидетельствует о неразрывной связи традиции и творчества в народной культуре. Интересно, что именно те люди, которые знают множество поговорок, фразеологических оборотов и любят их употреблять, оказываются и наиболее способными к индивидуальному творчеству в речи.

Вопросы стиля диалектной речи пока еще находятся за пределами лингвистического изучения, но достойны пристального внимания. И важно, чтобы это внимание было обращено не только на собственно диалектизмы (местные слова, которых нет в литературном языке, например, «гугольки» — льдинки) или на семантические диалектизмы (слова, известные в литературном языке с другим значением, например, «плавать» — ползать, так говорят о пресмыкающихся), но и на художественность речи, отражающую народный талант.

На пути сближения говора современной деревни с литературным языком естественны как приобретения (обогащение языка, повышение речевой грамотности), так и потери (стандартизация, утрата гибкости, живости речи, что приводит к ослаблению языкового чутья и неправильному словоупотреблению: «Он хороший, *относительный* врач» — о враче, который хорошо относится к пациентам).

Важно, чтобы литературный язык и диалект взаимно обогащали друг друга. В процессе современного языкового развития жаль было потерять то живое и жизнеспособное в говорах, что нисколько не мешает жителям деревни овладеть литературным языком, а, напротив, развивает художественные и языковые способности человека. Обогащение литературного языка видится не столько в заимствовании некоторых областных слов, сколько во внимании к образности речи.

Л. В. ЗУБОВА,
А. Д. СЫЩИКОВ

Ленинград

«ФОРМА РЕЧИ — ПРОСТАЯ, ПОНЯТНАЯ»

Пожалуй, самое трудное и самое важное для лектора — эмоционально настроить аудиторию для восприятия информации. Овладев вниманием слушателей, он должен не только удерживать их интерес, но и непрерывно обострять его.

Особенно внимательно следует относиться к качеству речи. Небрежное употребление слова способно разрушить самое хорошее впечатление от выступления. „...Слово дано человеку, — писал В. Г. Короленко, — не для самоудовлетворения, а для воплощения и передачи той мысли, того чувства, той доли истины или вдохновения, которым оно обладает, — другим людям... Слово — это не игрушечный шар, летящий по ветру. Это орудие работы: оно должно поднимать за собой известную тяжесть. И только по тому, сколько оно захватывает и поднимает за собой чужого настроения, — мы оцениваем его значение и силу“.

Информативная и легко воспринимаемая речь обладает рядом качеств, которые усиливают ее смысловую емкость и эмоционально-экспрессивную напряженность. Известный судебный деятель А. Ф. Кони советовал лекторам: „Форма речи — *простая, понятная*. Иностранный элемент допустим, но его следует тотчас же объяснить, а объяснение должно быть *кратким, начеканенным*; оно не должно задерживать надолго движение речи. Лучше не допускать трудно понимаемых ироний, аллегорий и т. п.; ... хорошо действует *простое наглядное сравнение, параллель, выразительный эпитет*“.

Рассмотрим некоторые качества речи. Прежде всего — простота изложения, то есть логическая последовательность и поступательное развитие мысли. Сложный синтаксис, многочисленные придаточные предложения, причастные, деепричастные обороты и различные вставные конструкции затемняют смысл высказывания, делают устную речь запутанной и искусственной; поэтому подобная речь воспринимается с большим трудом. Такое выступление будет звучать неестественно, так как перечисленные особенности характерны не для устного, а для письменного изложения.

Усложняется речь и в том случае, если выступающий отклоняется от основной линии изложения, если он подробно останавливается на второстепенных деталях, не играющих функциональной роли в повествовании. Это может отвлекать слушателей от главного, разрушать создаваемые лектором представления.

Затрудняет понимание речи бесплановость выступления, его неопределенная композиция, смысловые разрывы в изложении, незавершенность отдельных фраз, их нечеткость. Например, если мы скажем: „В нашем совхозе выше урожай зерновых“, не пояснив, по сравнению с чем выше, то слушатели не поймут мысль. Допущена ошибка и в такой фразе: „В нашем совхозе трудятся опытные механизаторы и комсомольцы“. В один логический ряд здесь поставлены разнородные слова.

Речь воспринимается слушателями по-разному. Это зависит от многих условий, в том числе и от уровня знаний аудитории. Скажем, в одной аудитории слово *дивиденд* будет понято, а в другой его потребуются объяснить: „часть прибыли, полученной акционерным обществом, подлежащая распространению среди владельцев акций“. Вероятно, все поймут слово *диспропорция*, но для одних оно привычное, для других — „чужое“, а потому воспринимается с трудом. Таким образом, мы видим, что ясность речи — немаловажное условие для ее эффективного восприятия.

Выступая перед аудиторией, мы рассказываем о политических и социальных процессах в различных странах, о развитии экономики и культуры, о научных открытиях и контактах. Отнюдь не упрощая вопроса, мы должны изложить его доступно, популярно, то есть опять-таки учитывая уровень аудитории, ее интересы. Выводы и рассуждения строятся на подробном объяснении мысли. А это достигается, например, использованием в выступлении ярких и доходчивых примеров, цифр, ссылок на документы, описанием и демонстрацией опытов, цитированием, полемикой с воображаемыми оппонентами, наконец, языковыми изобразительно-выразительными средствами.

Известно, что данные, приведенные в процентах, не всегда могут вызвать четкие ассоциации. Например, С. М. Киров, зная это, стремился в своих выступлениях объяснить значение некоторых цифр. Показывая, что означает рост на один процент, он сказал: „Мы должны всячески снизить накладные расходы в работе нашего

торгового аппарата. Для того чтобы всем было понятно, какими цифрами выражаются эти накладные расходы, я приведу один пример. Подсчитано, что 1% лишних накладных расходов к обороту по всей системе Центросоюза равен сумме не более и не менее как 250 млн. рублей. Если бы я вам не привел этой цифры, то, я уверен, многие из вас сказали бы: „Ну, что такое 1%, пустяки, пускай кооперация его возьмет, ничего от этого не изменится“. Нет, товарищи, оказывается, очень крепко изменится в сторону 250 млн. советских рублей“ (Из доклада на собрании партийного актива Ленинградской организации 8 октября 1932 г.).

Точность речи понимается двояко: с одной стороны, это достоверность, истинность высказывания; с другой — отсутствие в речи неопределенных, двусмысленных слов и выражений. Достоверность выступления связана с фактической точностью, которая может нарушаться, если допускается фактическая ошибка.

Главное орудие лектора, пропагандиста — слово. Однако при выборе слова могут возникнуть ошибки. Иногда мы не учитываем значения слова, которое оно имеет в современном литературном языке, или его многозначности. Так, в предложении „Город очень компактный: наряду с широкими авеню встречаются такие улочки, на которых трудно разойтись двум людям“ автор употребил слово *компактный* без учета присущего ему в литературном языке значения. В „Словаре русского языка“ С. И. Ожегова значение этого слова определено так: 1. Плотный, расположенный тесно, без промежутков: *компактная масса*. 2. перен. Краткий, сжатый. *Компактное изложение*. Мы видим, что ни первое, ни второе значения здесь не подходят: в городе имеются широкие улицы.

В предложении „В производство внедрено 41 мероприятие“ следует заменить слово *мероприятие*. Внедряются обычно прогрессивные методы труда, скоростные методы работы. *Мероприятие* — это организованное действие или совокупность действий, имеющих целью осуществление чего-либо. Мы говорим: „Провести важное мероприятие“, „План культурно-просветительных мероприятий“.

В предложении „В результате анализа получены отличные данные“ возникла двусмысленность при использовании многозначного слова *отличный*: 1 — отличающийся от чего-либо, иной; 2 — очень хороший, превосходный.

Мы говорим: „Они приняли отличное от прежнего решение“, „Продукция отличного качества“, „Отличный фильм“.

Точность речи тесно связана и с ее краткостью. „Где много слов, там мало мудрости“, — гласит известное изречение. Речевая избыточность ведет к плеоназму и тавтологии. Плеоназм — это выражение, содержащее однозначные слова. Например: каждая *минута времени, в январе месяце, промышленная индустрия, коллеги по профессии*. К тавтологии обычно относят повторение в предложении однокорневых слов, типа: „*Следует отметить следующие недостатки*“ и неоправданную избыточность выражения: „*Это самая интереснейшая книга*“; „*Более лучшее* положение“. Лексическая избыточность и повторение слов — ошибка только в том случае, если это не связано со стилистическим заданием, например усилением фразы. Конечно, заменять в предложении однокорневые слова синонимами не всегда целесообразно: в одних случаях это невозможно, в других — будет обеднением речи. Вот как, например, лексический повтор усиливает речь:

„Мы должны выучиться понимать труд как *творчество*. *Творчество* — понятие, которым мы, литераторы, пользуемся слишком часто, едва ли имея право на это. *Творчество* — это та ступень напряжения работы памяти, когда быстрота ее работы извлекает из запасов знаний, впечатлений наиболее выпуклые и характерные факты, картины, детали и включает их в наиболее точные, яркие, общепонятные слова“ (М. Горький. Из доклада на I Всесоюзном съезде советских писателей. 17 августа 1934 г.; курсив мой — Н. К.).

С точностью речи связана и лексическая сочетаемость. Мы можем сказать: *деревянный стол, деревянный стул, деревянный пол, деревянная дверь* — здесь сочетаемость определяется логическими связями. А вот другой вид связи слов. Со словом *оказать* сочетаются следующие слова: *влияние, внимание, воздействие, гостеприимство, давление, действие, доверие, любезность, нажим, поддержку, покровительство, помощь, почести, почет, почтение, предпочтение, прием, противодействие, содействие, сопротивление, услугу, честь*. Не все пишущие и говорящие знают эту ограниченную сочетаемость, поэтому иногда в речи возникают ошибки. Например: „За работу принялся умело, но показать всех способностей не успел — пришла пора идти в армию“ — способности можно проявлять, а по-

казать можно, на что способен; следует: *но показать, на что способен, не успел*; „Эта газета освещает местные, районные и городские события и новости“ — газета *новости сообщает*, а не освещает; „Выступавшие внесли деловые конкретные замечания“ — *вносятся предложения*, а *замечания можно высказывать*.

С точностью речи связаны стилистическая окраска слов и их принадлежность к определенному стилю. Сравним слова *рука, ручка, лапа, лапка, длань*. Из этих слов *рука* — основное, нейтральное, наиболее распространенное; *лапа* — употребляется в обиходно-разговорной речи с оттенком грубоватой фамильярности или в значении „большая, сильная рука“; слова *ручка, лапка* — небольшая, слабая (обычно женская, детская) рука, употребляются часто с оттенком ласки, снисходительности; *длань* — в современном языке используется преимущественно иронически, в XIX — начале XX века было свойственно приподнятой речи, поэзии.

Если слово, имеющее определенную стилистическую окраску, употребляется в несвойственном ему контексте или для описания ситуации, которая требует другого слова, возникает стилевой разнобой, приводящий к отрицательному эффекту. Вот в этих предложениях не учитывается стилистическая окраска слова: „Согласно договоренности, дорогой мой, мы идем завтра в лес за грибами“ — слово *согласно* имеет официальную окраску; „Мастер попросил дежурного посмотреть, нет ли утечки черного золота“ — *черное золото* — газетная метафора, в разговорной речи употреблять не рекомендуется; „Прядильщица Иванова является маяком нашего завода“ — слово *маяк* отличается от своих синонимов *передовик, ударник* образностью и повышенной стилистической окрашенностью, в данном контексте оно неуместно, так как в нем указывается конкретная профессия.

Довольно часто злоупотребляют в речи устойчивыми глагольно-именными сочетаниями, которые иногда можно заменить глаголами. Например: *проводить сокращение* — *сокращать*, *проводить репетицию* — *репетировать*, *проводить разграничение* — *разграничивать*, *оказать помощь* — *помочь*, *принимать участие* — *участвовать*, *проявлять доверие* — *доверять*, *производить анализ* — *анализировать*. Эти сочетания, как правило, имеют книжный характер и употребляются в основном в официальной речи. В быденной речи мы предпочтем глагол: „Он *помог* (а не

оказал помощь) соседке и починил дверь“; „Наши дети участвуют (а не принимают участие) в этом веселом по-вогоднем празднике“; „Он беспокоится (а не проявляет беспокойство) о ее судьбе“.

Качества речи неотделимы от ее смысловой емкости и эффективности воздействия на аудиторию. Простота, ясность, доступность, точность и краткость — неотъемлемые свойства хорошего публичного выступления.

Н. Н. КОХТЕВ

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

У п р а ж н е н и е 1. Укажите слова, употребленные без учета их значения; исправьте предложения.

1. Способствуют получению высоких урожаев многие факторы: и забота о повышении мастерства механизаторов, и подготовка посевной техники. 2. Хищная вырубка лесов привела к образованию оврагов. 3. Весной дети развешивают в парке гнездовья для его многочисленных пернатых обитателей. 4. Этот станок очень эффективный: производительность труда на нем выше, чем на старом.

У п р а ж н е н и е 2. Проанализируйте сочетаемость слов, найдите ошибки; исправьте предложения.

1. По стопам отца пошли сыновья, которые начали постигать механизаторские навыки со школьной скамьи. 2. Ребята сами на территории завода в свободное время убрали ветхие постройки, металлолом и построили волейбольную площадку. 3. Мы верим, что большая работа, которую ведут наши наставники, позволит вручить трудовую эстафету в надежные руки. 4. Комиссия должна выразить мнение об аттестуемом, высказать замечания, предложить советы. 5. В конце собрания они приняли постановление и составили мероприятия. 6. Выступавшие внесли деловые, конкретные замечания. 7. На этом заводе он провел первую лекцию. 8. Граждане! оплатите за проезд!

У п р а ж н е н и е 3. Укажите слова и выражения, употребленные которых стало причиной речевой избыточности (лишние слова); исправьте предложения.

1. Каждая команда получила задание, рассчитанное на догадку и смекалку. 2. Необходимо устранить имеющиеся недостатки, восполнить допущенные потери. 3. Работа управления за последний период времени улучшилась. 4. В составе объединенного отряда 385 человек. 5. В этой новой школе, школе передового опыта, все необычно, ново: даже учителя моложе по возрасту. 6. Роль деятельности политинформаторов, их авторитет растет с каждым днем. 7. Добросовестное отношение к своему делу, личная заинтере-

ресованность в конечных результатах работы позволили ей повысить производительность труда. 8. В суточный рацион кормления животных входят кабачки, тыква, сыворотка.

У п р а ж н е н и е 4. В приведенных примерах, где это возможно, замените сочетание (выделено курсивом) глаголом. Объясните, почему в некоторых случаях нельзя это сделать.

1. Перед стартом спортсмен *обрел силы* и вышел вперед. 2. Мой друг *пришел в удивление*, когда увидел мои книги. 3. Мои товарищи всегда *оказывают мне поддержку*, когда я попадаю в трудное положение. 4. Он всегда *передает мне приветы* от моих бывших знакомых. 5. Этот мастер не выполнил план, за что его справедливо *подвергли критике*. 6. Сегодня студенты нашей группы долго *вели спор* о течениях в современном искусстве. 7. Сталевары *вели скоростную плавку* металла. 8. Старшая сестра *проявляет заботу* о маленьком брате.

ОТВЕТЫ

У п р а ж н е н и е 1.

1. Здесь следует употребить слово *факт* вместо *фактор*. *Фактор* — существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явление; движущая сила. 2. Нужно: не хищная, а *хищническая*, то есть бесхозяйственная, бесплановая. 3. Нужно: *гнезда*; *гнездовье* — это место гнездования либо обитания птиц. 4. Нужно: не *эффектный*, а *эффективный*, то есть дающий наибольший эффект, производительный.

У п р а ж н е н и е 2.

1. ...начали *вырабатывать навыки*, а не постигать. 2. ...*разобрали постройки*, а не убрали. 3. ...*передать эстафету*, а не вручить. 4. ...*дать советы*, а не предложить. 5. ...*составили план мероприятий*, а не мероприятия. 6. ...*внесли предложения*, высказали замечания. 7. ...*прочитал лекцию*. 8. ...*оплатите проезд*; *заплатите за проезд*.

У п р а ж н е н и е 3.

1. Лишнее — одно из двух слов: *догадка* или *смекалка*. 2. Лишние слова — *имеющиеся* и *допущенные*. 3. *Период времени* — тавтология. 4. Лишнее — *составе*. 5. Лишнее — *по возрасту*. 6. Лишнее — *деятельности*. 7. Лишнее — *своему*, *личная*, *конечных*. 8. Лишнее — *кормление*, так как *рацион* — это пищевой паек или порция пищи, фуража на определенный срок.

У п р а ж н е н и е 4.

1. Заменить сочетание невозможно: от существительного *сила* нельзя образовать глагол. 2. *Удивился*. 3. *Поддерживают*. 4. Заменить сочетание невозможно: глагол *приветствовать* имеет другое значение. 5. *Криковали*. 6. *Спорили*. 7. Заменить невозможно: сочетание *вести плавку* — профессиональное. 8. *Заботится*.

ТЕРМИНОЛОГИЯ И НОРМА

Научная терминология, обычно считавшаяся периферией литературного языка, в настоящее время начинает занимать ключевые позиции и становится активным проводником многих тенденций развития лексики и словообразования языка в целом. Однако лишь признание этого факта недостаточно для понимания природы терминологии. Специфика терминологии выявляется, с одной стороны, при условии ее изучения как элемента более широкой системы, как лексики языка науки — самостоятельной функциональной разновидности общелитературного языка (лингвистический фактор), с другой — как такого феномена, судьба которого всецело зависит от развития самой науки (внелингвистический фактор).

Изучая терминологию с собственно лингвистических позиций, мы нередко забываем весьма существенный факт — насколько самостоятельна она в своем развитии. Конечно, терминология рождается и эволюционирует на почве конкретного национального языка. Но условия рождения терминов иные, чем условия рождения общеобиходных слов. Термины соответствуют системе понятий тех наук, которые они обслуживают, закономерностям и процессам развития самих этих наук.

Для анализа терминологической лексики мы берем ее в готовом виде из разных областей науки, техники, производства, где она выполняет свою специфическую роль — средства фиксации, хранения и передачи знаний, опыта, технических навыков, технологических приемов и т. п. «Социальная жизнь» терминологии также иная, чем у слов общеобиходного языка, и это следует всегда учитывать. В противном случае будет утрачена объективность условий развития терминологии и реальность ее оценки.

Своеобразие научной терминологии (зависимость ее от развития конкретных наук) и, главное, своеобразие «социальной жизни» терминов (то есть функционирование их в своем основном назначении только в сфере профессионального общения) делают пробле-

му нормализации терминологии в теоретическом и практически¹ в отношениях весьма сложной и многоаспектной. Научный подход к нормализации терминологии предполагает разработку общетеоретических положений, связанных с такими вопросами: место терминологии в структуре современного русского языка; природа терминов как знаков специальных понятий; существенные признаки терминов в сравнении с общеупотребительными словами; основные тенденции лексико-семантического развития и образования специальной лексики и фразеологии.

Функциональная самостоятельность сферы употребления научной терминологии (при общей ориентации на норму современного общелитературного национального языка) позволяет ввести понятие *профессиональный вариант нормы*. При установлении данного понятия мы исходим из того, что норма — это соответствие речевых реализаций системно-структурным основам языка в целом и современным действующим тенденциям развития языка; соответствие языкового выражения возникающим общественным потребностям. В профессиональном варианте нормы должно учитываться и то общее, что есть в языке науки как разновидности общелитературного языка, и то особенное, что есть в языке науки, но отсутствует в структуре общелитературного языка. При определении лингвистического статуса профессионального варианта нормы важно подчеркнуть его исходную и постоянную связь с нормой общелитературного языка и, главное, обнаружить те конкретные условия, при которых возможна реализация профессионального варианта нормы.

Необходимость в профессиональном варианте нормы возникает главным образом в двух типичных ситуациях: 1) когда имеются варианты средства выражения (словообразовательные, морфологические, орфоэпические, орфографические) одного и того же понятия или реалии — предмета, вещи, явления; 2) когда возникают новые, нетипичные средства выражения понятий или реалий, которым нет соответствия в общелитературном языке.

В первом случае, когда имеются общелитературные и профессиональные варианты формы выражения понятий, решается вопрос о том, можно ли считать вариант, распространенный в профессиональной сфере, нормативно допустимым или это все-таки ошибка, на которую необходимо обратить внимание специалистов. Рекомендация, как правило, дается на основе общих тенденций развития конкретного явления в языке в целом, с учетом причин появления вариантных форм.

Например, формы множественного числа имен существительных мужского рода на *-á* (ударное) очень часто непривычны для неспециалиста: *юпитерá* (осветительные приборы), *профиля́* (вер-

тикальные сечения, разрезы), *факелá* (у нефтяников), *приводá* (в технике), *стопорá*, *колерá*, *циркуля́* и т. п. И тем не менее, с нашей точки зрения, они вполне могут быть отнесены к устной реализации профессионального варианта нормы. Действительно, в основе этого явления лежит морфолого-орфоэпическая тенденция языка в целом, и терминология как бы убыстряет ее, пополняя этот ряд слов все новыми «отклонениями» от строгих норм общелитературного языка. Характерно и весьма показательно то, что в современных нормативных словарях-справочниках формы *штурманá*, *шкиперá*, *токаря́*, *профиля́*, *колера́* и им подобные обычно квалифицируются как факты специальной (терминологической) речи или профессионального просторечия, но не как простые отклонения от нормы (см., например, материалы словаря-справочника: Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Под редакцией К. С. Горбачевича. Л., 1973).

Вторая ситуация возникает, как правило, при необходимости выражения специальных понятий, нетипичных в условиях общелитературного языка. Сюда относятся и наименования, созданные с привлечением разного рода символики (вплоть до пиктографических знаков), а также сокращенные образования, особенно комбинированного типа. Все их можно оценивать лишь с точки зрения профессиональных представлений о целесообразности и информативном удобстве, а не исключительно с позиций строгих норм общелитературного языка.

Например, в общелитературном языке нет многоосновных образований типа *термобарокамера*, *антибиотикоустойчивость*, *электромусородробилка*, *векторэлектрокардиоскоп* и т. п. Однако для терминологии они не только чрезвычайно актуальны, но и оптимальны, так как с их помощью создается наименование с необходимым числом отличительных признаков. В этом случае нельзя подобные структуры расценивать с позиций собственно литературных норм и представлений, считая их «тяжеловесными», излишне «длинными».

* * *

Для специфически профессионального использования системы и структуры языка в целом характерен отбор средств и способов по нескольким основным принципам: актуальности, целесообразности и аналогичности.

Принцип актуальности означает, что продуктивными становятся те средства, которые вызваны актуальностью выражения соответствующих значений (независимо от того, являются они новыми или традиционными, исконно национальными или заимство-

ванными, чаще из интернационального фонда). Актуальность, а следовательно, и продуктивность словообразовательных средств, для терминологии всегда явление вторичное. Она отражает потребность в наименовании новых предметов, новых понятий. Во многих современных отраслевых терминологиях продуктивны образования со *сверх-* — для наименования новейших физических и других явлений, свойств материалов и т. п.: *сверхзвезда, сверхпамять, сверхразум, сверхпроводник, сверхжаростойкость, сверхпластичность, сверхъёмкость*; термины с элементами *-скоп* и *-скопия* — для обозначения инструментальных средств и методов исследования в современной медицине: *бронхоскоп, гастроскоп, ректоскоп, кальпоскоп, риноскоп; бронхоскопия, гастроскопия, ректоскопия* и т. п.

Принцип целесообразности в образовании терминов позволяет создавать свои, наиболее оптимальные способы (модели, форманты) выражения специальных понятий. Оптимальность выражается в том, что используются предельно экономные и в то же время наиболее емкие по смыслу приемы терминообразования: аббревиатуры, термины-словосочетания, комбинированные словесно-символические образования и т. п. (π^0 -мезоны, z^0 -частицы, w^\pm -частицы в ядерной физике или «*n*-ичный сигнал», «квази-*n*-ичный сигнал» в электро-связи). Для оценки их нет идентичных критериев среди норм общелитературного словообразования. Поэтому их нормативность устанавливается посредством практической апробации, общего соответствия структуре языка науки, специфическим способам терминообразования.

Наконец, принцип аналогичности связан с тем, что для языка науки, его специальной лексики очень важна повторяемость средств выражения аналогичных понятий: образования типа *лазер, мазер, гразер; телевизор и тепловизор; землетрясение, моретрясение, луно-трясение, звездотрясение; жарестойкость, светопогодостойкость, морозостойкость, влагостойкость* и т. п. Формирование аналогичных стандартных моделей или отдельных терминоэлементов обеспечивает их системность: классификационную регулярность терминов в соответствии с подобной классификацией. А это само по себе очень существенно именно для терминологической лексики.

Терминоупотребление, основу которого составляют категории и формы грамматического строя общелитературного языка, в своих особенностях не выходит обычно за рамки действующих тенденций их развития. Однако для употребления терминов в целом характерна гораздо большая, чем для общелитературного словоупотребления, вариантность форм. И это явление нельзя расценить однозначно — как такое, которое необходимо подчинить нормативному единообразию. Тем более, что в языке науки эти вопросы решают

не языковеды, а специалисты конкретных областей науки и техники, практика употребления вариантных форм в этих областях. И если, скажем, в одной термивосистеме слова *компонента* и *желатина* — женского рода, а в другой — *компонент* и *желатин* — мужского рода, то мы едва ли вправе «подравнять» по своему усмотрению эти варианты.

В общелитературном языке словосочетания типа *одно-однозначное соотношение*, *электронно-электронный переход*, *ракета земля-земля*, *жиро-липидный* (то есть *жиро-жироидный*) и им подобные могут быть расценены как тавтологичные, а следовательно, стилистически уязвимые. В терминологии — это единственно возможный способ передачи необходимого значения соответствующих специальных понятий. Отвлеченные существительные типа *теплота*, *ширина*, *полнота* в общелитературном словоупотреблении не имеют регулярных форм множественного числа. В терминологии формы *теплоты*, *ширины*, *полноты* необходимы для выражения параметрических значений, и поэтому соответствующие формы множественного числа создаются и употребляются без всяких затруднений.

Даже в таком вопросе, как орфография, нельзя не считаться с терминологической вариантностью. Сложные прилагательные-цветообозначения, например, по современной орфографии пишутся только через дефис: *ярко-оранжевый*, *бело-красный*, *сине-зеленый* и т. п. А вот в ботаническом термине «синезеленые водоросли» такое прилагательное — вопреки общелитературным правилам — имеет слитное написание (см., например, словарную статью «Синезеленые водоросли» в БСЭ, изд. 3-е). Встречающийся иногда разноречивой в текстах газетных и журнальных статей (наряду со слитным и дефисное написание: *сине-зеленые водоросли*) объясняется, скорее всего, формальной корректорской правкой и отсутствием в современных нормативных словарях (в частности, орфографическом) соответствующих указаний и рекомендаций типа: «*Сине-зеленый* (но в ботанике: *синезеленые водоросли*)». Ср., например, подачу профессионального ударения в словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» (1959): «*Лавр'овый лист*, *лавр'овый венок*; но в ботанике: *ла'вровая ро'ща*, *се'мейство ла'вровых*» и т. п.

* * *

Профессиональный вариант нормы не вполне соотносится с понятием варианта в общелитературном языке. Ведь развитие специальной лексики языка науки идет не только по общелитературным каналам, поскольку она непосредственное и теснее, чем лек-

сика общелитературного языка, связана с объективной действительностью.

Системность терминологии в целом может в известной степени «нейтрализовать» строго лингвистический подход к отдельным ее единицам с позиций общелитературной правильности. Вместе с тем профессиональный вариант нормы, как правило, не противопоставляется нормам общелитературного языка. В большинстве случаев он стоит на переднем крае определенной тенденции развития норм общелитературного языка (акцентологических, морфологических и т. п.). Терминология как наиболее мобильная часть лексики «продвигает» эту тенденцию путем активной реализации ее на все новых и новых примерах. Образно говоря, происходит известная актуализация того, что заложено в системе, но осталось в ее «запасниках».

Говоря об упорядочении, унификации современной научно-технической терминологии, о, так сказать, лингвистическом ее обеспечении, мы в полной мере сознаем, как трудна эта работа, какой осторожности и ответственности она требует и от лингвистов, и от представителей конкретных наук. Лингвисты все еще остаются в большом долгу перед терминологами-практиками, поскольку очень многие проблемы, связанные с лингвистическим изучением современной терминологии, не исследованы в полной мере, теоретически не осмыслены.

Многоаспектная деятельность по унификации и нормализации терминологии в современных условиях бурного развития науки и техники приобретает самостоятельную значимость. Именно поэтому так существенны и актуальны теоретические обобщения и практические выводы и рекомендации для этой важной работы.

* * *

Литература: *Сифоров В. И.* Проблемы научно-технической терминологии.— Вестник АН СССР, 1975, № 8; *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977; *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. М., 1978; *Налимов В. В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979; *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980; *Сборники: Исследования по русской терминологии.* М., 1971; *Терминология и норма. О языке терминологических стандартов.* М., 1972.

*В. П. ДАНИЛЕНКО,
Л. И. СКВОРЦОВ*

КАК ОБРАТИТЬСЯ К РОДИТЕЛЯМ

Об автоматизме речи

Сложен и внутренне противоречив механизм человеческой речи. Когда мы говорим, то все наши языковые навыки, наши знания языка — слова, их формы, соединения слов во фразы — используются механически, или точнее — автоматически. В то же время, слушая чужую речь, мы замечаем в ней все, что непохоже на нашу собственную. Эти отличия и привлекают внимание.

Вопрос об автоматизме человеческой речи, а, главное, о возможностях и пределах его преодоления, мы рассмотрим на примере обращения к родителям. Поводом для такого разговора явилось письмо молодой читательницы журнала Лены К. из Баку. Вот что она пишет: «Я окончила 10 классов. Мне 17 лет, но я так же, как и маленькая, называю мать и отца на „вы“. Все же мои друзья своих родителей зовут на „ты“. И одна моя подруга спросила меня: „Они тебе неродные?“ Я, конечно, удивилась такому вопросу, но она мне объяснила: — На „вы“ называют только чужих, а своих, особенно родителей, — на „ты“. Я смутилась. Теперь я начинаю дружить с мальчиком, но боюсь при нем называть родителей на „вы“. А чтобы сразу перейти на „ты“, у меня не хватит сил. Помогите мне, пожалуйста, что мне делать?».

Затруднение нашей корреспондентки действительно, а не мнимое. И прежде всего потому, что здесь собственно языковая проблема осложнена моментами психологическими и, даже шире, этическими и социальными.

Обращение обычно связано с человеком, поэтому оно невольно отражает всю сложность и тонкость отношений между людьми. И обращение к отцу и матери не существует в языке изолированно. Чтобы объяснить переход с «вы» на «ты» (и обратно), следует коснуться подробнее этой проблемы и рассмотреть, как исторически складывались формы «вы» и «ты», принятые в современном языке.

Исконно русским, традиционным, является обращение на „ты“. Многие века русские люди так говорили со всеми: близкими, не-

близкими, старшим по возрасту, вышестоящими на общественной лестнице. Вспомним обращения в сказках, в молитвах к царю, богу и т. п. В XVIII веке, когда усилиями Петра I в России утверждался галантно-европейский стиль речи и поведения, в русском языке появилось обращение на «вы». Оно заимствовано из западноевропейских языков, в которых обращение во множественном числе к одному человеку имело первоначальный смысл, примерно такой: «Ты один стоишь многих» — этим как бы подчеркивалась особая вежливость друг к другу. Западноевропейское «вы», как правило, двусторонне. Если обратиться, например, к романам Ч. Диккенса, то можно встретить немало примеров такого обращения не только сына к отцу, но и отца к сыну.

Попав в Россию, европейская форма на «вы» стала смешиваться с привычными, собственно русскими формами на «ты». Языковые традиции у каждого народа очень крепки и глубоки. На первых порах, да и позднее — в XIX веке, столкновение «вы» и «ты» было причиной многих курьезов, комичных и нелепых речевых ситуаций. В рассказе А. Чехова «Ты и Вы» приводится такой диалог между следователем и свидетелем:

— Чай, знаешь Северина Францыча?

— Нужно говорить *вы*... Нельзя тыкать! Если я говорю тебе... вам *вы*, то вы и подавно должны быть вежливым!

— Оно, конечно, вашескорodie! Нешто мы не понимаем? Но ты слушай, что дальше...».

Ревнители чистоты русского языка, активные противники всяческих заимствований, выступали и против вежливого европейского «вы». В. И. Даль назвал такое обращение «искаженной вежливостью», а для убедительности своей позиции привел пословицу: «Лучше по чести тыкать, нежели с подвохой выкать». Уничжительный смысл этого рифмующегося присловья очевиден.

Столкновение двух форм обращения в русском языке, восходящих к двум разным языковым системам («ты» — исконно русское, «вы» — западноевропейское), усугубляется и другим противоречием. Оно связано со смысловым содержанием, которое наполняет сами эти обращения.

Обращение на «ты», имеющее в русском языке длительную историю, особенно многозначно и выразительно. Оно может означать, с одной стороны, дружески-интимное обращение, существующее между людьми близкими, хорошо знакомыми, возлюбленными и т. п. В соединении с различными словами-приложениями *братец, матушка, мать моя, отец мой, дядя, дядюшка, дедушка, друг мой, дружок* и т. п. оно способно отразить самые разные оттенки в отношениях между людьми и в то же время смягчить речь, придать ей исключительную искренность. Неслучайно именно подобные обо-

роты в обращении грамматисты считают естественными, народными формами.

В то же время, говоря «ты», можно проявить пренебрежение к человеку и даже нарочитую грубость. Сознательно грубо, желая унижить, обращается жандарм к арестованному революционеру Находке в романе М. Горького „Мать“:

— Ты, Находка, привлекался уже к дознанию по политическим преступлениям? — спрашивает жандармский офицер. — В Ростове привлекался, и в Саратове... Только там жандармы говорили мне «вы».

Неприятно сталкиваться с обращением «ты» и в наши дни, когда оно встречается у лиц вышестоящих и адресовано к подчиненным.

«Вы» показывает разные оттенки вежливого отношения: от вежливо-почтительного до вежливо-официального, проницкого, холодного. В художественной литературе, да и в жизни тоже, можно встретить этому многие примеры:

О ты! которую теперь звать должно — Вы,
С почтеньем, с важностью, с уклонкой головы,
О прежняя Лиза, Ты!.. Вы барыня уж ныне.

Княжнин. Ты и Вы. Письмо к Лизе

Прекрасно охарактеризовал А. С. Пушкин стилистическое своеобразие того и другого обращения в стихотворении «Ты и вы»:

Пустое *вы* сердечным ты
Она обмолвись заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою:
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

Таково в основных чертах смысловое и стилистическое распределение «ты» и «вы», закрепленное в современном русском языке.

Как же обращаться к своим родителям — на «ты» или на «вы»? Надо ли менять привычное обращение «вы» на новое для девушки (и, кстати, для ее родителей также) обращение на «ты»?

В грамматиках и в нормативных словарях нет никаких четко сформулированных на этот счет предписаний. В них не говорится: «надо только на ты» или «надо только на вы». Родители — люди

самые близкие к детям, самые родные и самые дорогие. Поэтому вполне оправданно обращение к ним на «ты». Встречающееся «вы» у детей к родителям, хотя и свидетельствует о некоторой дистанции между ними, тем не менее говорит об отношении уважительном, почтительном. А это, в свою очередь, может характеризовать детей с нехудшей стороны, подчеркивая устойчивые семейные традиции. Видимое противоречие не в языке, а в жизни, в действительности.

В русском речевом обиходе обращение на «вы» или на «ты» к родителям — свидетельство еще двух моментов: социального и территориального. Обычай говорить «вы» своим родителям больше заведен в среде крестьянской, до Октябрьской революции — в купеческой (вспомним героев пьес Островского), у духовенства; в семьях традиционно интеллигентных привычнее обращение к родителям на «ты». Вспомним искренний порыв Николеньки Иртышева, мальчика из дворянской семьи, героя повести Л. Толстого «Детство». На просьбу матери помнить ее всегда, даже когда она умрет: « — Полно! и не говори этого, голубчик мой, душечка моя! — вскрикиваю я, целуя ее колени... ».

Вместе с тем, «вы» к родителям — показатель местной, локальной речи. В украинском и белорусском языках, да и многих южнорусских областях, принято говорить «вы» родителям не только в деревнях, но и в городах.

Описанная картина распределения смысловых, социальных и местных условий при обращении на «вы» (или на «ты») к родителям позволяет вести разговор о возможности перехода с одной формы обращения на другую. И здесь мы вновь должны вспомнить об автоматизме человеческой речи, ибо с ним-то и связаны основные трудности в процессе перехода. Привычные, особенно родные формы речи (то есть освоенные в раннем детстве) весьма устойчивы. Всякий переход от одних форм выражения на другие требует немалых усилий. Надо постоянно следить за своей речью, подвергая ее регулярному самоконтролю. Не всякий говорящий с этим справляется. К тому же переход на «ты» в обращении к своим родителям может быть неправильно ими воспринят, и новшество породит ненужное отчуждение. Об этой психологической стороне надо серьезно подумать, прежде чем осуществить изменения в своей речи.

Согласие родителей на перемену в обращении к ним должно быть полным и единодушным. После того, как оно будет получено, предстоит длительный и упорный контроль за речью; без воли, настойчивости и терпения вряд ли замысел может быть осуществлен. В одной знакомой нам семье из троих детей, когда они стали взрослыми и пожелали с согласия матери перейти с ней

на «ты», справиться с этим смогли только сыновья; попытка же дочери, хотя она филолог-русист, успехом не увенчалась: она называла свою маму на «вы».

Оказалось, что преодолеть свое смущение перед друзьями и подругами, справиться с недоумениями случайных свидетелей, с которыми она сталкивалась на каждом шагу, психологически было все-таки легче, чем разрушить привычный мир доверительности и душевного согласия, который объединял ее с матерью.

Таков неудачный опыт одного известного нам реального случая, который все-таки следует иметь в виду для тех, кто задается подобной целью. По-видимому, могут быть и иные результаты. Но это всякий раз индивидуально, психологически и социально неповторимо.

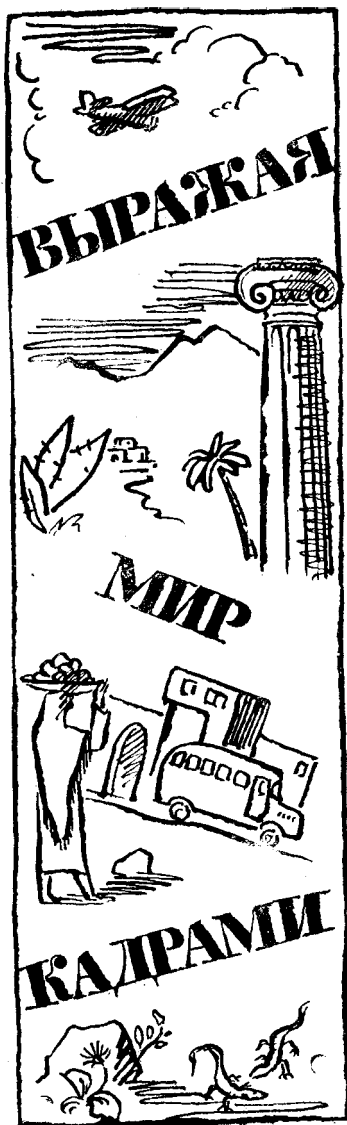
Т. С. КОГОТКОВА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово *орфограмма*, которое сейчас употребляется во всех школьных учебниках по русскому языку?»

Л. И. Степченко, г. Раменское.

Орфограмма (от греческого *orthós* — прямой, правильный и *grámma* — буква) обозначает написание, соответствующее правилам орфографии, требующее применения этих правил; написание, которое нужно выбрать из ряда возможных. Орфограммой может быть не только буква, но также слитность или раздельность написания, место переноса, характер сокращения слова. Орфограммы являются одними из основных единиц в теории и практике орфографии. В действующих школьных учебниках принято давать списки изученных орфограмм с отсылкой к определенным параграфам и страницам учебника (например, названия орфограмм в списках: «безударная гласная в корне слова, проверяемая ударением», «буквы *з* или *с* в конце приставок» и др.). Каждая орфограмма имеет в тексте учебника и в списке один и тот же порядковый номер (соответствующий порядку их изучения), который используется в сокращенных ответах при решении орфографических задач.

В русском литературном языке в последние десятилетия активно развиваются такие синтаксические конструкции, которые позволяют передавать большой объем информации в предельно лаконичной форме и кроме того обладают возможностями экспрессивного воздействия на массового читателя. Среди таких конструкций особый интерес представляют номинативные (назывные) предложения, получающие все более широкое распространение в газетных жанрах.

Главный член номинативных предложений, выраженный существительным в именительном падеже, выполняет собственно назывную, номинативную функцию, а отсутствие глагола лишает эти предложения возможности передавать движение. Поэтому такие предложения встречаются преимущественно в текстах описательного, статичного характера, где автор фиксирует отдельные факты, явления или события, например:

«Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Октябрь. Ночь. Дождь и ветер. Полесье» (Шолохов. Тихий Дон); «Игольчатый мороз, косматые лапы, безлунный, темный, а потом предрассветный снег...» (Булгаков. Белая гвардия); «Торжественная тишина на Красной площади. Шелест алых стягов... Часовые, застывшие у входа в Мавзолей... Первые

лучи солнца, сверкающие в рубиновых кремлевских звездах... Особая, волнующая тишина, такая бывает только первомайским утром» (Комсомольская правда, 1974, 2 мая).

В настоящее время в письменной литературной речи происходит непрерывное обогащение структуры номинативных предложений, появляются новые формы их употребления и способы включения в текст. Одно из выразительных свойств номинативных предложений — их соответствие отдельным зрительным образам-кадрам. Когда-то, на заре развития кинематографа, в пору овладения всеми возможностями этого нового вида искусства, художники считали, что именно кино способно наиболее ярко и впечатляюще отражать мир. Известный советский кинодокументалист Дзига Вертов восклицал тогда: «Если бы это зависело от меня, я бы вообще писал не словами, а кадрами!». И сейчас еще желание «выразить мир кадрами», зрительно ощутимыми картинками, свойственно многим авторам, особенно журналистам, и оказывает влияние на их манеру письма.

Приведем одно из таких описаний в книге Василия Пескова «Белые сны»: «При быстрой езде сквозь стекла трудно снимать Лавчонки торговцев. Гора ананасов. Гора кокосовых орехов. Свежая рыба». Картины, мелькающие перед глазами путешественников за окном машины или автобуса, автор рисует с помощью номинативных предложений — кадров: «Бешено мчится автобус. Проплыли вдаль невысокие округлые горы, с мягкой зеленью и синими облаками. Деревенка с домами, похожими на корзины. Стая белых птиц на болоте».

Лауреат Ленинской премии Василий Песков широко известен советскому читателю как корреспондент «Комсомольской правды», автор прекрасно иллюстрированных photographиями книг «Шаги по росе», «Белые сны», «Отечество», «Край света» и др. Почти во всех его материалах мы находим номинативные предложения — различной структуры и по-разному включаемые в текст. Чем же это вызвано и какие цели преследует автор, используя данные предложения?

Дело в том, что выбор языковых средств в каждом конкретном случае обычно обусловлен не только содержанием произведения, его задачей, но и мировоззрением автора, его индивидуальным художественным вкусом. Василий Песков воспринимает окружающий мир, прежде всего, «профессионально», как фотокорреспондент, фиксируя в сознании отдельные кадры. «Видение мира кадрами» находит отражение и в языковой манере этого журналиста и писателя. Во многих его описаниях, портретах, в пейзажных зарисовках перед глазами читателя словно предстают кадры фотопленки,

Вот, например, описание родины космонавта Германа Степановича Титова в книге «Шаги по росе»: «Алтай. Косихинский район, село Полковниково. Холмы. Березы по колено в цветах. Высокие облака, высокое синее небо. Пшеница. Гречихи молочные полосы. Запах меда, запах клевера с донником». Два первых предложения называют место действия, а цепочка последующих номинативов отдельные зрительные впечатления — «кадры» — объединяет в единый образ-пейзаж.

Тот же прием создания живописного образа находим в статье «Дорога»: «Тут [на базаре в Танзании] все покупают на медные деньги. Бананы, картошка, разложенная кучками по земле. Кислое молоко в жестянках из-под бензина. Дешевая ткань и мятые носенные пиджаки, мотыги, ржавые части от велосипедов...» (Комсомольская правда, 1969, 10 июля). Основная функция номинативных предложений здесь описательная. Лаконичный и одновременно образный текст создается нанизыванием распространенных предложений, причем эпитеты-определения при подлежащем (*дешевая* ткань, *мятые* пиджаки, *ржавые* части) носят ярко выраженный сценочный характер.

Способы распространения главного члена номинативного предложения в авторской манере В. Пескова различны. Так, появление цветowego эпитета создает эффект цветного кадра: «Индия. Дели... Сиреневый свет вечернего аэродрома. Бородатые люди в чалмах. Ночная дорога мимо белых дворцов и мимо лачуг с робкими огоньками» (Белые сны).

Причастный оборот или придаточное предложение, относящиеся к главному члену предложений, расширяют их изобразительные возможности, придавая этим кадрам движение: «Самолетная пристань. Самолеты садятся прямо на воду. Человек, ожидающий самолет. Кто он?» (Иртыш.— «Комсомольская правда», 1966, 26 октября). В этом описании соседство номинативной конструкции с двусоставным глагольным предложением («Самолеты садятся прямо на воду») и причастный оборот придают картине динамику: перед нами уже не отдельные фотокадры, а как бы движущиеся кадры киноленты.

В газетном репортаже «Ясная Поляна» (о музее-усадьбе Л. Н. Толстого) В. Песков, комментируя фотоснимок, пишет: «Давайте вместе разглядим этот снимок, сделанный с высоты, на которой над лесом летают птицы. Дорога. Постройки. Сад. Лес, уходящий за горизонт» (Комсомольская правда, 1966, 10 декабря).

Причастный оборот в последнем предложении («Лес, уходящий за горизонт») подчеркивает широту пространства, охваченного объективом; снимок, сделанный с вертолета, сродни киноленте.

А вот другое описание: «Антарктида плывет под крыльями. Прощальный полукруг, и ложимся на курс. Слева синяя полоса Индийского океана, справа голубые обрывы спящей земли...» (Белые сны), и по ассоциации автор вдруг вспоминает картину А. А. Рылова «В голубом просторе»: «Это, конечно, одна из лучших картин, когда-либо созданных человеком. Пейзаж перестает быть только пейзажем. Шорох белых упругих крыльев. Спокойствие полета на высоте облаков. Вольная синева. Чуть прикрытые снегом бурые скалы. Все вместе дает ощущение радости, свободы, надежды». Номинативные предложения раскрывают содержание предыдущего предложения, играющего роль обобщающего слова: «Пейзаж перестает быть только пейзажем». Итоговое глагольное предложение создает завершенность сложного синтаксического построения.

В поисках новых путей расширения изобразительно-выразительных возможностей номинативных предложений современные авторы разрабатывают все новые и новые способы включения их в контекст. Вот как, к примеру, В. Песков создает панораму Ростовского Кремля (статья «Ростов Великий»): последовательно подключая с помощью бессоюзной присоединительной связи одно предложение к другому, автор словно ведет киноаппарат по панораме Ростова Великого: «...вот эти постройки над озером. Башни. Стены с бойницами. Крылечки. Оконца. Ворота. Резные крыши. Несчетные,верху устремленные купола» (Комсомольская правда, 1968, 14 июля). С помощью безглагольных конструкций здесь передается движение.

Тот же прием находим на первых страницах книги «Белые сны», посвященной путешествию в Антарктиду. Перед автором стоит задача передать читателю впечатления журналиста, который летит через весь свет, из Москвы в Антарктиду: «Пятьдесят тысяч километров туда и обратно. Двадцать дней дороги по свету и тридцать антарктических дней».

В. Песков использует номинативные предложения, которые сначала рисуют это движение через весь земной шар с севера на юг: «Сахарный снег Гималаев. Пальмы. Экватор. Острова потухших вулканов. Красные земли Австралии. Молнии тропических гроз. Новая Зеландия...», а потом, как бы с помощью черно-белых и цветных фотографий, иллюстрируют месяц жизни корреспондента в Антарктиде, на льду, среди зимовщиков: «Свет маяка над столовой. Свет папиросы в ночное дежурство у мигающих огоньками приборов. Струны антенн. След трактора и саней длиною в тысячу километров. Черная трещина. Березовый веник в бане. Тысяча слов в газету. Пингвины, застывшие около айсбергов. Черные очки и нос, облупившийся, как молодая картошка...».

Контексты употребления номинативных предложений у В. Пескова очень разнообразны. Прежде всего, это описание увиденного из окна самолета или вертолета: «Иду к летчикам. У них из кабины лучше увидишь землю. Какая она, эта земля, Австралия?.. В синей дымке показалась равнина. Причудливые заливы мелкой воды. Редкий лес с желтым песчаным ободком берега. Длинный мыс. Маяк на мысу. Клубы дыма из леса. Небольшой город. Садимся. Колеса коснулись Австралии. Тишина...».

Широко использует В. Песков номинативы и в портретных зарисовках-характеристиках, в ряду с короткими предложениями другой структуры. Вот портреты зимовщиков (Белые сны): Калинин Сергей Федорович. Инженер. Высок. Молчалив. Деловит; Борис Антонович Косинов. Хороший радист. Здоровяк. Каждый вечер, как инспектор, обходит Мирный.; Андрей Капица. Что я знаю о человеке? Большой рост. Большой лоб. Глаза черные, быстрые. Говорит тоже быстро. Кандидат географических наук. Имеет труды. Руки у него в мозолях и ссадинах...

Характерны для стилистической манеры В. Пескова и такие конспективные описания биографий (космонавтов, например): о Г. С. Титове: Босоногое детство. Катанье на лошади. Ночное. Купание. Рыбалка. Ягоды и грибы. Первые книжки; о П. Р. Поповиче: Аэроклуб. Военная школа. Служба в Сибири... на Дальнем Востоке. Он был хорошим летчиком (Шаги по росе). Номинативные предложения в таких контекстах словно нарочито воспроизводят рабочие записи из блокнота журналиста и рассчитаны на «домысливание» читателем.

В репортажах В. Пескова в качестве индивидуального жанрово-стилистического средства часто можно встретить прием авторского «самоотстранения», подчеркнутого неучастия автора в происходящем. Так построена, например, встреча участников советской антарктической экспедиции с мэром города Крайстчерча в Австралии. Последовательное употребление предложений позволяет автору будто со стороны фиксировать эту церемонию на кинолентку: «Мэр города пожелал увидеть участников перелета. Крутая лестница с мягким ковром в трехэтажном особняке. Очень любезная секретарша-старушка. Вежливый поклон мэра. Кофе. Сандвичи. Обмен подарками. Вежливый разговор о городе Крайстчерче, об Антарктиде» (Белые сны).

Сложные синтаксические конструкции, композиционную основу которых составляют номинативы, используются автором и в текстах конспективного характера: «Стоят в углу тяжелые сапоги. Висит на крючке меховая одежда. Камень из Антарктиды. Яйцо пингвина. Фотолентка. Блокноты дорожных записей... Давайте вместе перелистаем эти записи неблизкого путешествия»

(Белые сны). Такое описание обычно носит ассоциативный характер, рассчитано на цепь воспоминаний, которые автор в дальнейшем развернет перед читателями.

Все эти примеры говорят о больших смысловых и выразительных возможностях номинативных предложений и об их активном использовании в произведениях современных авторов.

Г. С. ШАЛИМОВА

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно назвать жителей Сибири: эвены или эвенки?» Я. А. Иванов, г. Харьков.

Правильны и то и другое названия, так как они относятся к разным, но родственным народам.

Эвенки (прежнее название *тунгусы*) живут в Эвенкийском автономном округе, входящем в состав Красноярского края РСФСР. Границы современного расселения: на западе — левобережье Енисея, на севере — заполярная тундра между Енисеем и Леной, на востоке — южная часть Охотского побережья, на юге — Амур и северные районы Бурятской АССР. Говорят на эвенкийском языке.

Эвены (прежнее название *ламуты*), живут в некоторых районах Магаданской и Камчатской областей и в северных районах Якутской АССР. Говорят на эвенском языке. По происхождению и культуре близки эвенкам. Оба языка входят в северную группу тунгусо-маньчжурских языков.

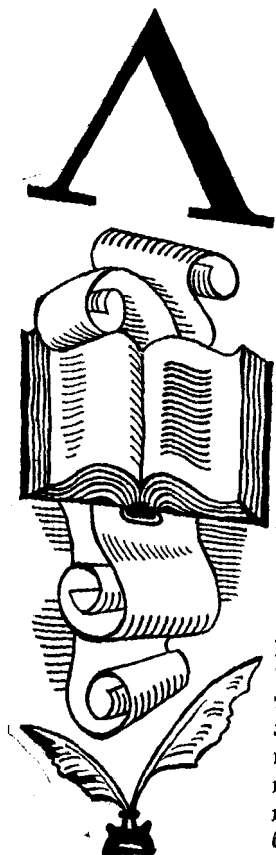
■
«В июне 1980 года в нашей стране был принят Закон об охране и использовании животного мира. В статье 31-й читаю: «...государственный кадастр животного мира». Что такое *кадастр*?»

Н. К. Петров, г. Калуга.

Слово *кадастр* (фр. *cadastre* < ср.—гр. *katastichon* — лист, реестр) имеет два значения: 1) — список лиц, подлежащих обложению подушным налогом; 2) — систематизированный свод сведений, составляемых периодически путем непрерывных наблюдений над соответствующим объектом (например, *к. земельный*, *к. водный*, *к. животного мира* и т. п.).

М.В.ЛОМОНОСОВ

и его роль в изучении русского языка

Ломоносов принадлежит к числу великих людей, которые, говоря словами Ф. Энгельса, «были титанами по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености». Его многочисленные труды по физике, химии, астрономии, математике, геологии, географии, металлургии, философии, истории, филологии составили целую эпоху в развитии русской и мировой культуры.

В емкой формуле А. С. Пушкина: «Ломоносов был первым русским университетом» — большим общественным смыслом наполняются не только слова *первый, русский*, но и слово *университет* (от лат. *universitas litterarum* — «совокупность, сообщество наук»). Гений Ломоносова вместил в себя все знания, все науки своего времени.

Ломоносов — основоположник науки о русском языке, первый наш лингвист, начавший изучать живой русский язык и историю языка. Он всю свою жизнь прославлял русский язык, видел в нем «великолепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латин-

ского языка». Ломоносов первым охарактеризовал предмет и задачи русского языкознания как науки.

Материалистическая направленность мировоззрения ученого ярко проявляется во всех его филологических трудах. Ломоносов постоянно указывал на связь и взаимодействие языка и мышления («слово дано разуму для сообщения с другими людьми своих мыслей»), утверждал общественную природу языка. Язык — одно из важнейших условий культурного и социального развития общества. Если бы люди были лишены языка, говорил он, то «едва бы не хуже ли были... диких зверей, рассыпанных по лесам и по пустыням».

Круг лингвистических интересов Ломоносова весьма обширен, и даже перечень его филологических трудов поражает разнообразием. Здесь и первая большая грамматика русского языка — «Российская грамматика» (1755), и работы по сравнительно-историческому описанию славянских, романских, германских и финских языков, и обширные материалы по изучению русских говоров, и исследования по стилистике русского языка и поэтике художественной литературы, ораторскому искусству, опубликованные в «Риторике» (1748) и в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1757), и сочинения по вопросам происхождения и развития языка. Однако все эти труды Ломоносова удивительно соединены друг с другом в неразрывное целое, так как связаны с разрешением важнейшего вопроса русского языкознания — описания нового русского литературного языка и его норм. Над этой задачей трудились все образованные люди второй половины XVII — начала XVIII веков, старшие современники Ломоносова — А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, В. Е. Аододуров, В. Н. Татищев, а удалось решить ее лишь гению Ломоносова.

С начала XVII века постепенно формируется русский национальный литературный язык на живой народно-разговорной основе. Народно-разговорная речь начинает все активнее выступать в качестве носителя единой общенациональной нормы и вытесняет книжнославянский язык из всех сфер культурного общения.

Реорганизация русского государства при Петре I, развитие торговли, промышленности, переустройство административной системы, создание новой армии и флота, формирование нового быта, литературы и культуры — все это потребовало новых форм выражения в литературном языке. Функции литературного языка начала XVIII века значительно расширились, а сам он в отношении словарного состава и грамматических особенностей представлял собой довольно пеструю картину. В одном и том же произведении можно встретить рядом слова и грамматические формы различной стилистической окраски (например, *высокие книжнославянские*

град, власы, благо, яко, иже и простые слова живой русской речи (*город, волосы, болото, как, который*), слова разного происхождения (например, русские *потеха, боярин, доход* и заимствованные — *фейерверк, министр, акциденция*). В одном и том же тексте, например, прилагательное *старого* могло быть написано по-разному: *старого, старого, старова, старова*.

Все это, естественно, создавало большие трудности в речевом общении. Назрела острая необходимость в грамматической нормализации литературного языка.

Что должно лежать в основе нового литературного языка, какое место в нем должна занимать народно-разговорная речь, в какой мере следует сохранять связь со старыми книжнославянскими традициями, каково должно быть соотношение старых и новых слов в литературном языке, какие из заимствований должны войти в него? Вот самые главные вопросы, которые предстояло разрешить. Ломоносов дал на них исчерпывающие и точные ответы.

Прежде всего он рассмотрел проблему литературного языка и его норм в сравнительно-историческом плане и установил, что русский и древнеславянский языки представляют собой два разных, но близких, родственных языка.

Ломоносовское разграничение русского и древнеславянского, принятое в современной науке и ставшее традиционным, в то время было важным научным открытием, так как ясного представления о различии родственных языков у ученых не существовало. Как правило, понятие «русское» растворялось в понятии «книжнославянское».

Ломоносов четко различает эти языки и считает, что каждый из них располагает своими памятниками и имеет свои отличия в области фонетики, лексики и грамматики. Так, к «российскому языку» древнего периода Ломоносов относит древнерусские летописи «Повесть временных лет», сборник законов «Правда русская», «Уложение 1649 года», а к древнеславянскому языку — памятники церковной литературы.

Разрешив с помощью сравнительно-исторического метода проблему разграничения русского и древнеславянского языков, Ломоносов обращается уже к другой проблеме — стилистической. В результате сложного взаимодействия русская и «славенская» стилистики создали особые разновидности литературного языка — стили языка (высокий, средний, низкий), которые отличаются друг от друга особыми словами, грамматическими формами и конструкциями.

Эти языковые средства Ломоносов закрепил за каждым из трех стилей и описал их нормы. Нормы нового литературного языка Ло-

моносов выводит из русского языка, из тенденций его развития, а не из древнеславянского языка, как это делалось до него.

Характеризуя стили русского литературного языка, Ломоносов описывает их в виде системы и разрабатывает критерии их выделения. Особое внимание он обращает на стилистическую характеристику языковых средств, составляющих каждый из стилей. В каждый из стилей литературного языка входят слова, обороты речи, грамматические формы и категории, обладающие стилистическими качествами употребительности, понятности и возможности их использования в литературном языке. Это такие, например, слова, как *взывать, рука, ныне, слава, почитать, говорить, ручей, который, пока, лишь* и т. п.

За пределами норм нового литературного языка оказываются две группы слов, оборотов речи, грамматических форм: 1. устаревшие, «обветшавшие слова» и формы, то есть исчезнувшие из употребления в устной и письменной речи: *обаваю* — «заклинаю, исцеляю», *рясны* — «украшения», и 2. «презренные слова», вульгарные слова, отличительные признаки которых связаны с неупотребительностью и невозможностью («непристойностью») их использования в образцовой литературной речи.

Взгляд Ломоносова на новый литературный язык происходит из правильного понимания того, что нужно взять в него из русской и «славенской» стихий и что надо было исключить из «чистого российского штиля». Особенно следует подчеркнуть важность принципа ограничения лексических источников для нормализации литературного языка, разработанного Ломоносовым. Что касается заимствований, то он советовал их избегать, рекомендуя оставлять лишь те, которые «в такое пришли обыкновение, что будто бы сперва в российском языке родились».

Таким образом, стилистические признаки слов, оборотов и грамматических форм, включенных в контекст, определяют сущность самого стиля. Состав языковых средств стиля определяется соотношением «славенских» и общеупотребительных русских форм речи, но главной основой литературного языка является разговорная речь. «Ломоносов понял,— писал академик А. И. Соболевский,— что соединение церковнославянских элементов с вульгарными русскими в литературном языке не может звучать приятно для человека с развитым вкусом, и поэтому устранил это соединение. Он воспользовался живым русским языком, тем русским языком, которым говорили в лучшем обществе того времени, но, где было нужно, облагородил его, возвысил его и украсил прибавлением элементов литературного церковнославянского языка». Ломоносов «пожелал совместить старину и новизну в одно гармоничное целое

так, чтобы друзья старины не имели основания сетовать о крушении этой старины, а друзья новизны не укоряли в старомодности».

Наконец, Ломоносов ставит перед собой практическую задачу — создать художественную литературу, построенную на введенных им нормах литературного языка, и показать все преимущества нового литературного языка в сравнении со старым. С этой задачей блестяще справился Ломоносов — поэт и оратор.

В 1757 году Московский университет издал «Собрание сочинений» М. В. Ломоносова. Первый том «Собрания сочинений» открывался «Предисловием о пользе книг церковных в российском языке» — трудом Ломоносова, в котором были описаны нормы нового русского литературного языка и охарактеризованы его стили. А вслед за этим сочинением в первом томе были помещены произведения различного содержания, жанров и стилей (в книгу включены «Оды духовные», «Оды похвальные», «Похвальные надписи», «Слово о пользе химии», «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее», «Слово о рождении металлов от трясения земли», «Письмо о пользе стекла» и т. д.). Ломоносов как бы говорит своим читателям: вот научное описание нового русского литературного языка, вот его теория стилей и жанров, а вот образцы нового литературного языка, произведения разных жанров и стилей, в которых отражены нормы общенационального языкового выражения.

Ломоносов создал строгую и стройную лингвистическую теорию, которая сыграла выдающуюся роль в становлении и в формировании нового русского литературного языка. Теория Ломоносова органически связана с важнейшими культурно-историческими потребностями русского общества XVIII века. Она носит глубоко национальный характер. Описание норм литературного языка и разделение языка на три стиля внесло порядок в ту пестроту слов и форм речи, которая была характерна для литературного языка Петровской эпохи. Стилистическая реформа Ломоносова оказала громадное воздействие на судьбы русской литературы и литературного языка вплоть до Пушкина.

Никто в нашем языкознании, как писал академик В. В. Виноградов, с такой полнотой и глубиной, с такой свободной и всесторонней оценкой языковых фактов, опирающейся на историзм и гениальную интуицию, не разрабатывал проблемы русского языка, как это сделал Ломоносов. И только Ломоносов был способен ориентироваться и прокладывать новые пути в русском языке, который он уподоблял «безмерно широкому полю или, лучше сказать, едва пределы имеющему морю».

В. П. ВОМПЕРСКИЙ

К 80-летию
со дня рождения

Николай
Николаевич
ПРОКОПОВИЧ
1901~1972

Область научных интересов профессора, доктора филологических наук Н. Н. Прокоповича была широка и многогранна: в его трудах нашли глубокое освещение проблемы синтаксиса, морфологии, фразеологии современного русского языка, ученого волновали вопросы методики преподавания, проблемы исторической динамики развития языка (здесь сказалось плодотворное влияние идей А. М. Селищева, С. П. Обнорского).

Жизненный путь Николая Николаевича был трудным и сложным, его приходу в науку предшествовали не только студенческая аудитория и тишина читальных залов. «Университетами» будущего ученого были и поля сражений гражданской войны, и школы ликбеза, где борьба за грамотность учеников была одновременно борьбой за нового человека и новый мир.

Н. Н. Прокопович родился в семье служащего 5 января 1901 года (23 декабря 1900 года по старому стилю) в Ростове-на-Дону. Жизнь началась в среде скромных интеллигентов-тружеников. Чтобы помочь родителям, подросток-гимназист давал частные уроки. Ранняя юность связана с тяжелыми утратами: в 1917 году умер отец, в 1919-м — мать. Суровое время потребовало быстро определить свое место в жизни: в январе 1920 года бывший гимназист Николай Прокопович стал бойцом-добровольцем Красной Армии. В ее рядах он находился до октября 1924 года, участвовал в боях за Новороссийск, за освобождение Крыма, в разгроме Врангеля. Среди товарищей по оружию, бойцов рабоче-крестьянской

армии, он, интеллигент, вчерашний гимназист, никогда не был «белой вороной», «барчуком». Товарищи уважали его за бесстрашие и честность, глубокую порядочность и богатые знания, которыми он охотно делился с ними.

После демобилизации Н. Н. Прокопович полностью связывает свою жизнь с делом народного просвещения: получив в 1924 году диплом учителя русского языка и литературы, он преподает в окружной совпартшколе, в школах ФЗУ, в школах ликбеза, для которых подготавливал буквари. Он был одним из первых организаторов учебного заведения нового типа — вечернего рабочего университета в Николаеве, где совмещал преподавание русского языка с работой завуча. Таковы основные вехи жизненного пути будущего ученого в первые 10 лет преподавательской деятельности. Это биография советского интеллигента, подвижника народного просвещения.

Увлеченный работой Николай Николаевич постоянно учился сам, расширяя и углубляя специальные знания, серьезно занимаясь лингвистической наукой. В 1938 году, выдержав конкурсные экзамены, он стал аспирантом Научно-исследовательского института школ при Народном комиссариате просвещения РСФСР, а вскоре в должности старшего научного сотрудника принят в институт. За три года под руководством профессора М. Н. Петерсона Н. Н. Прокопович подготовил кандидатскую диссертацию «Конструкции со страдательными причастиями в современном русском языке». В этой работе четко определено основное направление будущих исследований — синтаксис современного русского языка. Начавшаяся война, эвакуация института задержали защиту: она состоялась только в 1943 году при МГУ имени М. В. Ломоносова.

Вскоре после возвращения из эвакуации, с октября 1944 года, Н. Н. Прокопович начал работу на кафедре русского языка МГПИ имени В. И. Ленина. Здесь в 1955 году он завершил обширную монографию «Адъективные словосочетания в современном русском литературном языке», за которую ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Плодотворная научная деятельность Николая Николаевича Прокоповича может служить подлинным образцом творческого труда ученого. Защитив синтаксическую по своей проблематике кандидатскую диссертацию, Н. Н. Прокопович глубоко изучил и морфологическую структуру русского языка. Его монография «Изучение морфологии в школе» (М., 1950) была удостоена премии Академии педагогических наук РСФСР; эта монография вышла тремя изданиями, она стала необходимой книгой для преподавателей-словесников, в ней изложен нормативный курс морфологии современного русского языка и даны обширные исторические комментарии.

Однако интерес к синтаксису определяет основную научную проблематику исследований ученого. Н. Н. Прокопович обращается к изучению основных единиц синтаксиса — предложения и словосочетания. В 60—70-е годы словосочетание становится основным предметом его исследований; данной проблеме посвящены как отдельные статьи, так и монографии ученого.

Продолжая творчески развивать традиции выдающихся отечественных языковедов А. А. Потебни, А. А. Шахматова, М. Н. Петерсона, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, Н. Н. Прокопович обогатил общелингвистическую теорию оригинальным и стройным учением о словосочетании. В трудах Н. Н. Прокоповича словосочетание исследовано во многих аспектах: определены признаки этой синтаксической единицы и ее отличия от сочинительных сочетаний слов, решен вопрос о границах словосочетания (К вопросу о простых и сложных словосочетаниях.— Вопросы языкознания, 1959, № 5), определены параметры разграничения словосочетания и слова (О разграничении словосочетаний и сложных прилагательных.— Русский язык в школе, 1961, № 4), словосочетания и предложения (Словосочетание и вводно-модальные слова (конструкции).— В сб.: Проблемы современной филологии. М., 1965).

Эти же проблемы находят глубокое освещение в капитальных трудах профессора: «Словосочетание в современном русском литературном языке» (М., 1966) и «Вопросы синтаксиса русского языка» (М., 1974). Н. Н. Прокопович обращается и к синтаксису сложноподчиненных предложений (Сложное предложение с придатктивной придаточной частью.— Вопросы языкознания, 1965, № 6). Некоторые типы словосочетаний рассматриваются Н. Н. Прокоповичем и в историческом аспекте, что позволяет определить основные тенденции развития этой синтаксической категории.

Научная деятельность Николая Николаевича Прокоповича теснейшим образом связана с Институтом русского языка АН СССР: он был членом ученого совета Института, одним из авторов «Грамматики русского языка» АН СССР (М., 1952—1954), коллективных монографий, подготовленных Институтом.

Ученый-исследователь, Н. Н. Прокопович всегда живо интересовался практическими проблемами школьного и вузовского преподавания. Его методические рекомендации привлекают новаторством, творческим отношением к педагогическому процессу.

Идея Н. Н. Прокоповича о необходимости сочетания лингвистического и литературоведческого изучения художественных произведений нашла уже теперь воплощение в жизнь: в вузовские учебные планы введен специальный курс лингвостиллистического анализа.

В помощи, советах и рекомендациях Н. Н. Прокоповича нуждались многие. Трудно просто перечислить те многочисленные формы, в которых находила выражение деятельность ученого-наставника, учителя учителей. Достаточно сказать, что в последние 10 лет своей жизни, несмотря на значительное ухудшение здоровья, Н. Н. Прокопович возглавлял кафедру русского языка МГПИ имени В. И. Ленина, руководил различными научными советами и комиссиями. И всегда при этом он умел находить время для бесчисленных консультаций и бесед со студентами и аспирантами, школьными и вузовскими преподавателями.

Яркий талант и исключительное трудолюбие сочетались у Николая Николаевича с удивительным личным обаянием и большой скромностью. В частной беседе он мог произвести впечатление человека тихого, даже застенчивого, очень доброго. Но доброта его не имела ничего общего с всепрощающей бесхарактерностью: душевной чуткостью он действительно покорял и студентов, и коллег-преподавателей и вместе с тем постоянно требовал от них глубокой научной добросовестности, серьезного и систематического труда, совершенно не терпел поверхностности, верхоглядства.

Влюбленный в красоту и богатство родного языка, он умел передавать эту любовь учащейся молодежи, с отеческим вниманием помогая ей найти дорогу в науку. Он жил для молодежи, щедро отдавая ей свои знания. Научное наследие Н. Н. Прокоповича — не только своего рода университет лингвистических знаний, но и залог новых творческих поисков его продолжателей, его учеников.

Ю. П. СОЛОДУБ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

В. Н. Малков из Саратова спрашивает: «Различаются ли между собой слова *методика* и *методология*?».

Данные слова различаются значением.

Методика — 1. совокупность приемов целесообразного проведения какой-л. работы (*методика научного исследования*), 2. учение о методах преподавания какой-л. учебной дисциплины (*методика физики*).

Методология — учение о научном методе познания или о методах, применяемых в отдельных науках (*методология истории*).

РУССКИЙ ЯЗЫК
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛЬШЕ

Интерес к русскому языку, и шире — к России, русской культуре существовал в Польше практически всегда. Еще Ян Длугош, автор «Хроники славного королевства Польского», писал, о том, что невозможно понять и изложить историю Польши без учета связей этой страны с Россией и без знания русского языка. О распространении русского языка и русской письменности до XIX века говорит кроме прочего, например, и такой факт: в королевской библиотеке Сигизмунда Старого в древнем Вильнюсе третью часть составляли книги на русском и белорусском языках. А польские писатели, историки, как правило, знали русский язык и пользовались древнерусскими источниками. В частности, большую популярность в тогдашней Польше имели переводы таких произведений, как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», позднее — «Русская Правда», «История государства Российского» Карамзина и многие другие.

Первый польский учебник русского языка был написан Николаем Любовичем и напечатан еще в 1788 году. Это была «Граматыка Росыйска», которая в течение многих лет служила основным источником сведений о русском языке.

Раздел Польши в конце XVIII века и потеря национальной независимости осложнили взаимодействие польской и русской культур и языков. Тем не менее интерес к России, ее литературе, освободительным идеям и языку был значителен. Русский язык и русская литература преподавались в старом Вильнюсском университете с 1804 до 1831 года. Известно

также, что русский язык с 1817 года изучали студенты Ягеллонского университета. Позднее, с 1869 года, специализация по русской филологии была введена в Варшавском университете. Яркая страница в изучении русской литературы — знаменитый парижский цикл лекций Адама Мицкевича, в котором он одним из первых проследил нарастание освободительных идей в творчестве русских писателей.

Дальнейшее развитие польско-русских литературных и языковых взаимосвязей нельзя представить вне общих национальных и социальных освободительных идей обеих стран. Выдвинутый в первые десятилетия XIX века польскими патриотами лозунг «За нашу и вашу свободу» был обращен к передовым силам России и нашел отклик у прогрессивных деятелей русской культуры и русской революции. А. Герцен в статье «Русский народ и социализм» писал: «Поляки почувствовали, что борьба идет не между русским народом и ими, они поняли, что им впредь можно сражаться не иначе, как за Их и Нашу Свободу, как было написано на их революционном знамени». С другой стороны, под влиянием русской литературы и русской общественной мысли формировалось мировоззрение таких представителей польского освободительного движения, как Я. Домбровский, З. Сераковский, К. Калиновский, В. Врублевский. Справедливо указывает историк русской литературы М. Якубец: «Читая Герцена, Чернышевского, Добролюбова, они приходили к убеждению, что одним из главных условий победы польского национально-освободительного движения является союз с русской революционной демократией».

Во второй половине XIX — начале XX века вклад польских ученых в изучение русского языка, фольклора, этнографии, литературы был уже весьма значителен. Об этом свидетельствуют труды таких известных ученых, как Я. Бодуэн де Куртенэ, А. Брюкнер, М. Здоховский и многих других. В межвоенные десятилетия антисоветская политика буржуазного польского правительства препятствовала польско-советским контактам. Тем не менее с конца двадцатых годов было переведено более сорока советских романов, в том числе книги Горького, Шолохова, Леонова, Федина, Фурманова, Gladкова. Большое впечатление произвела на польских читателей поэзия С. Есенина и В. Маяковского.

Однако, как ни красноречивы факты интереса поляков к русскому языку и русской культуре в прошлом, до осени 1944 года, то есть до рождения новой народной Польши, систематического изучения русского языка здесь не было. Только

после победы над фашизмом русский язык становится общедоступным, он вводится как учебный предмет в школы и высшие учебные заведения, а в польской науке оформляется в виде самостоятельного направления русская филология.

В истории послевоенной польской русистики хочется выделить дискуссию о задачах преподавания русского языка в Польше, проведенную в 1973—1974 годах на страницах теоретического и политического журнала ПОРП «Нова дроги». В ходе дискуссии, открытой проблемной статьей профессора Б. Бялокозовича, были обсуждены важнейшие вопросы: направление научных исследований в области русского языка, советской литературы и методики преподавания русского языка в школах, техникумах и вузах; подготовка учительских кадров; литературная критика, издательская деятельность в области русистики, а также сотрудничество с советскими и другими зарубежными центрами, в первую очередь с МАПРЯЛ. Эта дискуссия ускорила развитие польской русистики и привела к заметным успехам.

В настоящее время русский язык изучается во всех типах школ: в восьмилетней школе, начиная с пятого класса, общеобразовательных лицеях в I—IV классах, профессиональных школах и техникумах. Большим успехом пользуются лицеи с расширенной программой по русскому языку (большая часть дисциплин здесь преподается на русском языке). Русский язык преподается также на всех факультетах в высших учебных заведениях наряду с другими иностранными языками. Многие тысячи польских граждан изучают русский язык в кружках и на курсах. Широкой популярностью пользуются курсы русского языка по радио и телевидению. В целом — по подсчетам польских специалистов — в Польше изучают русский язык около семи миллионов человек. В различных сферах образования работают свыше 30 тысяч преподавателей русского языка и литературы. Они объединены в Польское общество русистов, входящее в состав Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Интерес поляков к русскому языку — следствие великого исторического поворота, осуществленного польским народом после освобождения. Чувство дружбы к советскому народу, интересы политического, экономического, научного и культурного сотрудничества, социалистической кооперации — все это объясняет глубокий интерес к русскому языку в ПНР. В этой связи знаменателен вывод, сделанный Б. Бялокозовичем, Ю. Борсукевичем и С. Кравцевичем в докладе, прочитанном на IV-ом Международном Конгрессе МАПРЯЛ: «Тридцатипятилет-

няя, историческая уже, перспектива позволяет увидеть, насколько исторически верным и значительным было одно из первых решений молодой народной власти в Польше, чтобы в числе предметов, которым будут обучаться новые поколения поляков, оказался и русский язык. Это решение, являющееся следствием новой политики, направленной на укрепление политики взаимного уважения, дружбы и сотрудничества с советским государством и народом, открыло огромные возможности для научных исследований в области русской филологии».

Если в 1939 году в Польше была только одна кафедра русской филологии, то в настоящее время действуют девятнадцать вузовских центров русистики, а количество студентов только дневного отделения превышает 5000 человек.

Польская русистика — это чрезвычайно разветвленная, имеющая значительные достижения отрасль филологической науки; ее библиография за послевоенный период составила три объемных тома: языковедческий, литературоведческий и том, посвященный методике и дидактике. Проблемы русского языка и литературы и их преподавание освещаются в трех специализированных центральных журналах «Славия ориенталис», «Шпеглэнд русыцыстычны», «Ензык росыйски», а также в периодически выходящих научных сборниках институтов русской филологии, университетов и высших педагогических школ, тематических сборниках, методических пособиях и т. д.

Среди наиболее фундаментальных изданий в первую очередь следует назвать: «Большой русско-польский словарь» под редакцией А. Мировича; «Большой польско-русский словарь» Д. Гессена и Р. Стыпулы; «Русская литература» в 2-х томах под редакцией М. Якубца, охватывающая историю литературы с древних времен до 1917 года, «История польско-русских литературных связей» Б. Бялокозовича. Большой вклад в изучение русского языка, русской литературы и методики внесли Б. Бялокозович, Т. Позняк, А. Бартошевич, Ю. Борсукевич, М. Олехнович, О. Спиридович, З. Харчук, С. Чохара, Л. Гроховский, А. Мирович, В. Витковский, Э. Кухарская, М. Якубец, А. Семчук, Ф. Селицкий, А. Кмита и ряд других ученых.

Свидетельством больших достижений польских ученых и методистов является проведение в ПНР ряда международных конгрессов и симпозиумов, таких, например, как VII Международный съезд славистов в 1973 году, III Международный Конгресс МАПРЯЛ в 1976 году, Международный симпозиум МАПРЯЛ в Люблине — «Проблемы подготовки и повышения квалифика-

ции преподавателей русского языка и литературы» (1978), симпозиум МАПРЯЛ «Внеклассные и внеаудиторные формы обучения русскому языку и литературе» в Белостоке (1980), Международный симпозиум, посвященный 70-летию М. А. Шолохова (Варшава, 1975), Международная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Л. М. Леонова (Варшава, 1980) и многие другие.

Большим достижением явилась разработка системы повышения квалификации польских учителей-русистов, имеющих высшее образование, и тех, кто после окончания двухгодичной учительской школы должен был получить полное высшее образование. Если в 1973-1974 учебном году высшее законченное образование имели 2200 человек, то в 1979-1980 учебном году около 14 000 учителей русского языка получили дипломы о высшем образовании.

Можно согласиться с мнением руководителей народного образования ПНР и польских методистов о том, что потребность страны в преподавательских кадрах в количественном отношении в основном решена; на первый план теперь выдвинуты другие задачи: разработка учебников по русскому языку для новой системы десятилетнего образования; выработка более эффективных методических рекомендаций с тем, чтобы за шестилетний срок обучения в школе выпускник мог разговаривать на русском языке, владел основами русской орфографии, умел читать и переводить, владел с помощью словаря письменной речью, имел сведения о Советском Союзе, русской и советской литературе; внедрение в методику преподавания данных сопоставительной грамматики польского и русского языков, а также итогов исследований языковой интерференции, создание методики чтения и изучения русской литературы в польских школах; включение в учебный процесс материалов о русско-польских и советско-польских литературных и культурных взаимосвязях и ряд других.

Значительную роль в развитии польской русистики и подготовке польских специалистов сыграли и продолжают играть советские преподаватели, работающие по приглашению Министерства высшего образования в вузах ПНР, а также разнообразные формы сотрудничества и контакты между русистами ПНР и СССР.

Так, на годовые, шестимесячные, двухмесячные, шестинедельные и другие курсы польских учителей русского языка принимают такие учебные заведения, как Институт русского языка им. А. С. Пушкина в Москве, Московский государственный университет им. Ломоносова, Педагогический институт

им. А. И. Герцена в Ленинграде, Киевский и Орловский педагогические институты.

Кроме того, по просьбе Польского правительства в марте 1976 года в Варшаве был открыт филиал Института русского языка им. А. С. Пушкина, сотрудники которого участвуют в системе повышения квалификации польских учителей, проводят большую методическую работу среди польских учителей всех 49 воеводств страны, организуют совместно с польской стороной научные симпозиумы, конференции, семинары по русскому языку, литературе и методике преподавания, участвуют в создании совместных польско-советских научных и методических проектов. Так, планируется создание учебника русского языка для студентов нефилологических вузов, пособий по использованию технических средств обучения русскому языку в виде приложений к школьным учебникам, учебное пособие «Русско-польские и польско-советские литературные связи на уроках русской и польской литературы», школьный русско-польский сопоставительный словарь по литературоведению.

В ноябре 1980 года исполнилось 35 лет с начала преподавания русского языка в ПНР. Эта дата явилась стимулом в подведении итогов, разработке перспектив развития польской русистики на 80-е годы. Можно не сомневаться, что в предстоящее десятилетие изучение русского языка и литературы в Польше расширится и углубится.

П. И. ИВИНСКИЙ
Директор филиала
Института русского языка
им. А. С. Пушкина
в Варшаве

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

А. Л. Семенова из Вологды пишет: «Не раз встречала в печати выражение *вербальная нота*. Что означают слово *вербальный* и сочетание *вербальная нота*?».

Вербальный (лат. *verbalis*) — «устный, словесный». Выражение *вербальная нота* означает «письменное сообщение (нота), делаемое дипломатическим представителем в третьем лице без подписи и приравняваемое к устному заявлению».

В конце февраля 1682 года из библиотеки умершего царя Федора дядька царевича Петра Алексеевича Тихон Стрешнев отобрал и перенес в его хоромы несколько книг покойного брата. В их числе была рукопись под названием «О луне и всех планетах небесных» (в настоящее время единственный экземпляр ее хранится в Вильнюсе в Центральной библиотеке Академии наук Литовской ССР). Книга «О луне», или «Селенография», представляет собой перевод выдающегося научного сочинения XVII века. Оригинал был написан на языке поздней латыни замечательным польским астрономом Яном Гевелием и напечатан в Гданьске в 1647 году.

«Селенография» — первое переводное сочинение, которое познакомило русского читателя с теорией мироздания Коперника — Галилея, поданной автором книги сочувственно: «Коперник — житель наш, муж, великия хвалы достойный, единственный божим призрением урожденный».

Теория Коперника поставила центром мира Солнце, а не Землю, отвергла понятие неподвижности и конечности Вселенной и тем самым пошла вразрез с церковными догмами.

Отсюда русские люди впервые узнали о «состроении зреницы» (обсерватории), о таких важнейших оптических инструментах, как телескоп, микроскоп, камера-обскура, подзорные трубы. Именно

эти страницы в рукописи самые «зачитанные», потемневшие от прикосновения множества рук. Да и как было не «зачитать» эти листы, где так живо описывается удивительное действие микроскопа: «...сия меньшайшая телесца и зверята, которых едва мощно есть острейшим зрением увидети, величие вельблюдов, такожде слонов быти изъявляет, так яко с великим удивлением и потешною радостью все вещи болшими творит» (Не эти ли страницы, привлекая внимание царевича Петра Алексеевича, определили в дальнейшем интерес русского царя Петра I к оптике?).

Впервые русский человек так близко знакомится с нашим спутником — Луной, ее поверхностью, с названиями рельефа Луны, которые даны Гевелием: «Признаюся, яко аз дело трудное на себя приял... нарицати неложными именами тако zelo от нас удаленных телес небесных».

Здесь рассматриваются и общие, философские вопросы мироздания, которых «...допряма еще никто не научился»: «...есть ли мир кончаемый или бесконечный, есть ли небо повреждающееся или неповреждающееся, простое или сложенное, суть ли твердь или небо звездное?». Новаторское содержание книги лучше всего определяют слова самого автора, обращенные к читателю: «Истиннейшие вещи, хотя и не слышанные, от мене восприимешь».

Первый вопрос, который возникает при изучении рукописи: кто перевел «Селенографию». Книга прямого ответа не дает. Из предисловия следует, что этот объемный труд (408 листов скорописи) выполнен одним человеком: «Ныне достойное мира сего трудоделе, чрез мою недостойную худость протолкованное, добронравный читателю, ...любезно прими». Своего имени автор строк не называет, не указывает и точной даты перевода. Ясно, только, что сделан он «по пресветлому повелению монаршескому», но кто этот монарх, «радатель сего дела», не сказано.

Надо полагать, что работу над такой сложной книгой поручили авторитетному и знающему человеку. Перевод выполнен высоким книжным слогом: используются причастные обороты, сложные слова (причем пишутся они с просветом) типа «звездо начальник», «равно весие», «перво движный», «корабле плавствуем»; употребляются по книжной традиции старые формы существительных и глагольных времен. Как видим, переводчик отлично знает церковнославянский язык. Кроме латыни, с которой сделан перевод, он употребляет и греческие слова: *кентр* (ср. принятое в Европе латинское чтение *центр*), *алавастровый* (то есть *алебастровый*; в греческом языке звука *б* нет).

Такой высокой и разносторонней образованностью отличались книжники Юго-Западной Руси, которые с середины XVII века приглашались в Москву, где вели разнообразную культурную дел-

тельность. Таковы, например, выдающиеся филологи того времени Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий.

И действительно в языке «Селенографии» мы отмечаем польские и украинские слова (хотя и в весьма скромном количестве). Вот некоторые из «полонизмов» (так принято называть юго-западные черты в русских текстах), отраженные в «Селенографии»: «стекло *нечиновно* есть сочиненно» (то есть плохо сделано), «*вседушно* молю» (прошу всей душой), «*недовидимые* звезды» (то есть плохо видимые), «подобием *высп* в океане» (*выспа* — остров), «*омыльное* зрение» (то есть ошибочное), «*пебу, хмурами* не покрыту» (то есть тучами); польско-украинский союз *жебы*; наречия *по-италианску, по-турску, по-гишпанску; питагорчики, галилейчики* (то есть последователи Пифагора, Галилея); частое употребление слов с корнем *знатн-* (верхи знатно показуются, знатные горы).

Изучая труды историков о последнем тридцатилетии XVII века, особенно о Посольском приказе — центре переводческой деятельности России, обнаруживаем интересную запись: «В прошлом, во 187 (=1679) году по указу Федора Алексеевича... дано его, великого государя, жалования Государственного Посольского приказу полского и латинского языка переводчику Степану Чижинскому за перевод латинской книги о Лупе в приказ: сукно, лундыш, камки, кармазин, денег 10 рублей» (Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа. — Книга. Исследования и материалы. М., 1963, с. 213—214).

Вот оно имя нашего переводчика — Стефан (в русских документах — Степан) Чижинский. Из «автобиографии» (челобитной Стефана Чижинского) узнаем, что он — поляк, уроженец города Львова (отсюда и украинско-польские черты в рукописи), выпускник Киево-Могилянской Академии. Некоторое время находился на военной службе, но во время одной неудачной операции, спасаясь от плена, «ушел в болото и пришел в монастырь Братской», где «учил студентов по латыне», затем в Смоленске «жил два года и учил шляхецких детей по латыне ж». В Москве появляется в 1675 году, и ему поручают руководство русским драматическим театром. Он успевает за год подготовить две комедии («О Давыде в Голиафом» и «Венус и Бахус»). Чижинский сам написал тексты комедий и играл некоторые роли. Неожиданная смерть царя Алексея Михайловича меняет судьбу Чижинского. При Федоре Алексеевиче «комедии минули», а театральные реквизиты просушили и убрали. Стефан Чижинский становится переводчиком Посольского приказа, где работает долго, не менее двух десятилетий. По документу об окладах переводчиков за 1695 год он стоит на третьем месте после Николая Спафария и Семена Лаврецкого. Имеются

сведения, что «переводчик Стефан Чижинский творил» стихи. Вот то немногое, что пока известно об этом незаурядном человеке.

Богатый, сложный язык «Селенографии» вызывает ощущение, что к нему «приложил руку» и русский человек, скорее всего, северянин. Только на русской языковой территории встречается безударное окончание *-ой* в полных прилагательных: *мédной крут*, сравним противоречивые формы в одном контексте: «воздух *хотя* был бы *рétкой*, *хотя гúстый*». Диалектам именно русского языка свойственны встречающиеся в тексте рукописи формы *оманутися* (без *б*), *вчерась*, *первьый*. Кому же принадлежат «русизмы»? Конечно же, каллиграфу, переписчику. Ведь в создании книги обычно принимали участие переводчики, переписчики, иллюстраторы, переплетчики, золотых и серебряных дел мастера. Например, одну из царских книг — «Титулярник» — «строило» 12 человек. Попробуем определить, кто же был переписчиком нашей «Селенографии». Почерк — редкой красоты, страницы почти без помарок и описок, изложение очень грамотное. Просматривая и сравнивая почерки разных писцов, обнаруживаем, что первая русская комедия «Артаксерксово действо», переписанная для царя, выполнена несколькими писцами, почерк одного из них, вне всякого сомнения, тот самый, что и в «Селенографии». Начертания букв, их связей, росчерков, орфография идентичны нашему тексту. Это рука одного из лучших книгописцев Посольского приказа старца Маркелла. Чернец, богомолец Маркелл писал также «Хрисмологион», большую часть «Титулярника», «Сказание о семи свободных мудростях» Спафария и ряд других известных книг, писал не только скорописью, но и полууставом.

С чего же переписывал набело старец Маркелл текст книги «О Луне»? Где черновик? Пока на эти вопросы ответить трудно. Черновик перевода не найден, и нет возможности сравнить его с беловым письмом, чтобы выяснить, только ли автоматически действовал переписчик Маркелл или корректировал текст (стихийно или сознательно), внося тем самым свой вклад в шлифовку норм русского литературного языка.

Как видим, архивные документы сохранили для нас имена многих «строителей» рукописных книг, имена, которые должны занять в истории русской культуры по праву принадлежащее им место.

«Селенография» — одна из первых монографий по точным наукам, появившаяся в России. Она отражает начальный этап формирования специфических черт научного стиля, для которого характерны сложные предложения. Но в самом начале своего развития научный синтаксис особенно сложен. Эту усложненность, идущую от латинского оригинала, мы видим в русском переводе «Селено-

графии». Надо заметить, что точка как знак пунктуации для обозначения конца предложения в «Селенографии» используется значительно реже запятой или точки с запятой (современные правила пунктуации активно формировались в последующем, XVIII веке), поэтому читателю трудно найти в книге конец предложения. Кажется, что целые куски текста, величиной более чем со страницу,— это огромное предложение с развертыванием причинно-следственных связей, с выяснением обстоятельств и условий действия.

И тем не менее, «Селенография» читается с интересом; читатель постоянно ощущает присутствие автора, который заботится о нем, старается донести до него свою мысль, часто используя прямые обращения: «Ты, читательниче, молю, предложенное сие изображение рассмотри». Кого, например, оставят равнодушным слова: «Буди здрав, прилежный читателю, ...и буди светозарным сердцем ко мне».

Автор не боится назвать свое «я» (формы *аз, яз, я*), и это создает атмосферу живого общения читателя с автором. «Первый аз бо есмь, который се дело толковати начинаю»,— доверчиво сообщает нам создатель книги. Современный автор постарался бы выразиться обезличенно, например: «данная мысль высказывается впервые».

Написана книга астрономом: «Мнит ми ся (-мне кажется), что звездо словие между иными учении есть честное». Называя астрономию «королевой всех уметельств», он требователен к тем, кто занимается этой наукой. В книге целый раздел посвящен тому, «каков быти должен есть изображений лунных блюститель». По мнению автора, «сей должен есть много терпети, ...блюсти и зябнути» и тогда о нем поэт будет воспевать «неусумнительными словесы». Астрономией может заниматься только тот, кто «рассуждения прекрепкого и памяти прилежной, но особенно терпения и ума, распаляющегося любовью блюдений». Именно такую любовь и бескорыстие проявляет сам автор: «Мне не тако есть сон сладокъ, яко... изобретение». Наблюдая Юпитер (Евиш), исследователь сначала тоскует о том, что его «не мочно было довидетись», а затем не скрывает радости, что «вожделенной Евиш выскочил из стени лунной». Не розами усыпан путь ученого: «Иногда ж долго в ночь трудитись подобаеть, что всякому блюстителю, хотя и трудолюбиву, тяжестно будеть».

В споре со своими научными оппонентами автор использует риторические приемы, например: «малоумным наследникам Аристотеля», которые «против светлостной правды застановляются спесивою аристотелевою гордостью» и не хотят видеть правоты Коперника, он напоминает латинское изречение «*Amicus est Plato, Amicus est Socrates, sed magis amica veritas*», которое впервые

пришло к русскому читателю через перевод «Селенографии» в такой форме: «Приятель ми есть Платон, приятель ми есть Сократес, но лучши ими приятель есть правда».

Использование в научном изложении эпитетов, сравнений, фразеологии, риторики — явление, характерное для произведений XVII века. Сравним образное описание мира: «Телеса небесная на поветрии небесном тако движутся, яко птенцы на воздухе, рыбы на водах и яко некое ядро, ис пиццали выстреленное».

Итак, для времени становления самой науки и ее языка характерна нерасчлененность научного и художественного мышления. Автор стремится воздействовать не только на ум, но и на чувства своих читателей, выступая и как ученый, и как наставник, и популяризатор своего учения.

Современная система астрономической терминологии начала оформляться в XVII веке, после открытий Коперника и Галилея. И в России один из первых шагов в ее создании сделал Стефан Чижинский. Поражает то, насколько грамотно и точно сумел передать он совершенно новый для русского языка и русского ума научный материал.

Переводчик не сразу находит нужную форму выражения иноязычного термина, он экспериментирует: в одном случае дает *микроскопия, гелиоскопия, кентранный, геометричный, новоземлие и полноземлие, лунное, звездослов, зенефт, брежение* (то есть наблюдение); в другом — *микроскопиум, гелиоскопиум, кентралный, геометриный, новомесячие и полномесячие, звездословец, зениф, блюдение*; в третьем — *геометрицкий, новолуние и полнолуние, зенит, соблюдение*.

В переводе отразилась характерная для XVII—XVIII веков черта русской терминологии — ее дублетность. Это такие термины-двойники, как *четверть — квадратура, Евеш — Юпитер, брежение — блюдение, верх — повершие, звездослов — звездолубитель — астрофил — звездозаконник — звездоначальник — желатель звездослова — звездочет — звездочетец — звездоблюститель — блюститель — взиратель*.

Из обилия терминов «Селенографии» особенно увлекательна судьба слов, обозначающих понятие «естественный спутник». Само слово *спутник* укрепилось в русском языке в этом значении лишь во II-й половине XIX века, а до этого за право быть первым боролось множество других слов: *сателлит, драбант, месяц* и другие. Наш памятник позволяет включить в этот ряд еще два не известных современной науке термина: *месячки, товарищи*.

Месячки — термин, созданный самим Стефаном Чижинским, уменьшительное от *месяц*. Месячки — это «маленькие Луны, тела, подобные Луне», от лат. *Lunulae* с тем же лексическим и словооб-

разовательным значением: «Иовешь четыре сипцевые месячки без всякого медления на воздушном дыхании на небеси с собою обрати может».

Употребление слова *товарищ* в значении «спутник» объясняется влиянием устаревшего ныне русского значения этого слова «участник, сотоварищ; компаньон». Сравним употребление слова *товарищ* в романе А. Н. Толстого «Петр I» при описании двух дворцовых партий: «С утра, не пивши, не евши, прели в шубах — Нарышкины с товарищи, Милославские с товарищи». Могло сказаться и влияние родного для переводчика языка — польского, где существительное *towarzysz* (товарищ) имеет значение «спутник, попутчик» и где есть глагол *towarzyszyć* (несов. вид), имеющий значение «сопровождать кого-либо, что-либо», «сопутствовать кому-либо, чему-либо». В данном случае мы сталкиваемся с приемом олицетворения, когда название явления, наблюдающегося в человеческих отношениях, переносится по сходству на астрономическое явление.

Верным представляется суждение С. Л. Соболя, советского астронома, первого исследователя перевода «Селенографии»: «Появление на русском языке во второй половине XVII века перевода «Селенографии» Гевелия представляет собой факт исключительно значимый для истории развития научной мысли в России» (Труды института истории естествознания. Т. 3. М., 1949).

Мы приоткрыли одну из малоизученных страниц нашей древней культуры. А сколько еще неизвестных источников лежит в рукописных хранилищах нашей страны!

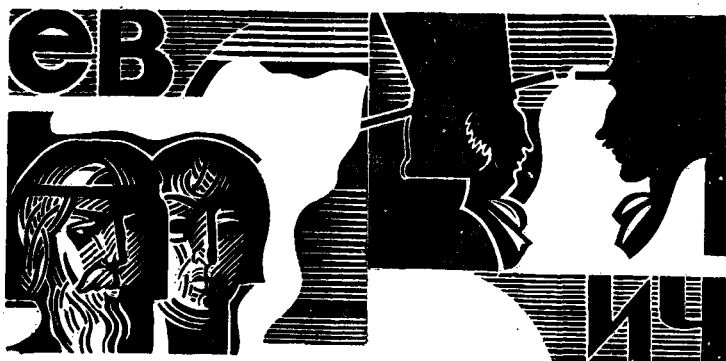
Н. П. САБЛИНА,
М. И. САХАРОВСКАЯ
Южно-Сахалинск
Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В одной из газет прочитал, что в Алма-Ате проходил конкурс акынов. Я знаю, что *акын* — это певец. Но, видимо, он чем-то отличается от обычного певца?»

И. М. Смирнов, г. Владимир.

Акынами у казахов, киргизов и некоторых других народов называются певцы-поэты, певцы-импровизаторы, под аккомпанемент домбры слагающие песни.

«НАШИ ВИЧИ ЕДЯТ ОДНИ КАЛАЧИ»

Современное русское наименование человека по имени, отчеству и фамилии прочно вошло в нашу жизнь. Другие формы наименований, встречающиеся в художественной литературе и официальных документах недавнего прошлого, вызывают не только наше удивление, но и трудности в терминологическом определении. В качестве примера приведем диалог из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»:

«...позвольте узнать ваше имя и отчество?»

— Евгений Васильев,— отвечал Базаров лепивым, по мужественным голосом и, отвернув воротник балахона, показал Николаю Петровичу все свое лицо...

— Надеюсь, любезнейший Евгений Васильевич, что вы не соскучитесь у нас,— продолжал Николай Петрович».

Отчество Базарова в его собственных устах звучит неожиданно для современного читателя и воспринимается как фамилия.

Как объяснить, что в русском языке наряду с отчествами на *-ович*, *-евич* существовали отчества на *-ов*, *-ев*?

В древней Руси могли обращаться по отчеству на *-ич* ко всем без исключения: князьям и монахам, воеводам и конюхам. Наименование на *-ич* обозначало родных братьев по отцу и даже переходило по наследству, выполняя функцию, близкую к нашим фамилиям. Многие княжеские и боярские роды тогда именовались на *-ич*: *Ольговичи*, *Ярославичи*, *Кучковичи*. Названия на *-ич*, как *Петелич*, *Коленич* в памятниках юго-западного происхождения самостоятельно употребляются с XIV века. Н. М. Тупиков в «Сло-

варе древнерусских личных собственных имен» (М., 1903, с. 26) считает их фамилиями. Современные исследователи признают фамилии на *-ич* древнейшими в украинском и белорусском языках. По подсчетам Ю. К. Редько (Современные украинские фамилии, Киев, 1969, с. 16), фамилии па *-ич*, *-ичич*, *-ович*, *-евич* в украинском языке составляют 8,25%, а в белорусском языке, по данным Н. В. Бирилло (см.: Белорусская антропонимия. Минск, 1969, с. 33), их еще больше — 10,6% всех фамилий.

Отчества на *-ич* в Московской Руси не образовали подобных себе фамилий. Здесь, в отличие от юго-запада страны, в языковое развитие вмешалась воля великих князей и царей. Московские государи, искоренявшие любые проявления удельной самостоятельности, не могли согласиться на именование всех своих подданных отчеством, выражавшим уважение к собеседнику, адресату. В сословном обществе беспрекословным авторитетом мог пользоваться только царь «всея Руси», а остальные его заслуживали по достижении определенного социального положения. Отчество стихийно делилось как бы на несколько разрядов, холопы лишались его вовсе. Знатные люди стали называться «полуотчеством» на *-ов*, *-ев*: *Иван Петров Федоров*. Отчество с конечным суффиксом *-ич* быстро противопоставляется другим именованиям по отцу как знак принадлежности его носителя к аристократической верхушке, и конечная часть отчества начинает существовать самостоятельно в качестве своеобразного слова «вич». «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (вып. 2. М., 1975, с. 195) справедливо выделяет *-вич* в самостоятельную словарную статью, но при этом называет его «суффиксом отчества мужских имен для привилегированных лиц или сословий». Как известно, русские отчества чаще всего образуются при помощи суффиксов *-ович*, *-евич* и никогда при помощи *-ич*. Выделившись из отчества и употребляясь самостоятельно, *-вич* перестал быть суффиксом и превратился в термин привилегированности, родовитости лиц или сословий: «Отписать в Посольский приказ, на Ливнах хто стрѣлетцкой или казачей голова. Любим Осипов сын Омешов. Не с вичом ли к нему пишут? Писать без вича... 1658 г.» (Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 2. М., 1975).

В «Тысячной книге 1550 г.» (М.—Л., 1950), содержащей списки тысячи «лутчих слуг» московского царя, получивших поместья под Москвой, с *-вичем* именуется только «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии» и небольшая группа лиц, принадлежащих к сословной верхушке, бояре княжеского и не княжеского происхождения: князь *Иван Иванович Пронский*, *Иван Семенович Воронцов*; окольничий *Федор Михайлович Нагой*; оружничей *Лев Андреевич Салтыков*; казначей *Фома Петрович Головин*.

Все остальные тысячники, даже княжеского происхождения, именуются только полуотчеством на *-ов*, *-ев*: князь *Василей княж Федоров сын Лопатин*, Иван Федоров сын *Воронцов*.

Русский писатель, переводчик и издатель Федор Поликарпович Орлов, «ревностный слуга и помощник Петра Великого по части водворения в России просвещения», остался в истории как Федор Поликарпов-Орлов. Принадлежность русского просветителя к сословию служилых людей могла быть причиной того, что «за Федором Поликарповым не удержалась его фамилия Орлов, а в фамилию его обратилось отчество» (Браиловский С. Н. Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор московской типографии.— Журнал Министерства народного просвещения, 1894, № 9, с. 6).

Употребление разных форм отчества в России законодательно закрепляется в «чиновной росписи» Екатерины II, где согласно петровской табели о рангах, подразделявшей все должности в государстве на четырнадцать рангов (классов), указывалось писать с отчеством на *-вич* особ первых пяти классов, лиц с шестого класса до восьмого включительно — полуотчеством, а всех остальных только по именам. Высшим гражданским чином был канцлер, затем действительный тайный советник и т. д., низшим — коллежский регистратор. Чиновники девятого-четырнадцатого классов, стоявшие в самом низу бюрократической иерархической лестницы, были лишены вместе с отчеством и самых простых общественных прав. «Сущего мученика четырнадцатого класса, огражденного своим чином токмо от побоев, да и то не всегда» с искренним сочувствием нарисовал А. С. Пушкин в повести «Станционный смотритель» в лице коллежского регистратора Самсона Вырина.

Отделение *-вича* от имени в официальных бумагах привело к пониманию его как титула (ср.: нем. *von*, фр. *de*, голл. *van* и т. п.). Если это титул, то им можно и награждать. Так и поступали русские цари. Иван Грозный пожаловал *-вичем* немца опричника Генриха Штадена, сына Вальтера; он стал называться Андреем Володимировичем. Интересно об этом пишет сам Штаден: «Частица „вич“ означает благородный титул (*ist furstlich und adelich*). С этих пор я был уравнен с князьями и боярами. Иначе говоря, этими словами великий князь дал мне понять, что это — рыцарство» (Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925, с. 145).

Царь Василий Шуйский в 1610 году «повелел Андрея, Никиту, Петра и Максима Строгановых за их прямую службу (против самозванца — В. Г.), в своих царских грамотах писать с *вичем*» (Устрялов Н. Г. Именитые люди Строгановы. СПб., 1842, с. 23).

К сожалению, Н. Г. Устрялову не удалось найти тот документ, где русские государи впервые пожаловали Строгановым титул именитых людей и право писаться с *-вичем*. Н. М. Карамзин, ссылаясь на сведения позднейшей Степенной книги, относит это событие ко времени Ивана Грозного (История Государства Российского. Т. IX. СПб., 1821, с. 356). Блестящую литературную обработку предположение Н. М. Карамзина получило в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный»:

«Строгоновы низко поклонились.

— Кто из вас,— спросил вдруг Иоанн,— излечил Бориса в ту пору, как я его осном поранил?

— То был мой старший брат, Григорий Аникин,— отвечал Семен Строгонов.— Он волею божьею прошлого года умре!

— Не Аникин, а Аникьевич,— сказал царь с ударением на последнем слого,— я тогда же велел ему быть выше гостя и полным отчеством называться. И вам всем указываю писаться с *вичем* и зваться не гостями, а именитыми людьми!».

Царский указ 1685 года переносит написание с *-вичем* и на жен дворян: «Будет кто напишет думного дворянина жену без *-вича*, и им на тех людех Великие Государи и сестра их Великая Государыня, благородная царевна указали за то править бесчестие» (Полное собрание законов. Собр. I. Т. 2. СПб., 1830, с. 632). В этом указе особенно заметно, как суффиксы мужских отчеств, употребляясь как термин привилегированности, выработали единую «среднюю» форму *-вич*, поэтому стало возможным говорить о написании с *-вичем* и женских отчеств.

Московские канцелярии удержали оформление отчеств по социальному положению их носителей вплоть до XIX века, что нашло отражение в именовании многих литературных героев XVIII—XIX веков. В качестве примера приведем отрывок из романа «Российский Жилбаз...» русского писателя В. Т. Нарезного (1780—1825): «Плешивый старик, который теперь сидит у вас на козлах, не всегда был только что Никита. Было время, когда большие и малые, богатые и полубогатые величали его Никитою Перфильевичем и, скидывая бобровые шапки, низенько кланялись. Я был не последним купцом в городке...» (Избранные сочинения. Т. I. М., 1956, с. 405). Не зная тонкостей наименований лиц, трудно понять глубину падения героя, которого когда-то именовали Никитою Перфильевичем, затем, видимо, Никитою Перфильевым и, наконец, он совсем утратил свое отчество,

В XIX веке форма отчества на *-ов*, *-ев*, была уместна только в канцелярской речи. Тургеневский Базаров, представляясь дворянину Кирсанову как Евгений Васильев, демонстративно подчеркивает свое демократическое происхождение. По нарочито предупредительному обращению Николая Петровича «любезнейший Евгений Васильевич» читатель видит, что Кирсанов хорошо понял своего собеседника.

Связь между именем лица и его положением в обществе народ сохранил до нас в ряде остроумных изречений. Историческими близнецами пословицы «Наши вичи едят одни калачи» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955) являются такие изречения: «Без вотчины, так без отчества», «Богатого по отчеству, убогого по прозвищу» и др. (Даль В. И. Пословицы русского народа, М., 1957).

Московские приказы XVII века, а потом канцелярии строго следили не только за тем, чтобы каждый житель страны писался согласно «чиновной росписи», но и за тем, чтобы в русскую официальную переписку не проникали сословно ничем не ограниченные украинские и белорусские фамилии на *-ич*. После воссоединения Украины с Россией в 1654 году в Москве начинается обширное «исправление» не соответствующих законам наименований «малоросцев» с *-ич*, *-инич*, *-ович*, *-евич* на более скромные *-ов*, *-ев*. При этом в приказах не обращали никакого внимания на то, что в юго-западных двуименных собственных названиях наименования на *-ич* часто были не отчеством, а фамилией. Так, посланник Богдана Хмельницкого полковник Семен Савич именуется в Москве Семеном Савиновым, войсковой судья Самуил Богданович называется Самойлом Богдановым и т. п. (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 3. СПб., 1861, с. 479, 484).

На этом приключения суффикса *-ич* в наименованиях лиц не заканчиваются. В статье В. Г. Демьянова «Имена и фамилии иностранцев в русском языке XVII века» (Русская речь, 1978, № 3, с. 130) уже писалось о том, что польские родовые прозвания на *-ович*, *-евич* в Москве также переделывались на *-ов*, *-ев*, как *Ходкевич* — *Ходкеев*. В польских фамилиях суффикс *-ич* так продуктивен, что иногда ошибочно говорят о его польском происхождении. В конце XV — начале XVI века значительная часть украинского и белорусского дворянства колонизировалась и, благодаря общности государственно-правового уклада, довольно тесно слилась с польской шляхтой. Ввиду близкого родства языков, социальная верхушка в польском государстве охотно говорила «по-русски». Под русским языком поляки подразумевали язык украинцев и белорусов, объединяемых с русскими по православной религии. В то же время начинают проникать в польский язык и белорусско-ук-

раинские фамилии на *-icz, -owicz* (например, *Chodkiewicz, Stankowicz* и др.), в результате чего старая польская форма суффикса отчества *-ic* со временем совершенно вытесняется восточнославянским *-icz* (ср. старые формы фамилий *Szymonowic, Klonowic*. — Лер-Сплавинский. Т. Польский язык. М., 1954, с. 199—200).

Интересно, что западнославянский суффикс *-ic*, вытесненный в польских фамилиях восточнославянским *-icz*, сохранился в немецком языке, куда он проник от онемеченных западных славян. Славянский суффикс *-ic* у немцев оказался очень продуктивным и стал образовывать фамилии и от немецких основ: *Wolteritz, Eitelwitz*. Любопытно, что так же образована фамилия героя популярного телефильма «Семнадцать мгновений весны», поставленного по повести Ю. Семенова, — *Штирлиц*.

Если в Московской Руси привилегированным положением пользовался *-вич*, то в землях, подчиненных польской короне, на эту роль претендовал суффикс *-ск-ий/-цк-ий/*. Общеславянский по происхождению и распространению, он был особенно популярен в украинской казацкой верхушке, например полковники войска Запорожского — Иван Обидовский, Дмитрий Чернявский, Данило Песоцкий и т. д. Некоторые из украинцев сознательно меняли свои фамилии на *-ский*, например: сыновья Павла Огненко, Карп и Григорий, после учебы в Киеве стали писаться Огневскими (Лазаревский А. Описание старой Малороссии. Т. 2. Киев, 1893, с. 369). Интересно, что прадед нашего знаменитого композитора Петра Ильича Чайковского, Федор по прозвищу Чайка, также происходил от украинских казаков. Его сын Петр, дед композитора, учась в Киевской академии, стал писаться Чайковским (Федосюк Ю. А. Прославленные фамилии. — Наука и жизнь, 1979, № 9, с. 123).

Польские короли также воспользовались популярностью суффикса для награждения. В королевском указе за июнь 1659 года (см. указ. соч. А. Лазаревского, с. 6) читаем: «уважаючи дела рыцерские Василя Золотаренка, рицера з войска Запорожского... до шляхетства польского приймаем и уже от сего часу Злотаревским зватися будет...». Так полковник Нежинского полка Василий Золотаренко стал шляхтичем.

Как видим, суффиксы славянских отчеств и фамилий чутко реагировали на изменение социального положения человека. Наиболее «благородные» суффиксы *-вич* и *-ский* превратились в символы привилегированности, родовитости лиц, которыми русские и польские государи жаловали своих подданных.

Г. К. ВАЛЕЕВ

Рисунок В. Толстоногова

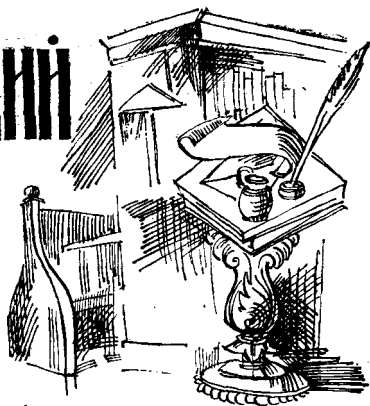

СТИЛИСТИКА МАКСИМА

Творчество выдающегося писателя XVI века Максима Грека, тематически столь разнообразное (см. об этом: Русская речь, 1979, № 3), невозможно отнести к какой-то одной стилистической школе. Манера писателя менялась в зависимости от того, что являлось предметом речи: толкование священного писания, восхваление кого-либо или обличение, обращение с письмом к другу или послание к высокопоставленному лицу, бытовой рассказ или лирическое излияние и т. д. Эта соотнесенность формы произведений Максима Грека с их содержанием отражала общую черту средневековой литературы — ее этикетность.

Этикетность вообще была присуща феодализму. «Взаимоотношения людей между собой и их отношение к богу подчинялись этикету, традиции, обычаю, церемониалу, до такой степени развитым и деспотичным, что они пронизывали собой и в известной мере овладевали мировоззрением и мышлением человека» (Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979). Из общественной жизни склонность к этикету проникает в искусство и литературу. В средневековой живописи это проявлялось в том, что святые должны были изображаться в строго определенных положениях со всеми присущими им атрибутами. Этикет можно обнаружить в архитектуре и прикладном искусстве средневековья. В области книжного языка этикетность выражалась в необходимости соблюдения языковых норм. В литературе — в условно-нормативной связи содержания с формой. Именно этим можно объяснить зависимость стиля произведения определенного жанра от предмета изображения. Так, например, при описании сражений в летописи употреблялись воинские стилистические формулы; если речь шла о святом — житийные, когда сообщалось о смерти — некрологические. Философствуя и размышляя о высоком, средневековый писатель прибегал

ПРОИЗВЕДЕНИИ

к церковнославянизмам, в рассуждениях о житейском, обыденном использовал разговорно-бытовой язык.

Строгому соблюдению единства содержания и формы учила и риторика, которую Максим Грек в числе других наук прилежно изучал в Италии. «Стиль,— говорил один из самых древних и великих учителей риторики Аристотель,— не должен быть ни слишком низок, ни слишком высок, но должен соответствовать предмету речи» (Риторика, кн. III. О стиле. 335 г. до н.э.). Искусство панегирического стиля, или стиля «плетение словес», Максим Грек применял, когда прославлял святых, царя, митрополита, сообщал о чем-то непостижимо высоком, священном. Одним из наиболее важных элементов создания торжественного колорита являлись сложные слова, выступавшие обычно в роли эпитетов. Они широко использовались Максимом Греком. Так, в текстах панегирического содержания он иногда употреблял до семи сложных слов в одном предложении, например:

«...Беспрестани праздники духовныа совершаа тебе пении красногласными боголепных священников и шумом доброгласных, светлошумных колокол и различными миры благоуханными..., и твоя честная и пречистыя ти матере иконы, велелепне украшая златом и серебром и многоценными камени...» («Слово о том, какие речи рекл бы убо к содетелю всем епископ тверский...»).

В поисках слов, необходимых для более точной передачи изображаемого в панегириках, средневековые писатели создавали новые, сугубо книжные по своему характеру, слова. Занимался составлением неологизмов и Максим Грек. Так, многочисленны новообразования с первым компонентом *звездо*: *звездоблазнитель*, *звездоблазненный*, *звездобластителие*, *звездоблюдение*, *звездозрение*, *звездозрительный*, *звездоторный*, *звездонужный*, *звездотече-*

ние. Некоторые сложные слова писателя заключали в себе образные сравнения. Например: *богогромный* — подобный грому, посылаемому богом: «Их же богогромное вещание всю возгремя подсолнечную»; *огнеумный* — умный, как огонь: «О Петре, христовы церкви основание, иже превыспренних сокровищ ключарю, иже *огнеумных* богословцов крайнейших верх».

Выразительным художественным приемом стиля «плетение словес», часто используемым Максимом Греком, является повтор — постановка рядом сложных слов с одинаковым компонентом, выражающим наиболее важное для данного текста значение, которое уточняется, развивается в неповторяющейся части. Слово при этом как бы оказывается во власти контекста, образуя с ним некое единое художественно-смысловое и ритмическое целое: «...*велеславного* и *велесильнаго* царства греческаго внезапная погибель... да повинует ны»; «[вдова] в чюжих и многих показа свое *правдолюбное* и *человеколюбное*».

Смысловому и ритмическому единству текста способствуют различные тавтологические сочетания («...его же *животворную* смертью мы, мертвые прежде суще, *оживотворикомся*»), ассонансы — созвучия слов, широко применяемые Максимом Греком: «Сим (апостолы) суть силнаго стрелы изошрены... испущены на идолослужебныя скипетры, сиречь царствия». Здесь звуки *с*, *т*, *р* и различные их комбинации придают фрагменту как бы воинственное звучание, усиливающее сравнение апостолов со стрелами, пущенными «на идолослужебные скипетры».

В панегирические тексты Максима Грека искусно вплетаются и многочисленные метафоры, сравнения. Следует отметить, что эти тропы употреблялись в средневековье не в привычном для нас смысле — уподобление, основанное на метко схваченном внешнем сходстве или четком выделении главного, а в значении — уподобление, основанное на сходстве внутренних сущностей. Цель этого — выявить роль, функцию рассматриваемого предмета в окружающем мире. Так, восхваляя ум, подчеркивая его главную роль в поведении человека, писатель сравнивает его и с властелином, управляющим всеми жизненными силами, и с добрым царем, и с искусным кормчим:

«...Ты (ум), аки властель некий... вся живородительные силы моя, аки добр некий царь твердаго града..., аки некий кормчий искусен все тело править благохитренными твоими умными манованиями».

В метафорическом языке Максима Грека присутствует много так называемых символов — устойчивых образов, рожденных средневековым сознанием в поисках соответствий мира природы и богословского учения. Так, зима, по средневековым представлениям, —

период, предшествующий крещению, весна — время крещения, обновляющее человека на пороге его жизни, лето обозначало вечную жизнь, осень — последний суд. Такими символами «вечных» отношений были животные, растения, драгоценные камни... Максим Грек написал ряд произведений, посвященных их истолкованию («Имена драгоценных камней», «О птице-голуби и о безлюбивей души» и т. д.).

В сочинениях писателя встречаются как одиночные метафоры-символы («панцырь» — вера непорочная, «шлем» — божия любовь и т. д.), так и целые картины из символов: «Постарайся же оказаться небесному делателю *землею доброю, а не камнем, не тернием*, чтобы или по лености не была ты (душа) обкрадена пагубными птицами, похищающими всеяное свыше в сердце твоём, или от зноя скорбных обстоятельств оно скоро бы не засохло, как не укоренившееся в глубине сердца».

Произведения Максима Грека содержат огромное количество ссылок на труды светских и церковных писателей, деятелей церкви и государства. Так, предостерегая «душу от пагубных земных соблазнов», он приводит в наизидание высказывание Гомера, которое на современном языке звучит так: «Неразумный человек тогда приходит в сознание, когда впадает в беды и уже не может помочь себе».

Значительное место в творчестве писателя занимает публицистика (обличение недостатков государственно-политического устройства России XVI века: стяжательство монастырей, ростовщичество, колдовство, суеверие, злоупотребление суда и т. д.). Здесь также широко используются тропы, но функциональное назначение их иное, чем в панегирических текстах. Их цель — создать резко отрицательное отношение к социальным порокам. Так, монахи, занимавшиеся ростовщичеством, уподобляются «зверям-кровопийцам», которые «из сухих костей тщатся сосати мозги, как род псов и вранов» («Слово душеполезно зело внимающим ему...»). А ведущие безнравственную жизнь напоминают свиней, которые «в тине сквернятся».

В «Слове пространее низлагающе с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития» Россия времен малолетства Ивана IV изображается писателем в аллегорическом образе безутешной вдовы, имя которой Василия, то есть царство. Однако сидит она в черной одежде у дороги в окружении львов, медведей, волков и лисиц и горько плачет потому, что правят ею «сребролюбием и лихоимством одолеваемы», те, что «лютейши моят подручников (подчиненных) всячьскими истязаниями». Это произведение совершенно поразительно по степени обнаженности правды и силе ее художественного воплощения.

Публицистические произведения Максима Грека часто содержат живую полемику, которая облекается в диалоговую форму. Таково, например, «Стязание о известном иночском жительстве. Лица же стязующихся Филоктимон да Антимон, сиречь Любостязательный да Нестязательный».

Изложение Максима Грека-полемиста отличается остроумием, строгой логичностью рассуждений и убедительностью доводов. Так, в указанном произведении попытку Любостязательного оправдать тем, что он не присваивает чужое только себе, Нестязательный, выражающий авторскую позицию, высмеивает такими словами: «Смеждиво что ся мниши ми глаголати ничим же разликующе сего, ..аще кто с многими разбойники на разбой изшедь и многы корысти събрав, та же по некоторому обстоанию ять быв ищущими разбойников, иже мучим и истязуем крепко, отвечаает, глаголя: не повинен аз: вся у них оставих и ничто же оттуду себе взял есмь» (Смешное что-то ты мне говоришь и ничем не отличающееся от того..., что если бы кто-нибудь со многими разбойниками пошел на разбой и вместе со всеми много добра бы награл, а, будучи схвачен ищущими разбойников и сильно мучим и истязаем, отвечал бы: «Не повинен я: все у них оставил и ничего не взял себе»).

Жизнь Максима Грека сложилась трудно: более 20 лет он провел в заточении и ссылке, поэтому большую часть своих произведений ему пришлось написать в виде посланий, адресованных лицам, которые ждали от него ответов на волнующие их вопросы, или тем, на помощь и сострадание которых рассчитывал сам писатель. Поэтому, в каком бы стиле ни было написано то или иное его произведение, оно содержало и элементы эпистолярного жанра. Например, «Послание к некоему другу, в нем же толкование неких речений, неудобь разумеваемых в божественном писании» начинается с традиционного обращения: «Господину Ивану благоумному и верному другу радоватися (то есть мой поклон, привет)». Далее следует обычное, соответствующее монашескому этикету, умаление собственных возможностей и достоинств: «Вем, яко велми желаешь приимати от мене, малыми ученнаго, наставление...».

Для толкования «неудобь разумеваемых речений» Максим Грек избирает научный стиль, но и сюда вклинивается мотив осуждения тех, кто «обижает нищия и убогыя вдовы и сироты».

Заключительная часть произведения написана традиционно, в соответствии с жанром частной переписки: «Сие тебе от мене»,

о предобрый друже, малодуховное наслаждение, понеже доброхотне ко мне прилежишь и всякыя любви сподобляеши. Приемь убо сие, прочитай чаще и наслаждайся духовне, и аще негде погрубил есмь тебе, прости мя, друга твоего... Здравствуй! (то есть будь здоров)».

Желая приохотить русского читателя к греческому языку, писатель вводил в текст греческие слова и тут же переводил их: «Честного священнодиакона Васиана ризничиа *аспазоме олонсихос*, сиречь целую и обლობызаю всех душею, жалование его дошло мене цело. Спас ему да исполнит».

В тех случаях, когда требовали объект и цель повествования, писатель использовал разговорно-бытовой язык. Например, в «Сказании от многих пророческих речений» слова «в он же день родил, не завязаша пупа и водою не омыша тебе на спасение» толкуются Максимом так: «Сия бо глаголют, яко младенец, во чреве лежа, пупом вземлет кровь матерню и тем питается. Родившу же ся ему, бабы урежут ему лихую плоть пупа».

Максим Грек был прекрасным рассказчиком. Его привлекали повести и легенды, которые он удивительно просто и доходчиво излагал. Вот одна из таких легенд о птице «неясыти» — пеликане: «Птица неясыть похожа на журавля, питается она змеями, гнездо свое устраивает на высочайших камнях или на столбах и деревьях, охраняя детенышей своих от змей, которые по естеству своему враждуют с ними. Когда родители птенцов вылетают из гнезда для добывания пищи, тогда ядовитая змея, проникнув в гнездо убивает их... Когда же прилетают те, кои их вывели, самец или самка, и застают своих детенышей мертвыми, то становятся над ними с распростертыми крыльями и клювом своим начинают бить себя в грудь, пока не потечет кровь, которая, падая каплями на мертвых птенцов, оживляет их».

Итак, уже весьма беглое рассмотрение произведений Максима Грека показывает, насколько разнообразны стилистические ресурсы этого писателя. Он был мастером создания виртуозных пассажей, владел публицистическим стилем, писал ученые трактаты, умел занять своего читателя незатейливым рассказом, тем самым отвечая различным вкусам и потребностям русских книголюбов.

Н. Х. НИЗАМЕТДИНОВА

Рисунок С. Гавриловой

По Золотому кольцу России

Место нашей очередной остановки в путешествии по маршруту «Золотое кольцо России» — расположенный на берегу озера Неро древний город Ростов, самым непосредственным образом связанный с историей Русского государства, город, воспетый в легендах и преданиях.

Ростов Великий (или Ярославский) — один из древнейших русских городов. Он упомянут среди русских городов в договоре Олега с греками 907 года. На страницах русских летописей название *Ростов* утверждается с конца X века. Первые славянские поселения на берегах озера Неро (или Ростовского озера) относятся именно к упомянутому времени. Эти хронологические данные, встречаемые в письменных памятниках, подтвердились и в результате археологических раскопок. Обнаруженные в самых нижних пластах культурного слоя предметы быта жителей древнего Ростова датируются X веком, хотя мерянский поселок на этом месте существовал и ранее.

Что же означает наименование города, какое слово легло в его основу? Составитель пока единственного в нашей стране «Краткого топонимического словаря» В. А. Никонов пишет: «Удовлетворительной этимологии нет».

Что же нам известно о названии *Ростов* на сегодняшний день? Существует несколько версий, каждая из которых по-своему трактует происхождение и значение этого топонима.

Легенду о *Россовом стане* разыскал при работе над своей книгой «По городам Залесья» писатель-историк Игорь Литвинов.

В ней повествуется о том, что царевича Росса обманул близкий друг — царевич Априс. С помощью обмана и лести увез он жену Росса в «страну Гиперборейскую». После долгих, полных опасностей и риска странствий и поисков, не без помощи «летающего коня» и иных подобных средств, Росс со своей дружиной достиг наконец Гиперборейской страны. Так он попал в Залесье. Здесь, неподалеку от города Горицы, Росс раскинул свой стан перед решающим сражением со своим вероломным другом. Как и бывает в подобного рода сказаниях, зло было наказано, добро восторжествовало. Росс убил Априса и вернул себе любимую жену. На том месте, где войска Росса стояли перед сечей, возник город, который начали называть — *Россов стан*. Потом же, как гласит легенда, *Россов стан* превратился в просто *Ростов*.

Конечно, все это — вымысел. Но, как показывает практика топонимических исследований, иногда даже в таких откровенно наивных преданиях существует небольшое рациональное зерно. Многие ученые считают, что название города — *Ростов* — действительно произошло от какого-то имени собственного. Так, известный языковед М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» высказал предположение, что топоним *Ростов* образован от имени собственного *Рост*, сокращенного от *Ростислав*. Гипотезу «Ростов — город Роста» поддерживал известный языковед И. И. Срезневский (Срезневский И. И. Чтения о древних русских летописях). Того же мнения придерживается и видный польский ученый С. Роспонд, хотя он допускает и возможность образования топонима *Ростов* от какого-либо иноязычного названия (Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов.— В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1972). Действительно, в имени *Ростов* могло «переплавиться» какое-то более древнее, возможно, мерянское название поселения или местности. В этом случае суффикс принадлежности *-ов*, столь часто встречающийся в русских географических названиях, не указывает на то, что это был «город Роста», он мог появиться в топониме по аналогии с другими названиями древнерусских городов.

Существует и еще одна гипотеза. Как известно, многие старинные названия хранят в себе память о древнем ландшафте, особенностях географической среды и т. п. Некоторые исследователи считают, что в основу топонима *Ростов* могло лечь старое русское слово *рассоха* (*растока*) — местный географический термин, обозначающий раздвоение реки или оврага, устье, двойное верховье реки и т. п. Однако вряд ли с этим можно согласиться. Во-первых, трудно представить себе ход чисто языковых изменений, которые могли бы привести это слово к топониму *Ростов* (хотя термин *рассоха* и участвовал в образовании многих географических названий — нам известны многочисленные топонимы типа *Рассоха*, *Рассохи*, *Россошь*, *Розсошки*, *Розсохватка* и другие); во-вторых, в районе современного Ростова трудно — даже по старинным схемам и картам — обнаружить объект, который в древности мог бы именоваться словом *рассоха* (*растока*).

А определение *Великий*? Когда и почему оно появилось? Анализ источников, в частности, русских летописей, актовых документов, а также более поздних материалов показывает, что название *Великий* утвердилось за Ростовом в XII веке и сохранялось вплоть до конца XVIII века, когда он стал именоваться *Ростовом Ярославским*. Считают, что определение *Великий* город получил потому, что для своего времени он был весьма крупным населенным пунктом Киевской Руси. Но почему же тогда наименование *Великий* не носил сам Киев — один из крупнейших и богатейших городов того времени? Возможно, прибавление к топониму *Ростов* дополнительного определения *Великий* связано с подражанием *Великому Новгороду*. Первые славяне, появившиеся в Ростовской земле еще в начале X века, пришли, видимо, из Новгорода. Думается также, что определение *Великий* связано с тем, что, начиная с X века, Ростов был центром Ростово-Суздальского, Ростовского княжеств. Не следует забывать, что Ростов Великий был и крупным религиозным центром. Именно этот город после присоединения к Москве в 1474 году постепенно превратился в религиозный центр Московского княжества. В XVI веке ростовские епископы получают титулы архиепископов, митрополитов.

Как известно, есть на карте России еще один Ростов — Ростов-на-Дону. Его название косвенным образом связано с Ростовом Ярославским. Дело в том, что в начале XVIII века в Ростове Великом епископом был Димитрий Ростовский, причисленный затем православной церковью к лику святых. В 1761 году с низовьев Дона на то место, где ныне стоит город Ростов-на-Дону, была перенесена крепость св. Анны. Она получила новое название по церкви, которая там была, то есть стала крепостью Димитрия (Дмитрия) Ро-

стовского. При крепости быстро возникло и выросло селение, которое начали именовать *Ростовом* (с конца XVIII века оно стало городом), впоследствии — *Ростовом-на-Дону*.

Рассказывая о древнем Ростове Великом, об истории его названия, невозможно пройти мимо наименования озера *Неро*, на котором стоит город (озеро также называется *Ростовским* и *Тинным*).

Неро — самое известное имя озера. Именно оно указывается на всех географических картах, в справочниках и путеводителях. У этого наименования необычное звучание: *Не — ро*. В нем угадывается иноязычный корень. Ученые связывают происхождение названия *Неро* с языками угро-финской группы. Известный историк М. Н. Тихомиров считал, что слово *Неро* можно связать с названием племени *меря*, населявшего, по летописным данным, большую часть Залесской земли в IX—X веках (Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956). В «Повести временных лет» говорится: «...на Белоозере сядят Весь, а на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере Меря же...». Однако версия «меря — Неро» вызывает сомнение. Может быть, производящую основу следует искать не в названии племени, а в нарицательной физико-географической лексике угро-финских языков.

Есть и другая версия происхождения наименования *Неро*. Неподалеку от озера протекают две реки, носящие название *Нерль*; одна из них — левый приток Клязьмы, другая — правый приток Волги. Вероятно, между всеми этими гидронимами существует определенная связь. Еще в середине прошлого столетия профессор Казанского университета Д. М. Корсаков, посвятивший магистерскую диссертацию истории племени меря и Ростовского княжества, писал, что в ряде восточно-финских, как он их называл, языков корень *нер/нюр* означает «вода, жидкость, топкое место» и т. д. Действительно, даже в современных языках, например, коми и удмуртов находим *нюр* «болото», у эвенков — *нирэ* «болотистое место в лесу», *нярут* «озеро». Не исключено, что именно здесь содержится разгадка названия озера.

Второе имя озера — *Ростовское*. Оно приводится еще в «Повести временных лет». Наименование озер по находящимся на их берегах населенным пунктам — довольно распространенное в русской топонимии явление.

Есть у этого озера и третье название — *Тинное*. Оно связано с тем, что озеро бедно рыбой, а дно его устилает толстый слой черного ила. За топкие берега, небольшую глубину Петр I назвал озеро «ростовской лужей». Молодой царь приезжал в Ростов в поисках водоема, пригодного для строительства кораблей. В старинной народной песне так рассказывается о некогда существовавших богатствах Тинного озера:

Ой ты гой еси, море тинное,
Море тинное, ты чужское,
Отчего тебя зовут озером?
Оттого меня зовут озером,
Что песку во мне нет на донышке
И что нет во мне рыб заморских,
Лишь живут во мне ерш со щукою,
Мелка плотичка со карасиком,
Красноперый окунь со налимами.
Еще сом-рыба, когда жалует
Из тое-ль реки Волги быстрья
Со язем рыбой и со лещиком.

В озеро Неро впадает река *Сара*. В этом имени угадывается угро-финский корень. Такие слова, как *шор*, *шар*, *сор*, у удмуртов значат «ручей», у народа коми — «ключ, источник, ручей; рукав реки, пролив».

На Ростовщине существует немало пословиц, поговорок, отражающих историю края. Так, например, ряд таких поговорок связан с проходившим в XIII—XIV веках дроблением и измельчением Ростовского княжества: *Что ни село, то князь, что ни деревенька, то князек; У семи ростовских князей один воин; В Ростовской земле князь в каждом селе* и др.

Многие названия географических объектов, встречающиеся на маршруте «Золотое кольцо России», можно назвать окнами в прошлое. Откроем некоторые из них — и мы узнаем интереснейшие факты из истории Северо-Восточной Руси.

Велёсово дворище. Так зовется место рядом с пынешней деревней Ангелово. Когда-то в стародавние времена здесь стояло изваяние языческого бога *Велёса*, сделанное из ствола огромного дуба. В погожие дни золоченая голова Велеса была хорошо видна за десять километров — из самого Ростова. Внутри идола находилась лестница для жреца, ведущая к очам и устам бога, из которых раздавались прорицания. Языческих жрецов называли *волхвами*, они играли большую роль в жизни древнего Ростова.

В 60-х годах XI века в Ростове появился первый епископ — Леонтий, грек по национальности (напомним, что Владимир Ярославович крестил ростовцев еще в 992 году: местное население было насильно согнано в озеро и разделено на группы по 10—15 человек; между ними на лодках и плотках плавали византийские священники и давали каждой группе христианское имя). Леонтий при княжеской поддержке начал массовое разрушение языческих капищ и на их месте стал возводить церкви.

Некоторые топонимы в окрестностях Ростова напоминают о

древних промыслах населения. В селе Угодичи на берегу озера Неро, например, сохранился микротопоним *Варицкая слобода*. В древности здесь добывалась соль: солеварение было одним из очень важных промыслов.

В конце XVII века при митрополите Ионе Сысоевиче была возведена резиденция ростовских митрополитов, которую со второй половины XIX века начали именовать *Ростовским кремлем*.

В 1675 году был построен каменный храм Спаса на Сенях. Он входит в состав палат Митрополичьего дома и стоит над каменными погребями. Отсюда и его название — *на Сенях*. К церкви примыкает *Белая палата*, названная по своему прежнему внутреннему облику — белым сводам. Интересно и еще одно наименование в Ростовском кремле: *Отдаочная палата*. Это название связано с обычаем *отдавать* здесь поклон при проходах гостей.

Ростов Великий широко известен колокольным звоном. Ростовские звоны — подлинно русское, неповторимое музыкальное творчество. Можно себе представить, как перезвон ростовских колоколов, слышимый за многие версты, разливался над гладью озера Неро. Колокола имеют названия. Самый большой, обладающий мощным, бархатистым басом (вес его — 2000 пудов!) — *Сысой*. Почему главный из ростовских колоколов носит такое простое, почти забытое мужское имя? Загадка решается просто. Сысоем звали жившего три века тому назад безвестного попа деревеньки Ангелово, сын которого — Иона Сысоевич — смог стать митрополитом ростовским. Именно в годы его владычества талантливый мастер Фрол Терентьев отлил на митрополичьем дворе колокол в две тысячи пудов. В честь отца митрополита Ионы он и получил свое наименование — *Сысой*. Не менее выразительны названия двух других больших колоколов — *Полиелейный* (весит 1000 пудов) и *Лебедь* (весит 500 пудов). До начала XIX века существовал и колокол *Голодай* — он был отлит в память страшного голода 1578 года.

Знаменита Ростовская земля устным народным творчеством. Здесь создавались былины. В Ростове пересказывалась былина «Алеша и Тугарин». Прообразом для нее послужили ратные подвиги ростовчанина Александра Поповича, погибшего в 1223 году в битве с татаро-монголами на реке Калке. Что же касается имени *Алеша*, то оно в те времена было производным как от *Алексей*, так и от *Александр*. Об Александре Поповиче Ростовском рассказывается в летописях. В Ростове Великом возникла и легенда об Авраамии Ростовском, которая послужила источником для появления былины «Илья и Идолище».

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ, В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ
Рисунок С. Газриловой

В повести И. С. Тургенева «Вешние воды» встречаем такие строки: «И не то, чтобы она [Полозова] была отъявленная красавица: в ней даже довольно явственно сказывались следы ее плебейского происхождения». Современному читателю может показаться необычным приведенное словоупотребление писателя. И это естественно. Ведь сейчас слово *отъявленный* выступает только в сочетаниях типа *отъявленный плут, негодяй* и т. п. Но так было не всегда.

Исторически слово *отъявленный* и однокорневые *отъявка, отъявиться* и др. связаны с глаголом *отъявить*, который издавна был известен и сохранился в русском языке вплоть до пушкинской поры. Судя по материалам «Словаря русского языка XI—XVII вв.», глагол *отъявить* имел несколько значений, например, «показать, предъявить», «объявить, открыть» и другие. Смысловая структура этого слова на протяжении его истории не оставалась неизменной. Постепенно часть значений утратилась. Но долгое время удерживалось обобщенное значение «объявить, сделать известным». Показательно, что в «Словаре Академии Российской» (СПб., 1822) *отъявлять* приводится с таким определением: «делать о ком или о чем явку. Отъявить кого в бегах, выбывшим, умершим».

Известно, что со второй половины (особенно с конца) XVIII века в связи с активным формированием русского литературного языка на национальной основе заметно возрастает потребность в обновлении выразительных возможностей речи. Литературному языку стали нужны лексические средства, которые можно было бы противопоставить «высоким», «славенским» элементам. Это обусловило широкое развитие у многих слов переносных экспрессивно окрашенных значений, характеризующих лицо или его действия, поступки. Новый смысловой элемент у глагола *отъявить* зарождается, по-видимому, во второй половине XVIII века. Именно с этого времени *отъявить* начинает употребляться с новым значением — «ославить». Примеры такого употребления глагола (чаще — в причастной форме) можно найти в произведениях писателей начала прошлого столетия. Например, у А. С. Пушкина: «...сплетни, рассказ Репетилова о клобе, Загорецкий, всеми отъявленный и везде принятый, — вот черты истинно комического гения» (Письмо А. А. Бестужеву, конец января 1825 г.). В «Горе от ума» А. С. Грибоедов вводит глагол *отъявить* в речь представителя «века минувшего» — Фамусова:

Который же из двух?..
Тот нищий, этот франт-приятель
Отъявлен мотом, сорванцом!

а также в монолог Чацкого:

Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад...

Несмотря на приобретение нового, экспрессивного значения, глагол *отъявить* «ославить» начиная с пушкинского периода употребляется все реже, что обусловлено, по-видимому, наличием в языке синонимичных глаголов *ославить* и *объявить*.

Изменения в семантике глагола *отъявить*, как уже сказано выше, наиболее отчетливо выражены в форме *отъявленный*. В первой трети XIX века и позднее *отъявленный* удерживало за собой значение, свойственное другим словам с корнем *явный*: «Из нее не извлечешь того смысла, который ей придается отъявленною недобросовестностью» (Вяземский. Письма русского ветерана). Сравните также употребление наречия: «Не полезнее ли бы было, и именно для уменьшения зверств, ввести репрессалии с отъявленно-уличенными в зверствах и мучительствах...» (Достоевский. Дневник писателя).

В течение длительного времени в значении слова *отъявленный* не заключалось указания на степень проявления признака,

Во второй половине XVIII — начале XIX века *отъявленный* (как причастие и как прилагательное), продолжая употребляться в значении «всем известный (каким-либо качеством)», получает некоторое изменение в семантике и начинает означать «обладающий высшей степенью какого-либо качества, свойства, состояния». Например: «Это значит вот что, матушка: я — отъявленный бедовик; со мною никому не будет ни добра, ни радости, ни счастья» (Даль. Бедовик);

А я-то, несчастный, без хлеба
Скитаюсь — отъявленный нищий.

Б е н е д и к т о в. Б е д н я к

В отмеченном значении слово *отъявленный* в начале XIX века соединялось с более широким, чем теперь, кругом слов. Как и в наше время, оно легко сочеталось с обозначающими лицо существительными, имеющими отрицательное значение. Например: «...человек он светский, Отъявленный мошенник, плут...» (Грибоедов. Горе от ума); «Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями... отъявленного плута...» (Пушкин. О Записках Видока); «Кузнецы, как водится, были отъявленные подлецы» (Гоголь. Мертвые души).

Вместе с тем, в отличие от современного употребления, слово *отъявленный* нередко использовалось и в качестве определения «положительного» содержания. Показателен в этой связи пример в начале статьи — *отъявленная красавица*, то есть необыкновенно красивая женщина. Сравните также: «Ребенок не будет вас слушать, если вы заговорите самым систематическим путем отдельно об анатомии лошади, о механизме ее мускулов... о лошади, как эстетическом предмете — дитя — отъявленный энциклопедист; подавайте ему лошадь всю, как она есть, не дробя предмета искусственно» (Одоевский. Русские ночи).

Подобное параллельное употребление слова *отъявленный* в соединении с существительными и положительной, и отрицательной оценки (а это говорит о его нейтральности в отношении экспрессии) сохраняется также в середине — второй половине XIX века. Например, у П. А. Вяземского: «Кокошкин, переводчик Мизантропа, был отъявленный классик. В то время, когда начали у нас толковать о романтизме, он как от заразы остерегал от него литературную молодежь, которая находилась при нем» (Старая записная книжка); у Н. Г. Чернышевского: «[Волгин] объяснял, что и в самых отъявленных кокетках часто бывает некоторая сердечная теплота» (Продолг).

Слово *отъявленный* изредка сочеталось и с отвлеченными существительными; «Она хорошо видела, что мать тут лжет отъяв-

ленным образом» (Писемский. В водовороте); «Это беспрестанное и резкое — о, о, о, знак отъявленного провинциализма» (Хмельницкий. Мундир).

Однако с середины XIX века круг сочетаний, в которые входит слово *отъявленный*, сужается. *Отъявленный* чаще употребляется как определение только к словам, обозначающим отрицательные явления, свойства. Например: «Не хотели с ним связываться, как с отъявленным головорезом» (Загоскин. Кузьма Петрович Мирошев); «Новый наш сосед, несмотря на свою молодость и богатство, скряга отъявленный» (Григорович. Проселочные дороги); «При имени горбуна Тульчинов заметил презрительно: — Знаю я его: негодяй отъявленный!» (Некрасов. Три страны света); «Работники смотрят отъявленными ленивцами» (Тургенев. Отцы и дети).

Вследствие предпочтительного употребления слова *отъявленный* в сочетании с существительными негативной окраски у него стало развиваться оценочное значение, актуальное и в современном языке — «известный своими отрицательными качествами». Иначе говоря, у рассматриваемого слова формируется новое значение и одновременно отрицательная экспрессия. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова *отъявленный* толкуется так: «О человеке с теми или иными крайне отрицательными качествами; всем известный как таковой».

Итак, в процессе употребления слово *отъявленный*, утрачивая первоначальное значение, все больше закреплялось в языке во вторичном, экспрессивно окрашенном значении. В современном литературном языке оно используется обычно только применительно к человеку.

Е. П. ХОДАКОВА

Рисунок В. Комарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

В. З. Петухова из Бердянска пишет: «Покупатели лавровый лист называют и *лаэровый*, и *лаврбвый*. Как следует говорить?».

Надо говорить: *лаврбвый лист*. Дело в том, что *лаэровый* и *лаврбвый* различаются сочетаемостью.

Лаэровый (в ботанике). *Лаэровая роца*. Семейство *лаэровых*. *Лаэровое масло*.

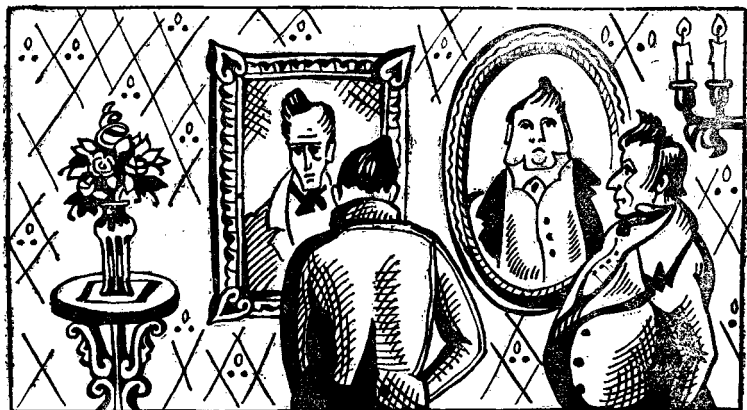
Лаврбвый. *Лаврбвый лист*. *Лаврбвый венок*.

Тупей, тупей- З ный

Во втором действии комедии Грибоедова «Горе от ума» есть строки, в которых Фамусов поучает Чацкого: «Спросили бы, как делали отцы? Учились бы на старших глядя...». И далее он ставит в пример своего дядю Максима Петровича, который «при государыне служил Екатерине» и, судя по рассказу, весьма в этом преуспевал: «А в те поры все важны! в сорок пуд... Раскланяйся, *тупеем* не кивнут». В годы правления Екатерины II процветал фаворитизм, отсюда грибоедовские строки наполняются особым смыслом: тех, кто никак не был отмечен государыней, не удостоят внимания даже кивком головы. Слово *тупей* употреблено здесь в значении «взбитый пучок волос на голове, хохол» — такая мужская прическа была модной в России во второй половине XVIII века, куда она была завезена из Франции. Во французском языке слово *toupet*, как отмечает «Полный французский и российский лексикон» (Изд. 2-е. СПб., 1798), обозначало буквально «хохол на лбу; пучок, хохолок, клочок», а *toupet de cheveux* — «хохол волос». В XVIII веке заимствованное *toupet* подвергается определенным морфологическим изменениям в русском языке и приобретает форму *тупей*. Слово *тупей* впервые зафиксировано в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (СПб., 1806) с объяснением «волоса на передней части головы подрезанные и зачесываемые назад; зачес».

Усилившаяся в 40—60-е годы XVIII века ориентация придворных, а также помещичье-дворянских кругов на французский вкус в одежде и причёске явилась причиной быстрого вхождения в русский язык и освоения в нем заимствованного слова *тупей*. «Душистое сало и белая пыль [пудра?] очаровательную своею силою обратили щегольския *тупей* в такие батареи, коим никакия

сердца огненные не возмогут противустоять», — читаем в «Карманной книжке для приезжающих на зиму в Москву старичков и старушек, невест и женихов» конца XVIII века Н. И. Страхова. В это время существительное *гупей* начинает использоваться в устном народном творчестве. В одной из народных песен XVIII века говорится:

Завсегда ходит в мундире, рубашка с манжетам,
Русый волос пуклем завит и *гупей* подмазан;
Молодой мальчик гуляка к тебе, друг, привязан.

Стремление определенной части русского общества подражать всему французскому, прежде всего, в манере одеваться и причесываться, часто являлось мишенью для высмеивания на страницах прогрессивных журналов того времени: «Украшенная снаружи голова гораздо почтеннее украшенной внутри, потому что мы всегда хвалим, почитаем и удивляемся тому, что прежде другого лучшим нам покажется. А в том и никакого нет сомнения, что хорошо завитые волосы скорее ума заметить можно: волосы снаружи, а ум внутри...» («Трутень» за 1769 год). В журнале «Зритель» за 1792 год в статье «Речь, говоренная повесою в собрании дураков» высмеиваются щеголи, которые считают, что «без хорошего парикмахера и портного нельзя ни заслужить уважения публики, ни подружиться со счастьем; что истинное достоинство состоит в том, чтобы уметь одеваться по погоде и подделывать свой *гупей* под крымские овчинки [имеется в виду каракуль — В. Ю.]...». В это же время для обозначения названной мужской прически порой употреблялось выражение *гупей алакроше*, например: «Ах! ты не поверишь, как прекрасны нынешние мужчины с выбритыми

бородами; я видела своими глазами целые города, наполненные Нарциссами и Адонисами, и уверена, что ты с выбритою бородою так же прекрасен будешь...; прибавь же к тому французский кафтан, *тупей алакромше*, модные пряжки и щегольскую шпагу» (Крылов. Почта духов). Буквальное толкование отмеченного словосочетания следующее: «пучок волос, чуб, хохол, загнутый в виде крючка», поскольку *crochet* (крошэ) во французском языке обозначает «крючок».

В русской жизни второй половины XVIII века чопорные тупей соперничали с оставшимися еще модными, а для дворянства, служилых сословий и отдельных родов войск являвшимися обязательными, всевозможными париками, известными уже с петровского времени. Парики, получившие особую популярность во Франции в царствование Людовика XV, к концу XVIII века выходят из моды, и их сменяют прически из естественных волос. Этим и можно объяснить распространение тупеев в России именно во второй половине XVIII — начале XIX века. «[Парики при Людовике XV] заменили чопорные *тупей*, — читаем в «Записках» Ф. Ф. Вигеля, отразивших дворянский быт, литературную и театральную жизнь первой трети XIX века. Это подтверждается и употреблением слова *тупей* в литературе того времени, причем его можно встретить у лучших представителей русского художественного слова. Например, в сатирическом стихотворении К. Н. Батюшкова «Видение на берегах Леты»:

Из этих лиц уныло-бледных
Один, причесанный в *тупей*,
Поэт присяжный, князь вралей,
На суд явил творенья новы.

От существительного *тупей* начинают образовываться новые слова. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (т. 4, 1866) впервые фиксируется прилагательное *тупейный* в сочетании «*Тупейный зреть*, редкий, для прически». Словари современного русского литературного языка (Толковый словарь русского языка. Под редакцией Ушакова Д. Н.; Словарь современного русского литературного языка) отмечают *тупейный* «относящийся к тупею, предназначенный для тупея» как слово вышедшее из употребления, приводя соответственно пометы *устар.*(евшее), *старин.*(нов). Эти словари указывают также и на еще одну особенность употребления прилагательного — в устойчивом сочетании *тупейный художник*, значение которого хорошо передано в одноименном рассказе Н. С. Лескова: «...он был „*тупейный художник*“, то есть парикмахер и гримировщик, который всех крепостных артисток графа „рисовал и причесывал“. Но это не был

простой, банальный мастер с *тупейной* гребенкой за ухом и с жестянкой растертых на сале румян, а был это человек с *идеями* — словом, *художник*» (курсив Лескова). В приведенном отрывке сочетание *тупейный художник* наполнено новым смыслом: оно обозначает не просто парикмахера, а человека, достигшего высокого мастерства, артистизма в причесывании и гримировании. В рассказе Н. С. Лескова «Тупейный художник» встречаем и такое образование, как *тупейщик*, выступающее эквивалентом к сочетанию *тупейный художник* и образованное по типу существительных со значением «лица производителя действия», ср. здесь же *гримировщик*. Рассказ о «тупейщике Аркадии» ведется от лица старой няни, и его действие относится к времени ее молодости — концу XVIII — началу XIX века, когда, по ее словам, «...во всем форменность наблюдалась и было положение для важных господ как в лицах, так и в причесании головы, а иному это ужасно не шло, и если его причесать по форме, с хохлом стоймя и с височками, то все лицо выйдет совершенно точно мужицкая балалайка без струн. Важные господа ужасно как этого боялись». Из приведенного контекста ясно, что здесь описана распространенная во времена рассказчицы среди русского дворянства и чиновничества мужская прическа *тупей*.

Обращение к истории слов *тупей*, *тупейный* и *тупейщик* показывает, что в русском литературном языке жизнь их была короткой, как и непродолжительна была мода на тупей.

В. К. ЮНОШЕВА

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как правильно сказать: *и́рис* или *ири́с*?»

В. Г. Шестаков, Воронеж.

Ирис и *ири́с* — это разные слова. Первое означает «1) растение, 2) радужная оболочка глаза, 3) нитки»; второе — «сорт конфет». Следовательно, место ударения в *и́рис* будет зависеть от того, что подразумевается под данным словом.

«Как надо говорить: *о деньга́х* или *о де́ньгах*?»

Л. Г. Ивлиева, г. Саратов.

Следует говорить: *о деньга́х*; *о де́ньгах* — форма устаревшая.

ПАДЬ И РАСПАДОК

В системе общенационального русского языка литературный язык и диалекты не являются изолированными друг от друга: происходит их постоянное взаимодействие в области лексики. Л. В. Щерба писал, что лексика русских народных говоров всегда давала богатый материал нашему литературному языку и «если бы литературный язык оторвался от диалектов, от „почвы“, то он... уподобился бы мертвому языку, каким является теперь латинский язык» (Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку).

Интересно, что еще 100—120 лет назад такие слова, как *страда, пахота, тайга, пурга, поземка, молодожен, листья* и многие другие, относились к лексике территориально-ограниченного употребления, то есть считались областными. Сейчас же все они являются полноправными литературными словами. Процесс пополнения лексической системы литературного языка за счет слов диалектного происхождения характерен и для настоящего времени.

В литературный язык из народных говоров входят слова, обозначающие явления природы, растения, животных, а также предметы, связанные с особенностями деревенского быта, сельскохозяйственного производства и др. Рассмотрим этот процесс на примере слов *падь* и *распадок*.

Слово *падь* давно зарегистрировано словарями русского языка (см. Словарь Академии Российской), но в течение длительного времени было характерным только для отдельных народных говоров, в частности сибирских. Например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля *падь* (овраг, лог, ущелье) относится к пермским и сибирским говорам. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года слово приведено без стилистических помет. Однако в данном случае необходимо помнить, что в этом словаре многие народные слова помещены без указания на их диалектную принадлежность. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова *падь* (глубокий овраг, ущелье) названо областным словом. В последних словарях литературного языка нет единства в вопросе стилистической квалификации данного слова: в 4-томном «Словаре русского языка» оно представлено в качестве областного, а 17-томный Словарь относит его к нейтральным словам литературной лексики. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово *падь* отсутствует.

Слово *распадок* (узкая долина в горах) в системе литературного языка появилось недавно. Впервые оно зафиксировано «Толковым словарем русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, при этом отмечено как областное. Последующие словари литературного языка также не отличаются единством в стилистической квалификации слова *распадок*. В Словаре С. И. Ожегова и в 4-томном Словаре оно характеризуется как областное, а в 17-томном Словаре представлено в качестве полноправного литературного слова. По-разному квалифицируют *падь* и *распадок* и лексикологи. Одни из них считают эти слова литературными, другие продолжают относить их к областным.

Какими же все-таки являются слова *падь* и *распадок* в настоящее время — литературными или диалектными?

По-видимому, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить следующее: отличаются ли они от остальных литературных слов; общеизвестны ли; какие задачи выполняют в литературном языке и в каких стилях употребляются; и, наконец, обозначают ли они узкоместные явления или их значения приобрели более обобщенный характер.

За время, прошедшее после выхода Толкового словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, слова *падь* и *распадок* получили широкое распространение в литературном языке. Часто употребляются они в языке художественной литературы, причем нередко и в речи автора. Например: «В молчании они перебрались по бревну через ручей, перешли рисовое поле и вошли в падь, такую глубокую и узкую...» (Диковский. Патриоты); «Утро наступило свежее, хрусткое — легкий морозно-душистый иней покрыл заборы, траву, кры-

ши, стволы деревьев и придал особую ясную прелесть притихшему пламени тайги. Ее безмолвное, плавно-волнистое течение по падам, распадкам, гольцам заворожило Машу» (Шугаев. Забытый сон).

В приведенных примерах слова *падъ* и *распадок* не выполняют каких-либо особых художественных функций, а служат, главным образом, для обычного наименования углублений в земной поверхности, в художественных текстах они не противопоставляются остальной литературной лексике, то есть стилистически ничем не отличаются от литературных слов.

Эти слова уже вышли за пределы местного употребления. Они часто встречаются в статьях и репортажах центральных газет при обозначении углублений, расположенных среди возвышенностей. Вот некоторые примеры: «А впереди была дорога — нелегкая, где полно наледей и крутых петель серпантина, горных обрывов, имеющих недобрую славу таежных падей, забытых поваленными соснами и кедрами» (Правда, 1976, 19 октября); «Падь была затянута дымом» (Сельская жизнь, 1977, 22 мая); «Ночное дежурство подходило к концу. Осталось пройти небольшой распадок, обойти густо поросшую кедром сопку» (Сельская жизнь, 1977, 13 апреля); «Пролетели зимние месяцы, по таежным распадкам зазвенели ручьи» (Сельская жизнь, 1976, 16 ноября).

В диалектной речи слово *падъ* имеет несколько значений, а в словарях литературного языка представлено одно. Например, в 17-томном Словаре *падъ* — резко очерченная, глубокая, неширокая долина, обычно заросшая лесом. В этом значении употребляется оно в газетных статьях и репортажах, а также в языке научной литературы. Вот примеры из книг «Физическая география СССР» разных авторов: «Древесная растительность занимает, главным образом, склоны сопки и пади, образуя обычные для Забайкалья сосновые боры с подлеском» (Н. А. Гвоздецкий, Н. И. Михайлов); «Среди тайги по падам и речным долинам, где многолетняя мерзлота залегает неглубоко, на увлажненных торфяно-болотистых почвах распространены осоковые болота, влажные луга из осоки и черемиды» (Г. К. Тушинский, М. И. Давыдова); «В падах предгорий типичны вострецовые степи» (А. М. Алпатьев и др.) — здесь словом *падъ* названа долина, расположенная в Сибири.

В последнее время многие писатели нередко употребляют это слово для обозначения долины, расположенной не в Сибири, а в других географических зонах страны. Например, Ю. Нагибин в рассказе «Берендеев лес» называет так долину, расположенную в центре европейской части СССР (на Валдайской возвышенности). В книге «В ритме Пинеги», описывая природу Архангельской области, О. Ларин также употребляет это слово: «Становится понятным, почему руководство Лавельского леспромхоза так заботится о

строительстве железнодорожных веток, позволяющих осваивать далекие лесные пади».

Или еще пример. Осуществляя перевод с украинского, переводчики употребляют русское слово *падь* для обозначения долины, расположенной в Закарпатье: «Михайло долго смотрел на барак. И вдруг словно понесло его невидимой силой — сорвался с места... Перемахнул через жердины изгороди... и косогором выбрался на неширокую падь» (Чендей. Птицы покидают гнезда. Перевод Э. Хайтиной и И. Солодовниковой).

Кроме того, слово *падь* заимствовано некоторыми славянскими языками, например украинским. Оно помещено (причем без каких-либо стилистических помет) в 6-м томе десятитомного «Словника української мови» (Киев, 1975).

Слово *распадок* (узкая долина в горах) также часто употребляется многими авторами для обозначения не только сибирской долины. Одни авторы называют так горные долины, расположенные в Архангельской области: «Папоротник сплошной стеной окружал меня. Здесь, в затишье, в горном распадке, злой ветер был не страшен» (Казаков. Северный дневник); «Прошел я деревню Нижний Березник, расположенную в распадке у ручья» (Гунн. Две реки — два рассказа).

Другие авторы употребляют это слово, описывая события, происходящие на Кавказе, в Молдавии, в Таджикистане: «Чуть выше начинается альпийский луг, за ним распадок, густо заросший лесом» (В джунглях Западного Кавказа.— В кн. «На суше и на море»); «Буджанская степь. Она вбирает в себя все южные районы Молдавии, в том числе и Каушанский, куда мы приехали... Дорога вьется с холма, идет по косогорам, взбегаёт на плато и вновь стекает в распадок» (Сельская жизнь, 1977, 14 июля); «От езды на малых оборотах впечатления тускнели... Пропал интерес к коварным снежным языкам, готовым в любую минуту соскользнуть вниз из сырых распадков» (Правда, 1977, 1 декабря — репортаж из Таджикской ССР).

Кроме того, некоторые авторы называют *распадками* углубления земной поверхности в Северной Норвегии и даже в Южном полушарии: «Рельеф был обычным для Северной Норвегии. Покрытые снегом крутые гранитные горы, обрывистые скалы, расщелины и распадки, по которым коротким летом пенятся водопады и журчат веселые ручьи» (сб. «Через фиорды»); «При внимательном наблюдении можно видеть как с вершин гор срываются снежные лавины, некоторые из них достигают моря, падая с обрывистых высоких скал, а другие теряются... в распадках и долинах» (Зенкович. Путешествие в Южный океан и вокруг света).

В связи с освоением новых территорий Сибири в последнее время нередко можно встретить слово *распадок* даже в языке местных газет районов, весьма удаленных от Сибири: «На всем более чем 3-тысячекилометровом протяжении от Байкала до Тихого океана — в дикой тайге, среди суровых гор и распадок, на берегах стремительных рек — республики и области нашей Родины десантировали свои отряды» (Вечерний Донецк, 1977, 8 января).

В приведенных примерах авторы художественных и научных произведений, очерков, газетных статей и репортажей не разъясняют значения слов *падь* и *распадок*, что в какой-то степени говорит о том, что они не вызывают трудностей у читателя и нет необходимости объяснять их значение.

Слова *падь* и *распадок* употребляются в сочетаниях со словами литературного языка: *глубокая и узкая падь*, *пади предгорий*, *отлогая падь*, *лесная падь* и т. д.; *глухой распадок*, *красный от увядающей березы распадок*, *горный распадок*, *сырой распадок* и др. Использование этих слов в различных стилях литературного языка для обозначения долин не только в Сибири, но и в других географических зонах нашей страны и даже в разных районах земного шара говорит о прочном вхождении слов *падь* и *распадок* в состав литературной лексики.

В. А. ФИЛАТОВ

Тирасполь

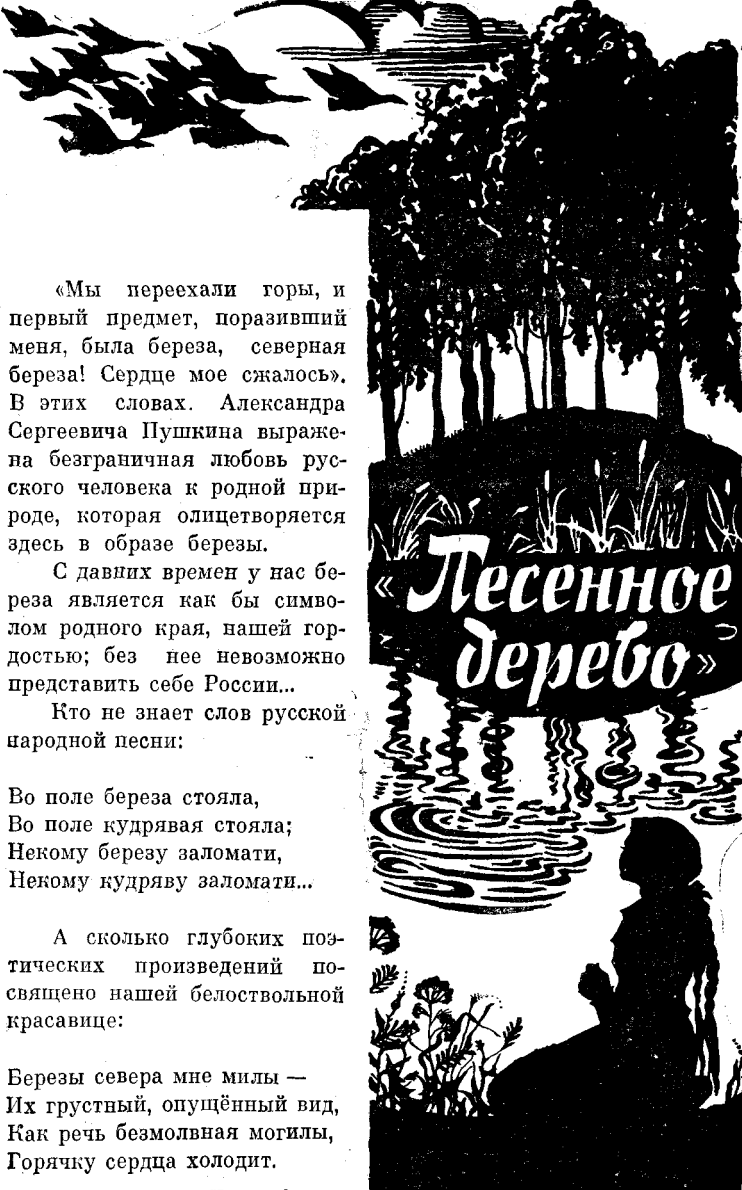
Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как-то довелось услышать в разговоре лыжников: «Бугель не забыл взять?». Я знаю слово *бугель* в таких значениях: 1. Металлическое кольцо наверху сваи, предохраняющее ее от разрушения при забивании. 2. Элемент токоприемника (трамвая, троллейбуса), скользящий по контактному проводу. 3. Металлическое кольцо на мачте корабля для крепления снастей. О каком бугеле говорили лыжники?»

Т. Н. Данилкина, Москва.

Бугель — это слово довольно часто можно услышать в речи любителей катания на горных лыжах. Им называют специальный крючок, которым цепляются при подъеме на гору за трос канатной буксировочной дороги. Видимо, этот специальный крючок и имели в виду лыжники.

«Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! Сердце мое сжалось». В этих словах. Александра Сергеевича Пушкина выражена безграничная любовь русского человека к родной природе, которая олицетворяется здесь в образе березы.

С давних времен у нас береза является как бы символом родного края, нашей гордостью; без нее невозможно представить себе России...

Кто не знает слов русской народной песни:

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла;
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати...

А сколько глубоких поэтических произведений посвящено нашей белоствольной красавице:

Березы севера мне милы —
Их грустный, опущённый вид,
Как речь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодит.

Ф е т. Ивы и березы

Наше сердце ноет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни берез плакучих,
Ни избушек этих сереньких, как тучи..

П л е щ е в. «Отдохну-ка, сяду...»

Обсажена березами,
снежком занесена,
бежит под сани-розвальни
родная сторона.

Г р и б а ч е в. Легенда

А вот что пишет о березе известный советский естествоиспытатель Н. М. Верзилин: «Белоствольная, с развевающимися на ветру зелеными кудрями, веселая береза — самое любимое русское дерево».

У советского писателя М. С. Бубеннова есть роман «Белая береза», в котором он воскрешает события Великой Отечественной войны. Героизм русского народа и страны в тяжелые дни 1941 года запечатлен в лирическом образе «белой березы», которую автор называет «песенным деревом».

Можно бесконечно приводить примеры из того огромного многообразия произведений русской и советской литературы, в которых описывается «песенное дерево».

Когда народ говорит о березе, он находит удивительно точные, емкие и красивые слова. Они сами просятся в песню...

Что мы знаем о березе? Это дерево принадлежит к числу наиболее распространенных у нас лесных древесных пород и может быть названо вполне русской породой, потому что в Западной Европе оно не встречается чистыми сплошными лесонасаждениями.

С давних пор дружит человек с березой.

Лапти-берестяники, например, применялись на Руси с древнейших времен. Это была преимущественно крестьянская обувь, которая использовалась ввиду ее дешевизны вплоть до середины XIX века. Береста широко применялась для изготовления посуды, а также в качестве дешевого писчего материала. Новгородские археологические раскопки последних трех десятилетий со всей очевидностью продемонстрировали широкое распространение берестяных грамот на Руси.

Широко известны лечебные свойства березы. О них знали еще в старину. Это и целебные вешние почки, и березовый гриб-чага, и листья, которые также применяют для врачебных целей.

Любители русской бани считают самым целительным средством обыкновенный березовый веник...

Долго пришлось бы перечислять богатства березы. Известный русский этнограф-фольклорист, собиратель и исследователь народ-

эпоэтического творчества и русской старины И. П. Сахаров в своей книге «Сказания русского народа» (1836—1837) приводит русскую народную загадку:

С одного дерева
Да четыре угодя:
Первое — от темной ночи свет,
Второе — некопанный колодец,
Третье — старому здоровью,
Четвертое — разбитому связью.

Читатель, наверное, уже догадался, что дерево это — береза, а четыре угодя суть следующие: лучина, сок, веник и береста для оплетения горшка. Мы можем лишь уточнить, что этих «угодий» у березы намного больше.

По сведениям Большой Советской Энциклопедии, в СССР произрастает около пятидесяти видов этого дерева, тогда как всего их более ста. Различают два основных вида березы белой — пушистую и бородавчатую. У последней — плакучие ветви, словно девичьи косы. Ее разновидностью является карельская, имеющая изумительный рисунок древесины.

Когда мы где-нибудь на чужбине вспоминаем родные места, встает перед глазами белоствольная красавица. Но, оказывается, бывают и другие березы. Например — черная. Она растет у нас на Дальнем Востоке. Здесь же распространена ее желтая сестрица, у которой вместо бересты — мохнатая кора.

По качеству древесины выделяют березу каменную и даже железную. В тундре приспособилась жить карликовая, а в тайге — гигантская береза.

Любопытно отметить, что *береза* — единственное общеиндоевропейское название дерева, что указывает на большую его древность. Во всех славянских языках мы находим это слово, восходящее, как считают многие исследователи, к слову *белый*. Дерево названо так по цвету коры.

Однако, несмотря на исключительную распространенность и популярность березы еще в давние времена, наименование ее не нашло отражения в памятниках письменности древнерусского языка.

Как пишет Ф. П. Филин, «восточнославянское слово *береза* принадлежит к одному из древнейших слов, являясь чуть ли не единственным названием дерева, имеющим общеиндоевропейское происхождение. Оно существует, с учетом его первоначальных исходных форм, многие тысячи лет. Между тем слово *береза* в древнерусской письменности впервые появляется только в XV веке»

(Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 548). Основной причиной позднего проникновения названий деревьев в письменность мы считаем преимущественно церковный характер древнерусской литературы (см.: Русская речь, 1980, № 2, с. 136). Вместе с тем существовали и другие причины.

Как известно, названия деревьев относятся к конкретной лексике, связанной с народным промыслом, народными обычаями, которые были сравнительно далеки от книжно-письменной культуры. Эти слова принадлежали живому языку восточных славян. А, как известно, названия, характерные для живого языка, не всегда зафиксированы в памятниках письменности. Одним из подтверждений данного тезиса является то обстоятельство, что *береза* не встречается ни в «Лексисе» Лаврентия Зизания (1596), ни в «Лексиконе» Памвы Берынды (1627), в которых собраны «речения словенские», то есть слова книжные, литературные. Первая фиксация этого названия обнаружена в «Русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джемса» (1618—1619), являющемся важным источником сведений о русском разговорном языке города Холмогор и порта св. Архангела (г. Архангельска), то есть севера Московской Руси начала XVII века.

Как нам представляется, определенную роль здесь сыграли случаи табу (запрета). Древние народы, в том числе и славяне, поклонялись различным животным и растениям, которые считались священными и называть их своими именами было нельзя.

Как указывается в «Истории культуры древней Руси» (Т. I. М.—Л., 1948, с. 9) под общей редакцией академика Б. Д. Грекова, предки восточных славян «анты почитали... и поклонялись рекам и деревьям. Еще в XII—XIII веках, да и позднее, у восточных славян сохранялась вера в священные деревья...». У многих индоевропейских народов предметом поклонения был дуб. У других народов — такие деревья, как ясень и липа, осина и яблоня, явор и береза.

Кроме того, памятников письменности дошло до наших дней слишком мало по сравнению с тем предполагаемым количеством их, которое было на Руси. Вполне возможно, что с утраченными памятниками письменности исчезли и многие названия.

Те материалы, которыми мы располагаем сейчас, дают нам лишь несколько дериватов (производных) от наименования *береза*: собственные имена (топонимы и гидронимы) *Березьно*, *Березовичи*, *Березьи*, *Березинская* (земля), название месяца *березозоль*, *брѣзьнь* (апрель).

Впервые встречается слово *береза* в значении *Betula alba* в Двинской грамоте XV века; «Се купи Павле Труфановичь у Гри-

горя у Ивановича землю полъ полча высокого з березы на камень да до ручея».

Первый словарь нормированного русского языка, зафиксировавший данное слово в форме *березка*,— Лексикон Вейсманна (1731).

Все последующие словари без исключения приводят данное наименование и его дериваты. О широкой распространенности и исключительной популярности этого дерева у русских говорит любопытный факт. В «Словаре русского языка» Академии наук 1895 года указывается: «В некоторых местностях слово *береза* обратилось в общее название всякого лиственного дерева».

С березой издревле связаны многие народные обычаи. Например, существовал красивый свадебный обряд, по которому в день свадьбы для невесты ставили березку, увитую лентами, которая получила название «краса». Невеста пряталась за красу, когда приезжали жених и дружки. Последние должны были выкупать и «красу», и невесту.

Береза была настолько популярна в народе, что ей приписывались чудодейственные свойства: через это дерево (иногда через оглоблю) обливали больных холодной водой, полагая, что это способствует выздоровлению; под порогом новой конюшни зарывали березовое полено, чтобы водились лошади. Издавна бытовали и различные приметы, связанные с березой. Например, считалось, если береза перед ольхой лист распустит, нужно ждать сухого лета, а если ольха наперед, то мокрого...

Милая нашему сердцу береза, так вдохновенно воспетая писателями и поэтами, остается и по сей день прекрасной жемчужиной русской природы.

Н. В. ТАРАНОВ

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как будет правильно: *можжевёловый* или *можжевеловый* куст?» С. М. Петрова, г. Баковка Московской области.

Литературным является слово *можжевёловый*.

«Как надо говорить: *граммовый* или *грамбвый*?»

Л. П. Смирнова, г. Кисловодск.

Следует говорить *грамбвый*.

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Роман К. Гамсуна. 3. Выдающийся русский архитектор. 6. Опера М. П. Мусоргского. 8. Стихотворение А. С. Пушкина. 9. Еженедельный сатирический журнал, издаваемый в Петербурге во второй половине XIX века. 11. Русский композитор и музыкальный критик, участник кружка «Могучая кучка». 12. Устойчивая общность людей, исторически сложившаяся на базе общности языка, территории и экономической жизни. 13. Однокопный экипаж в Англии. 17. Автор пьесы «Сирано де Бержерак». 18. Рассказ И. А. Бунина. 19. Столица одной из стран Латинской Америки. 21. Развитие основных действий в романе, драме. 22. Очерк. 24. Известный русский поэт-переводчик первой половины XIX века. 25. Персидский и таджикский поэт, математик и философ XI—XII веков. 28. Известный чилийский поэт и общественный деятель. 29. Название одной из центральных газет в СССР. 30. В древнеегипетской мифологии богиня неба, земли и «подземного царства». 32. В старину бродячие торговцы. 34. Знак водиака. 37. Басяня И. А. Крылова. 40. Противопоставление в литературном произведении. 41. Великая русская актриса. 42. Тригонометрическая функция.

43. Французский писатель, автор романа «Исповедь сына века». 44. Знак препинания. 45. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Иванов».

По вертикали: 1. Древнеиндийская эпическая поэма. 4. Бог сильного северо-восточного ветра у древних римлян. 5. Произведение Гомера. 7. Поэма М. Ю. Лермонтова. 10. План драматического произведения. 11. Русский скульптор, автор памятника И. А. Крылову в Ленинграде. 14. Известный шотландский поэт. 15. Французский драматург, автор трагедии «Андромаха». 16. Тростниковая палочка для письма, применяемая на Востоке вместо пера. 19. Должностное лицо дипломатического ведомства. 20. Персонаж пьесы В. Шекспира «Двенадцатая ночь». 22. Лирическое стихотворение.

проникнутое грустью. 23. Большая открытая посуда с рыльцем, употреблявшаяся в древней Руси. 26. Верхняя часть капители. 27. Старинное название рубина и сапфира. 29. Город-герой. 31. Роман Д. Гранина. 33. Самая сущность, природное свойство. 35. Персонаж пьесы Г. Ибсена «Кюльновский дом». 36. Созвучие концов стихотворных строк. 38. Опера А. Н. Серова. 39. Французский поэт-коммунист.

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—5; 1980, №№ 1—5

Тормозов, Тормасов, Тормасов. В основе фамилий прозвище из нарицательного *тормоз* — приспособление под полозьями саней, мешающее скольжению. Различия в написании объясняются фонетическими законами: в русском языке конечный звонкий согласный при произношении оглушается $z \rightarrow c$, гласный *о* в безударной позиции произносится как *а*: *тѳормоз* — [тѳормас]. Фамилии встречаются и сегодня: Тормозов в Перми, Тормасов в Тамбове, Тормазов и Тормасов в Туле.

Торопов. Отчество от русского нецерковного мужского имени Тороп (*тороп* — торопливый, быстрый). В дошедших до нас документах имя встречается с 1216 года — упомянут холоп Тороп в Суздале, помещик Тороп Семенов в Зубцовском уезде (1565), гоноец Тороп Востолин (1615). Перепись 1897 года показала, что много жителей с фамилией Торопов в Шуйском уезде Владимирской губернии (Владим. арх.). В настоящее время фамилия встречается в Астра-

хани, Калининe, Орле, Москве.

Торсуков. Отчество от прозвища Торсук заимствовано из татарского *торсук* — бурдюк для хранения молока или других жидкостей.

Трапезников. Фамилия встречается в городах Владимир, Калинин, Киров, Курск, Липецк, Рязань, Тула; в конце XIX века нередко в Зауралье (Курганский округ — Центр. историч. архив в Ленинграде, ф. 296). Отчество от именованя отца по его профессии — *трапезник* (из древнегреч. *трапеза* — прием пищи, еда). Слово *трапезник* в русском языке имело разные значения, например: торговец, меняла (И. И. Срезневский). Материалы для словаря древнерусского языка, СПб., 1903), низший церковный служитель, звонарь; в XVI—XVIII вв. церковный сторож, он же и на Севере — сборщик продуктов для духовенства.

Трегуб. Закрепившееся в качестве фамилии именование человека с рассеченной (или раздвоенной от рождения) гу-

бой. Ранняя документация — Денис Трегуб в 1600 г. (Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, там же и следующие примеры). Фамилия существует в Москве, Курске, в форме Тригуб — в Калуге, но чаще встречается в форме русских фамилий — Трегубов (от прозвища *трегубый* или *трегуб*). Есть и форма Троегубов (в Перми).

Третьяков. Отчество от русского нецерковного мужского имени Третьяк, означавшего третьего ребенка в семье (или третьего из мальчиков). Фамилия встречается в разных местах страны, но чаще на Севере: в 1897—471 человек в Шенкурском уезде Архангельской губернии.

Тремаскин. Отчество от уничижительной формы Тремаско из мордовского мужского личного имени Тремас.

Тремасов. Первоначально — отчество, образованное по русской модели притяжательных прилагательных на *-ов* от мордовского мужского личного имени Тремас.

Трефилов. Фамилия встречается в ряде местностей, например, записано несколько семей в городе Куйбышеве в 1973 году, в Москве и др. Первоначально — отчество от канонического мужского личного имени Трифилий; имя по происхождению — древнегреческое, из *трифиллон* «трилистник» (наименование растения), в русской разговорной речи оно приняло форму Трефл.

Трефолев. Фамилия встречается не часто. Ее носил русский поэт-демократ Н. Трефолов (1839—1905) — автор известных песен «Дубинушка», «Камаринская». Происхождение фамилии, возможно, свя-

зано с личным именем Трифилий (см. Трефилов), но вероятней польско-белорусский источник: польское *treffe* «трефы» (карточная масть).

Трехшубин. Фамилия, очевидно, возникла от насмешливого именованья любителя кураться. Она старинна — еще в документе 1652 года упомянут Федка Трехшубин по Усть-Уренской слободе Симбирского уезда, ныне Ульяновская область (Холмогоров В. Материалы по истории Симбирского края. Симбирск, 1898).

Трифонов. Отчество от канонического мужского личного имени Трифон (древнегреч. «живущий в роскоши»).

Тришечкин. Первоначально — отчество от ласкательной (наверное, с оттенком проинии) формы Тришечка из канонического мужского имени Трифон (Трифон → Триша → → Тришка → Тришечка). Фамилии в этой форме (на *-чкин*, *-ичкин*, *-очкин*, с ударением на основе, а не на суффиксе) наиболее часты в Верхнем Поочье, особенно в Хвостовичском районе Калужской области, Белевском и Волховском районах Орловской области и смежных с ними районах.

Тришкин. Отчество от уничижительной формы Тришка из канонического мужского личного имени Трифон через промежуточную уменьшительную форму Триша.

Троицкий. В XVII—XIX веках православное духовенство именовали преимущественно по названию церкви. В официальных документах обычны «Троицкий поп Иван» и пр. Эта традиция преобладала и при раздаче фамилий ученикам церковных учебных заведений.

Тронин. Отчество от краткой

формы Троя из канонического мужского личного имени Трофим.

Тропин. Отчество от краткой формы Трѡпа из канонического мужского личного имени Евтропий (в повседневном русском употреблении оно приняло форму Антроп). К русскому слову *тропа* фамилия не имеет отношения.

Тропин. Отчество от уменьшительной формы Трѡпа из канонического мужского имени Трофим.

Тропкин. Отчество от уничижительной формы Трошка (Трофим → Троша → Трошка → → Трошечка). В царской России уничижительная форма имени была обязательна для всего «простого народа». С болью и гневом писал Белинский в знаменитом «Письме к Гоголю» (1847) о том, что «...люди сами себя называют

не именами, а кличками; Ваньками, Васьками, Стешками, Палапками». Поэтому неудивительно, что фамилия Тропкин встречается чаще других фамилий, образованных от форм этого имени.

Трундин. Фамилию сообщил И. Л. Миннизон, записана в пригороде г. Горького. По-видимому, в основе — прозвище от диалектного *трунда* «болото», приведенное В. И. Далем как пермское (он видел в этом искажение слова *тундра*). Возможно и смешение с фамилией Трындин.

Трунов. Очевидно, из прозвища от диалектного (вологод.) слова *трун* — «отрепье, ветошь». Фамилия записана в Курске, Орле, Туле.

В. А. НИКОЛОВ

Продолжение следует

Ответы на кроссворд № 6—1980

По горизонтали: 7. Горацио. 9. Прутков. 10. «Барсуки». 11. Зефир. 12. Эрато. 13. Сервантес. 16. Тамара. 20. Гайдар. 22. Телегин. 23. Инверсия. 24. Фонвизин. 26. Пародия. 27. Эпиграф. 29. Кирилл. 34. «Помпеянка». 36. Пегас. 37. Потье. 38. «Счастье». 39. Поэтика. 40. Неверов.

По вертикали: 1. Новелла. 2. Сатин. 3. Гобсек. 4. Эпигет. 5. «Шторм». 6. «Полтава». 8. Искандер. 14. «Пржектор». 15. Багрицкий. 17. Маснави. 18. Шеридан. 19. Синоним. 21. Даддани. 25. Контекст. 28. Перевод. 30. Лыньков. 31. «Корсар». 32. Акцент. 33. Барто. 35. Хорей.

Ответы на кроссворд № 1—1981

По горизонтали: 2. «Пан». 3. Захаров. 6. «Хованщина». 8. «Адели». 9. «Искра». 11. Кюи. 12. Нация. 13. Кеб. 17. Ростая. 18. «Камарг». 19. Кито. 21. Интрига. 22. Эссе. 24. Гнедич. 25. Хайям. 28. Неруда. 29. «Труд». 30. Исидра. 32. Офени. 34. Овен. 37. «Квартет». 40. Антитеза. 41. Ермолова. 42. Тангенс. 43. Мюссе. 44. Точка. 45. Лебедев.

По вертикали: 1. «Рамаяна». 4. Анвилон. 5. «Одиссея». 6. 7. «Хаджи Абрек». 10. Сценарий. 11. Клодт. 14. Бернс. 15. Расин. 16. Калам. 19. Консул. 20. Оливия. 22. Элегия. 23. Ендова. 26. Абака. 27. Яхонт. 29. Тула. 31. «Искатели». 33. Естество. 35. Нора. 36. Рифма. 38. «Рогнеда». 39. Элюар.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ ВСЕ ЛИ НАПИСАННОЕ ПРОИЗНОСИТСЯ?

А. Подолько из пос. Кошары Ворошиловградской области спрашивает: «Как произнести слова типа: *2,2 километровая отметка?*».

Все ли написанное мы можем произнести? Странный вопрос. Каждый грамотный легко произнесет любой напечатанный или написанный текст. Это верно, да не совсем. Как, например, прочитать следующие записи: *23 суток, 42 щипцов?*

Существительные, не имеющие форм единственного числа, не могут сочетаться с количественными числительными *два, три, четыре*. В таких случаях на помощь приходят собирательные числительные: *двое ножниц, трое суток, четверо щипцов*. Далее идут обычные количественные числительные: *пять, шесть* и т. д. *ножниц, щипцов, саней*.

А как написать, если таких предметов на два, три, четыре больше двадцати? Написать легко: *22 суток*. А как произнести? *Двадцать двое суток?* Собирательных числительных в русском языке всего девять, от *двое* до *десятеро*. Собирательного *двадцать двое* в литературном языке нет. Следовательно, так читать нельзя. А иначе прочесть невозможно. Вот один из случаев, когда мы не можем произнести то, что можем написать.

Приведенный случай не единственный. Рассмотрим слова, первой частью которых является написанное цифрами числительное, а второй — прилагательное, образованное от названия единицы измерения: *3-метровый, 5-процентный, 2-литровый, 6-часовой, 67-километровый, 35-тысячный, 5-аршинный, 6-дюймовый*. Все эти слова, первая часть которых содержит названия целых чисел, мы легко можем произнести. Трудности возникают, когда в первой части названо не целое число, а дробное. Мы справимся с задачей, если в первой части названа дробь 0,5 или $\frac{1}{2}$, например: *1 $\frac{1}{2}$ -метровый* (полтора метровый), *0,5-процентный* (полупроцентный).

В случаях с иными дробями снова появляются слова, которые легко написать, но нельзя произнести: *1,2-процентный* раствор, *2,3-метровая* отметка, *3,2-часовое* опоздание, *7/8-дюймовый* ключ, *5,3-тысячный* отряд, *6,4-миллионное* население. Такие непроизносимые образования появляются в письменной речи в связи с настоятельной потребностью отражения числовых данных в научной и технической литературе, в документации и т. д.

Здесь не упоминаются более редкие построения, возможные в письменной речи и невозможные в устной, например: *w-образная* трубка.

Образования названного типа принципиально не рассчитаны на прочтение вслух. Это по своему характеру сугубо письменная информация.

В. И.

■ КАЛАЧ

«Расскажите, пожалуйста, о слове *калач*, которое встречается во многих выражениях», — пишет И. Л. Крюкова из Харькова.

Калач — это пшеничный хлебец круглой формы. В русских говорах словом *калач* называют вообще белый пшеничный хлеб, например: «А когда они возвращались с покупками — с арбузом, с колбасой, с белым *калачом*, пахучим и ноздристо-пухлым — он первый кусок хлеба и колбасы протягивал матери» (Гладков. Вольница).

Слово *калач* восходит к *колач*, которое образовано от древнерусского *коло* «круг». Известен славянский танец «коло» (участники его образуют круг). Того же корня слова *колесо*, *около*, *коляска*, *околица*, *коля*, *колобок*, *кольцо*, *кольчуга*. От существительного *калач* образованы синонимичные наречия *калачом* и *калачиком*, употребляемые в значении «принять лежа форму калача, согнувшись дугой и поджав конечности», например: «[Извозчик] спал на дрожках, свернувшись *калачом*» (Некрасов. Три страны света); «Задремавший Ленька лежал *калачиком* сбоку деда» (М. Горький. Дед Архип и Ленька).

Калач в старину для крестьянина был лакомством. Не случайно в народе живут такие поговорки: *Жива душа калачика чаает; Счастливый, что калач в меду*. Калач — не только лакомство, но и мерило зажиточности, богатства: *Не рука Макару калачи есть* (или: *Не рука крестьянскому сыну калачи есть*); *Богачи едят калачи, да не спят ни в день, ни в ночи; Куда нам есть сметану с калачом: хлебаем и снятое с черняком!*; *Кятинский чай, да муромский калач — полдничают богач; Воевода придет, и калачи принесут; Всяк подъячий любит калач горячий*. Не случайно также, когда хотят

сказать, что кого-то никакими средствами не заставишь покинуть какое-либо место, употребляют выражение *калачом не выманишь*, например: «— Если турки не вышли из Синопа, когда у меня только три корабля было, то теперь их и *калачом не выманишь!*» (С. Н. Сергеев-Ценский. Синопский бой). В значении же «никакими средствами не дозовешься, не заставишь, не уговоришь пойти, зайти и т. п. куда-либо» употребляется выражение *калачом не заманишь* (или *калачом не заманить*), например: «За одним столом с холопом обедать меня усадили!.. Нет уж, Анфиса Порфирьевна, покорно прошу извинить! *калачом* меня к себе вперед не замани-те» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Народ создал странную на первый взгляд поговорку: *Нужда научит калачи есть*. Как это понять?

Дело в том, что в центральных и северных областях Руси пшеница всегда была дорогим товаром, калач был редким гостем на столе. Многие крестьяне в поисках заработка уходили бурлачить на Волгу, косить травы в Донские и Кубанские степи. Вот в этих-то местах они и могли поесть вволю дешевого белого хлеба. Справедлива поговорка: *Хочешь есть калачи, так не сиди на печи!*

Когда замешивали крутое калачное тесто, то его приходилось долго мять и тереть. Недаром в народе говорили: *Не тёрт, не мят, не будет калач; Много муки перенесет пшеница до калача*. Сравните: «Пожончив с чаем, принялся писарь за штофик кизлярки да за печенье яйца с *тертым калачом* на отрубях, известным под названием «муромского» (Мельников-Печерский. В лесах). Поэтому понятно, почему о бывалом человеке, которого трудно провести, обмануть, стали говорить — *тертый калач*, например: «Это человек опытный, себе на уме, не злой и не добрый, а более расчетливый; это *тертый калач*, который знает людей и умеет ими пользоваться» (Тургенев. Певцы); «— Не слыхал, чтобы такие *тёртые калачи*, эти-кие стреляные воробьи исправлялись» (К. Федин. Первые радости).

Слово *калач* входит также в состав фразеологизма *достаться на калачи* (образованного в результате иронического переосмысления). Этот фразеологизм употребляется в современном языке в таком значении: «достаться как следует, основательно» (обычно о наказании, взбучке и т. п.), например: «Всем косточки перемыли, всем *на калачи досталось*, — известное дело: от пересудов да напраслины... ни пешком не уйти, ни на коне не уехать» (Мельников-Печерский. На горах); «Да, как видно, и работнице *досталось на калачи*, потому что та едва-едва уплела ноги задним двором» (Зарубин. Темные и светлые стороны русской жизни).

Такова краткая история этого, на первый взгляд, простого слова, вошедшего в мудрые народные речения,

В. Н. Вакуров

■ ЧЕБУРАШКА

Л. А. Рябова из Рязани пишет: «В статье Василия Белова «Да полноте, искусство ли все это?» (Комсомольская правда, 1980, 4 июля) прочитала: «Странная эстетика! ...крысы свободно разгуливают по телеэкранам и пластинкам. Они, оказывается, еще имеют и имена — Анфиса, Лариса, Рапса, как это сделано в одном мультфильме». Эти имена папомнили мне о любимом детьми герое. Откуда пошло имя Чебурашка?».

Для детей и взрослых Чебурашка — герой книги Э. Успенского «Крокодил Гена и его друзья», по которой были созданы мультфильмы «Крокодил Гена», «Чебурашка». Девочка приняла милого и симпатичного зверька Чебурашку таким, каким его подарили читателям и зрителям писатель и создатели мультфильмов, приняла и полюбила навсегда, без всяких вопросов по поводу его происхождения. А взрослых сразу заинтересовало: «Почему Чебурашка?».

Возьмем «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Проследим за толкованием слова *чебурашка* и родственных ему слов.

Чебура́хатъ, чебура́хнутъ что, *чебуры́хнутъ*, сиб. бросить, кинуть, опрокинуть с громом, грохнуть, шлепнуть; *чебура́хнутъ* или —ся, упасть, грянуться, грохнуть, растянуться; *чебура́х* м. точка *чебураха*... точка равновесия, опрокидная точка. *Вещь на-чебурахе*, лежит или стоит на перевесе, чуть тронь, так опрокинется. *Ловушки на крыс, на тетеревей* делаются на *чебурахе*...; *чебура́к* м. волжск., *чебура́шка* ж., *чебуры́к* или *чебурка*... шашка бурлацкой лямки, привешенная на хвосте; она захлестывается, для тяги, за подачу (на судне); *чебурашка* — (об.) ванька-встанька, куколка, которая, как ни кинь ее, сама встает на ноги.

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» к просторечным глаголам *чебурахнуть, чебурахнуться* приведены такие значения: «С силой ударить, стукнуть; трахнуть» («Летел, летел чурбан..., налетел на медведицу, как чебурахнет ее по башке» — Толстой Л. Н. Крестник); «Выпить до дна, опрокинуть (рюмку, чарку и т. п.)» («Ну-ка ты, бедняга, чебурахни стаканчик!» — Короленко. Ат — Дава); «Упасть с силой; трахнуть» («Николашка с Палашкой чебурахнулись еще раз в ноги и вышли» — Герцен. Кто виноват?).

Чебурашка и родственные ему слова в той или иной мере связаны с нарушением равновесия. Употребляются они в разговорной речи.

В Иркутской области про пьяного человека, который идет, шатаясь, порой говорят, что он *сошел с чебураха*, то есть потерял

равновесие, не может идти прямо, ровно. Чебурахом называют в некоторых сибирских деревнях различные точки равновесия: в рычажных весах, в ловушках на птиц и зверей. В Калининской области чебурашки — небольшие тонкие полешки, которые не могут стоять на ровном месте.

Вернемся к герою книги Успенского.

При знакомстве с необычным зверюшкой, который был обнаружен в ящике с апельсинами и который почему-то падает и падает, продавец магазина произвольно восклицает: «Ну, что ты чебурахаешься и чебурахаешься, чебурашка ты этакий!». Вот так и появилось имя у одного из любимых героев наших ребят.

Из сказанного выше видно, что имя у Чебурашки очень ему подходит, так как симпатичный зверек частенько «чебурахается» из-за своих очень больших ушей, мешающих ему сохранять равновесие.

О. Г. Сваричовская

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Какое слово лучше употреблять: *простужаться* или *простуживаться*?»

Л. Д. Ефименко, г. Харьков.

Литературным является глагол *простужаться*; *простуживаться* — разговорная форма.

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией Т. С. Колмакова
Художественный редактор Т. А. Михайлова
Корректоры В. В. Беляев, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 13.10.1980. Подписано к печати 11.12.1980. Т-19638.
Формат бумаги 84×108¹/₂. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 10,0
Бум. л. 2,5. Тир. 55000. Зак. 3553.

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10